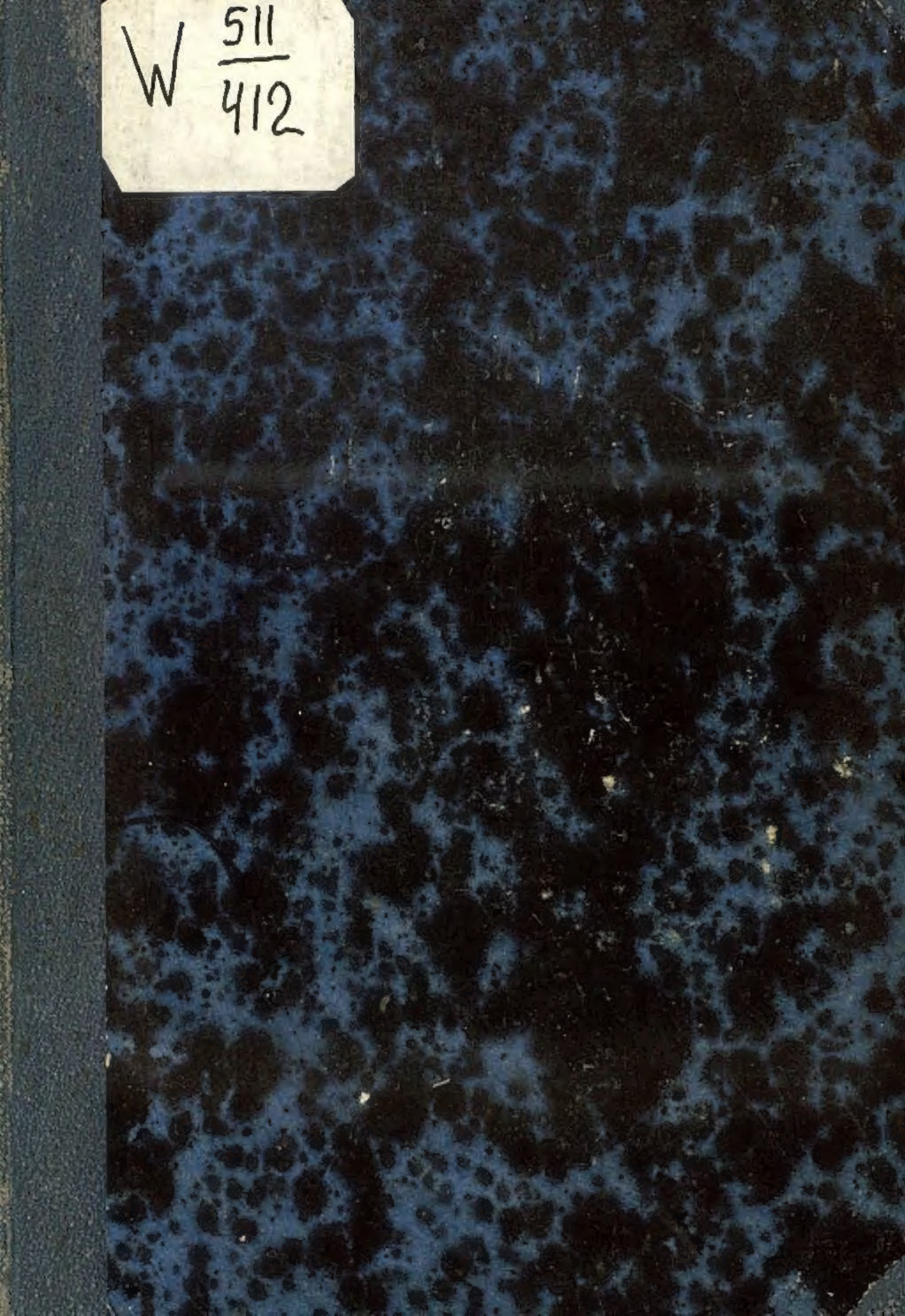

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

ВЪ

НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ

(ЧѢМЪ НАМЪ БЫТЬ?)

РОСТИСЛАВА ФАДѢЕВА.

Изданіе газеты „Русскій Міръ".

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ № 5.
1874.

фонд
Госуд.
СССР
им.

2007081062

Издавая книгою статьи, напечатанныя въ «Русскомъ Мірѣ» подъ заглавіемъ «Чѣмъ намъ быть», я далъ имъ, для удобства читателей, иное раздѣленіе—на главы, соединяя статьи однороднаго содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе дополнено и развито съ большею опредѣленностію, для избѣжанія недоразумѣній, возникшихъ въ обществѣ при чтеніи спѣшно написанныхъ газетныхъ статей. Тѣмъ не менѣе я долженъ просить читателей помнить, что представляемая имъ книга—собственно не книга, отъ которой можно было бы требовать систематической полноты предмета, а рядъ исправленныхъ журнальныхъ статей, соединенныхъ въ одно цѣлое только по формѣ.

Ростиславъ Фадѣевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ.
1	2 сверху	Существуетъ	существуетъ
3	18 »	политическ мъ	политическомъ
8	6 »	создававшая.	создавшая.
9	2 снизу	искюченіе	исключеніе
24	5 сверху	крымскую	крымскою
29	6 снизу	какими-то	какимъ-то
36	2 сверху	по себѣ	по себѣ,
39	11 »	предлогѣ,	предлогъ,
—	23 »	всокій	всякій
—	24 »	было	былъ
—	25 »	начало	началъ
—	18 »	черню	черню;
—	21 »	оправдатльнаго	оправдательнаго
71	9 »	простолюда,	простолюдина,
78	12 снизу	воспитаны	воспитанное
99	11 »	локолизаціи	локализація
100	13 »	помѣстьѣ	помѣстье
114	8 »	безъ которой	при которой
134	13 сверху	Wasshington	Washington
—	14 »	оставляющую	составляющую
149	3 »	встѣдствіе	вслѣдствіе
158	5 »	русскикъ	русскихъ
—	18 »	насъ	насъ,
166	3 и 4 »	способна, русская	способна русская
169	5 »	послѣднихъ статьяхъ, посвященныхъ	послѣдней главѣ, посвященной
179	3 »	выказываетъ	выказываетъ.
183	4 снизу	безпристрстіе,	безпристрастіе,
192	5 и 6 »	обществами:	обществами,
203	1 и 2 сверху	примѣняемо	примѣняемое.

ГЛАВА I.

Любопытно поставить передъ нашимъ обществомъ слѣдующій вопросъ: Существуетъ ли для нынѣ живущихъ русскихъ людей, изъ безчисленнаго ряда задачъ, предлагаемыхъ настоящему поколѣнію общественною жизнью, такая задача, которая могла бы быть рѣшена и установлена на дѣлѣ внѣ спора несомнѣннымъ большинствомъ голосовъ, о которой можно было бы сказать, что въ этомъ отношеніи въ Россіи существуетъ твердое мнѣніе? Представимъ себѣ сонъ: намъ снится, что всѣ *частные* русскіе люди, семьдесятъ девять съ половиною милліоновъ изъ осьмидесяти, перенесены мгновенно на другую планету и имъ приходится устраивать свой общественный бытъ безъ помощи готовой правительственной склейки, которою у насъ все держится; этимъ частнымъ людямъ надобно сложиться въ общество и государство одною силою своей исторической закваски и современныхъ убѣжденій. Можетъ ли даже присниться, чтобы, при такой крайности, въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ нашлось достаточное большинство, правильнѣе сказать—достаточная нравственная сила, для твердаго и скораго установленія не только соотвѣтствующихъ формъ,—мы объ нихъ уже не говоримъ,—но даже самыхъ коренныхъ основъ? Слово *большинство* необходимо замѣнить въ этомъ случаѣ словомъ *нравственная сила*, потому что въ нынѣшнемъ состояніи свѣта не всѣ еще люди одинаково люди; подъ развитыми общественными слоями лежатъ слои, представляющіе почти допотопный человѣческій бытъ, которые даже въ случайныхъ прояв-

леніяхъ своей силы движутся не собственными замыслами, а руководятся вожаками изъ исторически созрѣвшихъ верхушекъ,— все равно, на парижскихъ ли баррикадахъ, предводительствуемыхъ живописцами безъ заказовъ и журнальными сотрудниками безъ работы, на французскомъ ли и нѣмецкомъ всенародномъ голосованіи, выжимаемомъ изъ страны давленіемъ высшихъ слоевъ, или въ рѣшеніяхъ русскихъ гласныхъ отъ крестьянъ на земскихъ собраніяхъ. Явленіе возмутившихся сицилійскихъ рабовъ, избравшихъ своимъ начальникомъ римскаго гражданина, представляетъ и будетъ представлять еще на неизмѣримое время въ будущемъ явленіе неизбѣжное. Мы можемъ поэтому ограничиться въ нашемъ разсужденіи однимъ обществомъ. Хотя русская народная масса и не оставалась бездѣйственною въ рѣшительные часы нашей государственной жизни, какъ, напримѣръ, въ 1612 году (въ чемъ заключается одно изъ великихъ нашихъ преимуществъ), но ея сочувствіе имѣло лишь то значеніе, что доставляло перевѣсъ одной изъ партій, возникавшихъ въ исторически-воспитанномъ общественномъ слоѣ—иначе и быть не могло. Но существуетъ ли въ современномъ русскомъ обществѣ какое либо мнѣніе съ такимъ большинствомъ, или, говоря иначе, существуетъ ли такая группа единомысленныхъ людей, которая въ предполагаемомъ нами снѣ могла бы обратить свою волю въ обязательный законъ, безъ чего новой планетѣ пришлось бы быть свидѣтельницей сумятицы и даже полнаго разложенія, еще невиданныхъ на нашемъ свѣтѣ? Вопросъ этотъ сводится на слѣдующій: оказываются ли въ обновленномъ русскомъ обществѣ хотя бы только завязки самостоятельной и сознательной народной жизни, безъ которой мы можемъ быть расой, можемъ быть государствомъ, но не можемъ стать живою, развивающеюся націей, идущею впередъ по *своему* пути? Ходить же постоянно по чужимъ путямъ значитъ лишиться въ историческомъ смыслѣ права на самостоятельное бытіе, обра-

титься въ обезличенную толпу, въ матеріалъ, и подвергнуться опасности, раньше или позже очутиться подъ рукой тѣхъ, у кого есть *свой* путь. Несомнѣнно, что всякій изъ большихъ европейскихъ народовъ, поставленный въ положеніе, о которомъ мы говоримъ, не находился бы долго въ затрудненіи: онъ возсоздался бы по своему историческому складу. У англичанъ не возобновилось бы, вѣроятно, одно только царство, но управленіе осталось бы на новой планетѣ въ нынѣшнихъ же привычныхъ рукахъ. Между французами не обошлось бы безъ рѣзни, такъ какъ у нихъ лишь рѣзнею устанавливается законность всякаго новаго правительства; но одна изъ *готовыхъ* партій очень скоро захватила бы власть и снова опеленала бы народъ административною паутиной; французамъ опять пришлось бы платонически увлекаться пристрастіемъ къ той или другой формѣ верховной власти, оставаясь подъ тою же самою ежечасною и мелочною опекой чиновниковъ, назначаемыхъ всякимъ ихъ правительствомъ почти изъ тѣхъ же людей. Нечего и говорить объ американцахъ: почва новой планеты никакъ не показалась бы имъ въ политическомъ отношеніи мудренѣе почвы Новаго Свѣта. То же сравненіе, приблизительно, можно распространить и на нѣмцевъ и на итальянцевъ. Но что дѣлали бы въ такомъ положеніи мы, русскіе? Одна сторона вопроса, вѣроятно рѣшилась бы скоро. Судя по понятіямъ всей массы нашего народа, признающаго законною властью одну только царскую власть, безъ всякаго ея опредѣленія, мы должны были бы снова прибѣгнуть къ самодержавію, хотя подобное возстановленіе не обошлось бы безъ большой смуты: нашъ народъ вѣритъ не столько въ отвлеченный принципъ, какъ въ освященный родъ. Но вопросъ этимъ не кончается. Самодержавіе все же есть только принципъ, какъ народовластіе въ республикѣ, принципъ, способный облекаться въ самыя разнообразныя формы въ приложеніи къ дѣлу, въ управленіи государствомъ и областями,

*

какъ достаточно доказано нашею собственною исторіей. Но какой монархъ можетъ взяться за устройство управленія, не зная, въ чемъ состоятъ условія и потребности даннаго народа? А кто же, какое мнѣніе, какая группа единомышленниковъ—могли бы указать у насъ, при возсозданіи общественнаго порядка, наши потребности,—указать такимъ образомъ, чтобы голосъ ихъ покрылъ тысячи другихъ голосовъ, настоящую кошачью музыку, которая поднялась бы по этому поводу? Можно сказать съ достаточною вѣроятностью лишь одно: большинство русскихъ голосовъ не захотѣло бы возобновленія бюрократическаго управленія посредствомъ столоначальниковъ, внѣ необходимыхъ размѣровъ. Но чѣмъ замѣнить столоначальниковъ? Кто сказалъ бы это на новой планетѣ съ такимъ авторитетомъ, чтобы въ немъ можно было узнать голосъ страны, по крайней мѣрѣ голосъ нравственной силы, первенствующій въ странѣ, что одно и то же? Можно думать, однако же, что, даже не переѣзжая на другую планету, мы находимся и на этой землѣ въ положеніи довольно близкомъ къ вышеописанному, за однимъ исключеніемъ—за исключеніемъ прочности верховной власти, безъ которой все у насъ разсыпалось бы прахомъ. Конечно, существованіе твердой власти есть спасительный фактъ, обезпечивающій наше настоящее и близкое будущее въ государственномъ смыслѣ; но само по себѣ оно не предрѣшаетъ формъ общественнаго устройства, соотвѣтствующихъ нашему складу, росту и потребностямъ. Правительство состоитъ не изъ волшебниковъ, которые могли бы знать то, чего не знаетъ самъ народъ; у насъ же не существуетъ покуда никакого связнаго мнѣнія (возможнаго только при связности людей), въ которомъ выражалось бы хотя приблизительно направленіе большинства русскаго общества.

Двадцать лѣтъ тому назадъ нельзя было предложить подобнаго вопроса, не только по стѣсненію слова, но потому, что онъ не

имѣлъ бы смысла. Во-первыхъ, нѣкоторое сосредоточеніе мнѣнія и органы для его выраженія тогда существовали, хотя въ очень одностороннемъ и бездѣйственномъ видѣ. Во вторыхъ,—и это главное,—подобный вопросъ не могъ тогда возбудиться, такъ какъ въ немъ не настояло надобности. Пока продолжался воспитательный періодъ нашей исторіи, открытый Петромъ Великимъ и законченный нынѣшнимъ царствованіемъ, верховная власть относилась у насъ къ народу, вмѣстѣ взятому, не только какъ власть, но какъ наставникъ: и сама она, и русское общество, послѣ страдательнаго противодѣйствія первыхъ годовъ, признали особую просвѣтительную миссію сверху, не постоянную, а временную, отрицавшую по своей сущности самостоятельность сужденія и гражданской дѣятельности у просвѣщаемыхъ. Извѣстное дѣло, что отъ ученика требуютъ только прилежанія и послушанія, а не мнѣнія. Прожитый нами полутаровѣковой воспитательный періодъ былъ запечатлѣнъ исключительнымъ, чисто-искуственнымъ и подражательнымъ характеромъ, рѣзко отличающимъ его и отъ предшествующаго,, и надо думать, отъ наступившаго уже времени, отъ минувшихъ и отъ грядущихъ вѣковъ самодѣльнаго народнаго развитія. Настоящее царствованіе упразднило этотъ воспитательный періодъ, вызвавъ общество къ гражданской дѣятельности, и открыло новую эпоху русской исторіи, можно надѣяться—эпоху зрѣлости, въ отношеніи къ которой всѣ предшествующія были только приуготовительными. Мы выдержали выпускной экзаменъ такъ, впрочемъ, какъ его обыкновенно выдерживаютъ на Руси, благодаря снисхожденію экзаменаторовъ, болѣе чѣмъ собственнымъ знаніямъ; тѣмъ не менѣе мы теперь уже должны стоять на своихъ ногахъ и жить своимъ умомъ. Вопросъ объ опредѣленности и твердости общественнаго мнѣнія и о связности сословныхъ пластовъ и группъ, способныхъ взращать и выражать его, становится изъ праздпаго, какимъ онъ былъ еще недавно, неот-

ложнымъ. Покуда же мы, русскіе, встающіе со школьной скамьи воспитательнаго вѣка своей исторіи, связываемся между собою не какою либо общностью мнѣнія, свойственною всякой сложившейся націи, а лишь нѣкоторымъ единствомъ народнаго чувства; это чувство есть не иное что, какъ отголосокъ, постепенно выдыхающійся отъ времени, однородности и сосредоточенія національныхъ взглядовъ, когда-то у насъ существовавшихъ. Потому, мы покуда только государство, а не общество. Очевидно, крѣпость государственнаго сложенія обезпечиваетъ намъ переходный срокъ, въ теченіе котораго мы можемъ сростись въ общество; но тѣмъ не менѣе срокъ этотъ, едва ли растяжимый произвольно, долженъ окончательно рѣшить, что намъ предстоитъ впереди: быть ли живымъ народомъ, или политическимъ сборомъ безсвязныхъ единицъ. На днѣ вопроса, поставленнаго такимъ образомъ, лежитъ ключъ нашего будущаго.

Въ современной Россіи видно во всемъ отсутствіе сложившихся мнѣній и общественныхъ органовъ, способныхъ установить взгляды большинства и выражать ихъ съ достаточнымъ вѣсомъ. Одно связано съ другимъ неразрывно: разбродъ мнѣній всегда доказываетъ, между прочимъ, разбродъ людей. Ниже мы постараемся изслѣдовать причины такого необычайнаго явленія — тысячелѣтняго историческаго общества съ неустоявшимися понятіями; покуда же можно удовольствоваться признаніемъ самаго факта: путаница нашихъ понятій бросается въ глаза. Мы всѣ знаемъ, что русскій народъ чрезвычайно даровитъ, что умныхъ людей у насъ едва ли не больше, чѣмъ гдѣ нибудь. Достаточно проѣхать нѣсколько сотъ верстъ по нашимъ и по заграничнымъ желѣзнымъ дорогамъ, разговаривая съ случайными сосѣдями, чтобы неотразимо придти къ двумъ заключеніямъ: первое — что въ сужденіи большинства русскихъ людей гораздо болѣе мѣткости и независимости; второе — что въ самыхъ обыденныхъ предметахъ, къ

которымъ европеецъ подходитъ совершенно развязно, какъ къ своему дому, зная всѣ входы и выходы, русскому приходится какъ будто открывать Америку; вы видите, что нашъ землякъ подступаетъ къ предмету какъ-бы въ первый разъ и притомъ въ одиночку, не чувствуя за собою никакой опоры сложившагося мнѣнія. Даже въ противоположныхъ взглядахъ двухъ европейцевъ на какой либо предметъ замѣтно, что сужденія ихъ исходятъ изъ одного общаго основанія и расходятся только въ личныхъ заключеніяхъ; но даже въ согласіи двухъ русскихъ чувствуется, что мнѣнія ихъ вытекаютъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія и сходятся только въ практическомъ выводѣ. Подъ нашими взглядами нѣтъ общей подкладки, выработанной совокупною жизнью. Оттого средній русскій человѣкъ изъ фрачныхъ слоевъ или крайне нерѣшителенъ въ своихъ заключеніяхъ, не довѣряетъ себѣ, или же дерзокъ до безобразія, до безсмыслія. И нерѣшительность, и дерзость происходятъ изъ одного источника—изъ того, что онъ долженъ до всего добираться самъ, что онъ не знаетъ, что и кто за него, что и кто противъ него; онъ разсуждаетъ въ одиночку. И наша робость, и наша смѣлость не сознательны. Оттого русскіе люди, даже вполнѣ зрѣлые и нравственно сильные, которые принесли бы честь всякой странѣ, мало полезны обществу. Какъ имѣть вліяніе на общество, когда оно не представляетъ ни сборныхъ мнѣній, ни общихъ интересовъ, ни сложившихся группъ, на которыя можно было бы дѣйствовать; вліять же на людей поодиночкѣ значило бы черпать море ложкою. Недостатокъ гражданской доблести, вялость въ исполненіи своихъ обязанностей и равнодушіе къ общему дѣлу, въ которыхъ мы постоянно себя упрекаемъ, происходятъ, въ сущности, отъ безсвязности между людьми. Немудрено быть гражданиномъ тамъ, гдѣ человѣкъ видитъ предъ собою возможность осуществить всякое хорошее намѣреніе; но нужна непомѣрная, чрезвычайно рѣдкая энергія, чтобы тратить силы при малой на-

деждѣ на успѣхъ. Это чувство одиночества, дѣйствующее очень долго, повліяло, конечно, и на складъ русскаго человѣка, сдѣлало его относительно-равнодушнымъ къ общественному дѣлу, лишило вѣры въ себя, вытравило изъ насъ отчасти то, что называется индивидуализмомъ. Невозможно вылечиться отъ равнодушія, пока продолжается обстановка, его создававшая.

Въ русской литературѣ то же самое, что въ русской жизни. И здѣсь нѣтъ недостатка въ умныхъ и ученыхъ книгахъ или журнальныхъ статьяхъ, заносимыхъ въ періодическія изданія изъ самаго общества; но подъ зрѣлыми русскими книгами такъ же точно не оказывается почвы, какъ и подъ зрѣлыми русскими людьми: онѣ мало входятъ въ народное сознаніе, между ними и общимъ уровнемъ остается пустой промежутокъ. Въ другихъ странахъ никакое личное выраженіе сильной мысли не пропадаетъ даромъ: оно подхватывается и разносится въ обществѣ періодическою печатью, оно, можно сказать, размѣнивается ею на мелочь для всеобщаго употребленія. У насъ же, между серьезными трудами со стороны, которые печатаютъ случайно газеты или журналы, и собственными ихъ передовыми статьями или обозрѣніями не оказывается никакой связи; въ печати, какъ и въ жизни, зрѣлые люди остаются одинокими, мыслятъ про себя, а печать (даже изданія, служащія имъ органомъ, за весьма малымъ исключеніемъ) продолжаетъ угощать публику тою же уличною философіею и политикою. Даже въ дѣлѣ рецензіи и ознакомленія общества съ замѣчательными отечественными произведеніями, составляющихъ прямое дѣло періодической печати, всякій трудъ, перерастающій общій уровень, всякое произведеніе мысли сколько нибудь сильной—остаются чужды русской критикѣ: развѣ случайно вздумается умному и ученому адвокату написать разборъ новаго сочиненія по социологіи, или «неизвѣстному» представить очеркъ такъ-называемыхъ «запрещенныхъ духовныхъ книгъ». Безъ такихъ слу-

чайностей, довольно рѣдкихъ, одиночныя верхушки русской мысли оказываются не подъ-силу нашей критикѣ, даже не затрогиваются ею. Удивительно развѣ то, что многіе люди все-таки добираются до этихъ произведеній собственнымъ чутьемъ, безъ всякаго указанія, что репутація нашихъ дѣятелей и писателей въ обществѣ держится совершенно независимо отъ ея огласки печатью; этотъ фактъ болѣе всего остальнаго доказываетъ великія нравственныя силы, скрытыя въ нѣдрахъ русскаго общества, не смотря на слабость внѣшнихъ его проявленій. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, наша періодическая печать оказывала несомнѣнное вліяніе на общество, но въ итогѣ вліяніе пустозвонное и не хорошее, и утратила его по своей винѣ *). Теперь она не руководитъ рѣшительно ничѣмъ, остается совершенно безплодною для развитія мнѣнія русскихъ людей, тѣхъ по крайней мѣрѣ, у которыхъ выросла уже борода. Особенно должно сказать это о нашей печати газетной, наиболѣе привлекающей читателей средняго уровня; она исключительно живетъ фельетономъ, обращеннымъ въ потѣху для публики, принявшемъ всѣ свойства стариннаго помѣщичьяго увеселенія съ шутами и скоморохами. Наши нигилистскіе журналы издаются для гимназистовъ; такъ-называемыя серьезныя газеты, во всемъ, что онѣ говорятъ отъ своего имени, — ровно ни для кого: читатели ищутъ въ нихъ шутокъ, телеграммъ, извѣстій изъ областей, городской хроники, иногда останавливаются на случайномъ словѣ кого нибудь изъ читателей же, рѣшившагося высказаться—и только.

Явленіе само по себѣ совершенно понятное. Въ нашей періодической печати не выражается, кромѣ рѣдкихъ исключеній, ни-

*) Мы не считаемъ нужнымъ оговаривать всѣмъ извѣстныхъ исключеній—объ изданіяхъ, оказавшихъ въ свое время несомнѣнную услугу русской мысли и русскому дѣлу по текущимъ случайнымъ вопросамъ; исключеніе только подтверждаетъ правило.

какихъ *сборныхъ* мнѣній, у нея нѣтъ союза со *сборными* интересами, такъ какъ страна почти не обнаруживаетъ ихъ; за печатью не стоитъ никто, она не внушается никакою живою дѣйствительностью, она рѣшаетъ все на свѣтѣ съ точки зрѣнія какихъ-то *общечеловѣчныхъ принциповъ,* замѣняющихъ недостатокъ положительнаго дѣла; однимъ словомъ, она выражаетъ собою только самое себя, понятія своихъ сотрудниковъ. Кому же они могутъ быть любопытны? Нельзя сказать притомъ, чтобы въ нашихъ журнальныхъ редакціяхъ не было даровитыхъ людей: они есть; но у этихъ людей нѣтъ дѣла, они проникнуты тѣмъ же характеромъ, находятся въ тѣхъ же условіяхъ, какъ наши даровитые собесѣдники на желѣзныхъ дорогахъ. Едва можно назвать двѣ или три редакціи, стоящія выше этой среды; но и онѣ также точно вращаются въ пустотѣ. Свыше, очевидно, относятся къ вліянію такой печати гораздо серьознѣе, чѣмъ относится къ ней само общество—лучшій судья въ этомъ вопросѣ.

Тѣмъ не менѣе дѣло идетъ о предметѣ первой важности. Современное состояніе дважды обновленнаго русскаго общества, во всякомъ проявленіи его, до какого ни коснись — до жизни высшихъ и низшихъ слоевъ, до земскаго управленія, до церковнаго причта, до школы свѣтской и духовной, до печати, до войска, до семейнаго быта,—доказываетъ совершенный разбродъ людей и понятій, ничѣмъ между собою не связанныхъ. Этой бѣдѣ не поможетъ ни классическое, ни реальное образованіе, когда вокругъ юношей, выходящихъ изъ школы, общественная жизнь разсыпается на первобытные атомы. Никуда не годится объяснять наше внутреннее безсиліе (можно сказать даже—оскудѣніе, потому что въ извѣстномъ отношеніи мы спустились ниже, чѣмъ стояли недавно) одною молодостью тысячелѣтней Россіи; нечего ждать естественнаго наступленія возмужалости. При нынѣшнемъ ходѣ дѣла, эта возмужалость никогда не придетъ сама собою, съ каждымъ годомъ

мы будемъ скорѣе разсыпаться, чѣмъ складываться; а въ настоящемъ положенiи свѣта, сросшись съ Европой такъ тѣсно, какъ мы съ нею срослись, намъ некогда уже подростать потихоньку. Глиняный горшокъ не спутникъ желѣзному.

Прежде чѣмъ искать выхода изъ нашей безсвязности, надобно хорошенько въ ней оглядѣться. Не только въ русской общественной жизни нѣтъ ни средоточiя общаго, ни средоточiй мѣстныхъ, его нѣтъ также точно и въ русской мысли. Справа налѣво, во всемъ туманномъ облакѣ расплывающихся русскихъ мнѣнiй, изъ которыхъ ни одно не очерчено ясно, отъ бывшихъ славянофиловъ до крайнихъ нигилистовъ, непримѣтно до сихъ поръ ни одной точки, въ которой можно было бы предполагать будущiй центръ тяготѣнiя нашей нацiональной мысли, направленiе будущаго большинства. Этой точки нельзя даже подозрѣвать, потому что у насъ обрисовались сколько нибудь лишь крайнiя, совершенно несогласимыя мнѣнiя; а въ промежуткѣ между ними, гдѣ обыкновенно помѣщается центръ, тянется умственная пустота, въ которой вращается вихрь осколковъ — даже не мыслей, а осколковъ фразъ и словъ, надерганныхъ наудачу изъ обѣихъ оконечностей, больше, впрочемъ, съ лѣвой, чѣмъ съ правой; выводы послѣдней, и то безъ яснаго понятiя объ ихъ источникѣ, стали только недавно входить въ общее сознанiе. Этотъ вихрь самородныхъ осколковъ недавно зародившейся русской мысли перемѣшанъ вдобавокъ съ роемъ другихъ мысленныхъ осколковъ, внесенныхъ гуртомъ въ наши понятiя только-что прожитымъ подражательнымъ перiодомъ русской исторiи. Наше образованное общество воспитывалось на иностранной жизни, то-есть на иностранныхъ литературахъ, и огуломъ почерпало изъ нихъ не столько мысли, какъ названiя съ подведенными подъ нихъ заключенiями, а потомъ, незадумываясь, примѣняло эти названiя и заключенiя къ своему домашнему быту, къ явленiямъ русской жизни, имѣющимъ совсѣмъ иное содержанiе.

Эта переноска названій и готовыхъ выводовъ на неподходящіе къ нимъ предметы спутала наши понятія до хаоса. Мы не замѣтили въ началѣ своего подражательнаго вѣка, что явленія нашей общественной и государственной жизни, окрещиваемыя иностранными именами, подразумѣваютъ совсѣмъ не то что слова эти означаютъ на западѣ: что русская верховная власть стоитъ на совсѣмъ другихъ основаніяхъ, чѣмъ феодальная европейская монархія; что русское дворянство не имѣетъ ничего общаго съ дворянствомъ западнымъ ни по происхожденію, ни по отношенію къ народу и представляетъ совсѣмъ иную функцію общественной жизни; что примѣненіе къ намъ европейскихъ понятій о среднемъ сословіи составляетъ безсмыслицу, потому что въ Россіи всего только два пласта людей—пластъ, созрѣвшій исторически, постоянно подновляемый притокомъ новыхъ силъ снизу, и пластъ стихійный—простой народъ; что православное духовенство, какъ общественной органъ, не можетъ быть ни съ какой стороны приравнено къ клиру католическому или церковному наставничеству протестантскому; что православная церковь, охраняющая свое единство въ чисто-духовномъ смыслѣ, составляетъ учрежденіе *не* политическое, чѣмъ обусловливается внутреннее направленіе нашей исторіи, кромѣ случайныхъ, совершенно личныхъ отклоненій, а потому у насъ невозможно мѣрить отношенія церкви къ государству заграничнымъ аршиномъ; что въ Россіи нѣтъ черни, волнующей съ нѣкотораго времени Западную Европу, а есть только осѣдлый народъ, не разрывающій связи съ родною деревнею, даже при долголѣтнемъ жительствѣ на сторонѣ; что завистливыя отношенія низшихъ *народныхъ* слоевъ къ высшимъ, образованнымъ, рѣшительно у насъ не существуютъ, вслѣдствіе чего первые не требуютъ себѣ никакого трибунства, никакого огражденія отъ послѣднихъ; что нашъ народъ привыкъ управляться міромъ только въ хозяйственномъ отношеніи — дѣлить общинную

землю и подати, а полицейское самоуправленіе на швейцарскій ладъ ему невѣдомо,—и такъ далѣе безъ конца. Можно было бы выслѣдить во всемъ объемѣ образованной русской жизни фальшь, происходящую изъ занесенныхъ къ намъ чужихъ названій и выводимыхъ изъ нихъ неподходящихъ заключеній. Проглядѣвъ въ первомъ жару образовательнаго увлеченія это коренное различіе между вновь заучиваемыми словами и своею родною дѣйствительностью, мы сбили себя съ толку на полтора, можетъ быть, на два столѣтія. Мы уподобились всѣ львенкамъ басни, отданнымъ на воспитаніе орлу и воспылавшимъ, по возвращеніи домой, рвеніемъ обучать звѣрей искусству вить гнѣзда. Отсюда всѣ промахи нашего воспитательнаго періода сверху и снизу вплоть до новѣйшаго нигилизма, прямаго и неизбѣжнаго его послѣдствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ самаго неподходящаго и безсмысленнѣйшаго изъ русскихъ подражаній. Изъ общества, вмѣстѣ съ людьми, эта привычная подстановка чуждыхъ названій и выводовъ подъ русскую дѣйствительность перешла и въ оффиціальные круги—кто же наполнялъ эти круги, какъ не тѣ же люди образованнаго русскаго слоя?—и отразилась на безконечномъ рядѣ правительственныхъ мѣръ прошлаго времени; въ послѣдній разъ она отозвалась, и отозвалась сильно, на громадныхъ преобразованіяхъ шестидесятыхъ годовъ. Въ обществѣ это полуторавѣковое quiproquo дѣйствуетъ до сихъ поръ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ личный взглядъ человѣка ближе подходитъ къ лѣвой сторонѣ русскихъ направленій, то-есть чѣмъ меньше самостоятельности въ его мысли. Какой нибудь журналъ пишетъ статью о народномъ образованіи въ Россіи: онъ считаетъ просвѣщеннымъ дѣломъ выговорить, по западному образцу, огражденіе образованія отъ клерикализма, даже не подозрѣвая того, что, безпокоясь о нашемъ клерикализмѣ, онъ говоритъ французскимъ языкомъ уѣздной барышни, которая назы-

ваетъ содержателя постоялаго двора—по народному, дворника—le portier, а щи—la soupe au choux.

Одно съ другимъ — переплетеніе крайнихъ взглядовъ, выросшихъ на русской почвѣ, съ хаосомъ неподходящихъ, чуждыхъ нашей жизни выводовъ и заключеній—не могли не сбиться въ настоящую кашу въ русской головѣ средней силы. При нѣкоторой связности общественной жизни, этотъ хаосъ пришелъ бы самъ собою въ порядокъ, по крайней мѣрѣ распредѣлился бы по группамъ; значеніе господствующихъ направленій можно было сосчитать, если не взвѣсить; мы знали бы приблизительно, въ чемъ у насъ сила и куда мы идемъ. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣла, при полной безсвязности людей, умственный хаосъ обращается въ нашъ хроническій недугъ. Нельзя не замѣтить, однакожъ, что механическая смѣсь противоположныхъ или, что еще хуже, несоизмѣримыхъ взглядовъ можетъ уживаться только въ частной жизни нетребовательныхъ личностей, для которыхъ мнѣнія составляютъ нѣчто вродѣ умственнаго упражненія на досугѣ; но съ нею не уживается стройная общественная жизнь, требующая прежде всего извѣстнаго соотвѣтствія началъ и цѣлей въ людяхъ, дѣйствующихъ сообща.

Единственная серьезная работа русской мысли надъ самой собою дана намъ группою, наименѣе у насъ популярною, бывшими славянофилами—не въ ихъ теоріи и не въ ихъ практическихъ заключеніяхъ, но въ анализѣ, совершенномъ ими надъ русскими понятіями конца воспитательнаго періода, въ изобличеніи вопіющей фальши чуждыхъ названій и подведенныхъ къ нимъ готовыхъ заключеній чужеземной жизни въ отношеніи къ русской дѣйствительности, въ точномъ опредѣленіи нашего рода и вида между націями, въ общественномъ и духовномъ смыслѣ. Безъ этого труда, не вполнѣ еще вошедшаго въ общественное сознаніе, но тѣмъ не менѣе проникающаго его понемногу со всѣхъ сторонъ, мы находились

бы до сихъ поръ въ смутномъ положеніи образованнаго русскаго слоя двадцатыхъ годовъ, стремившагося всею душою, чистосердечно, къ перенесенію на нашу почву французскихъ порядковъ и французскихъ политическихъ заключеній,—въ положеніи русскихъ барынь, обращаемыхъ де-Местромъ въ ультрамонтанство,—въ понятіяхъ того времени, когда Бѣлинскій видѣлъ въ турецкомъ пашѣ и австрійскомъ жандармѣ просвѣтительное начало для славянъ. О школѣ славянофиловъ можно говорить уже въ прошломъ: она отжила свое время и высказала все, что имѣла сказать. Теорія ея создала принципъ слишкомъ цѣльный, чтобы онъ могъ примѣниться къ условному общественному быту; въ практическихъ заключеніяхъ она не принесла плода. Поставивши ясно вопросъ, независимые и либеральные умы, работавшіе въ этомъ направленіи не умѣли свести его на жизненную почву; такая задача оказалась не подъ силу ихъ времени. Они пришли на дѣлѣ почти къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ позднѣйшіе либералы съ чужихъ словъ: искали спасенія въ сокровищахъ стихійной мудрости русскаго простонародья. Съ общаго голоса всѣхъ направленій опытъ былъ предпринятъ. Оказалось, какъ и должно было оказаться, что стихійныя народныя сокровища (дѣйствительныя, какъ доказывается русскою исторіей) уподобляются минеральнымъ сокровищамъ горы Благодати: лежатъ подъ спудомъ и безъ пользы, покуда образованные инженеры не станутъ извлекать ихъ по частямъ и отливать въ опредѣленную форму.

Нечего говорить о не существующей пока срединѣ русскихъ мнѣній, о томъ, что называется на Западѣ правымъ и лѣвомъ центрами, всегда составляющими большинство: она высказывается по временамъ лишь въ дробныхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ практическимъ предметамъ, выражаетъ преимущественно личное настроеніе и не выработала себѣ никакихъ общихъ началъ. Да какъ и выработать? Мы вынуждены перешагнуть прямо къ ва-

вилонскому смѣшенію языковъ, названному недавно лѣвою стороной русскихъ мнѣній.

Наши лѣвыя мнѣнія прозвали себя либеральными. Это прилагательное удержалось за ними въ разговорномъ языкѣ, не какъ сужденіе общества, но какъ кличка. Что значитъ въ ихъ смыслѣ слово либерализмъ,—можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія.

Славянофилы, нынѣ уже отжившіе, были не только либералами, но либералами-утопистами, насколько русскіе люди могли стать ими, не отрываясь совершенно отъ почвы. Они такъ глубоко вѣрили въ сокровенную духовную мощь русскаго народа, что считали возможнымъ осуществленіе самыхъ широкихъ идеаловъ жизни почти безъ всякихъ обезпеченій со стороны власти *и закона, на началахъ одного полюбовнаго* соглашенія: они вѣрили въ народную правду, то-есть въ разумное сельское самоуправленіе съ общиной и круговою порукой; вѣрили въ самое широкое самоуправленіе областное и государственное (земскіе соборы, какъ совѣщательное собраніе); вѣрили въ полную свободу слова, служащаго само себѣ противовѣсомъ; вѣрили въ безъизъятную свободу совѣсти и духовную вселенскую церковь, стоящую исключительно на единодушіи вѣрующихъ, внѣ всякой охраны со стороны государства; они признавали судъ присяжныхъ (справедливо или нѣтъ—все равно) за коренное славянское учрежденіе; ограничивали въ своей теоріи дѣйствіе администраціи одною внѣшнею, фактическою стороной жизни; были противниками всякихъ предупредительныхъ стѣсненій; свято (хотя, конечно, не слѣпо) чтили науку,—и такъ далѣе. Если такія мнѣнія—не самый полный, почти радикальный, даже увлекающійся либерализмъ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ современному общественному состоянію Россіи,—то что же онѣ такое? Не даромъ Герценъ называлъ славянофиловъ своими братьями по свободомыслію. Противъ нихъ можно было спорить во многомъ, да-

же почти во всемъ, вслѣдствіе слишкомъ теоретической постановки, которую они давали своимъ положеніямъ; можно было опровергать ихъ пріемы; можно было доказать имъ, что такого свободнаго общества, о какомъ они мечтали, еще не существовало на свѣтѣ,—но никакъ нельзя было не признавать ихъ самыми свободомыслящими людьми. Между тѣмъ, наши такъ-называемые либералы всегда считали и именовали группу славянофиловъ консервативною, *нелиберальною*. Такъ выражались даже почтенные, совсѣмъ не-нигилистскіе, сохраняющіе благопристойность органы лѣваго направленія; подонки же этой стороны литературы, настоящіе нигилистскіе листки, величали мнѣнія славянофиловъ «понятіями московской просвирни». Теперь спрашивается: если стремленіе къ широчайшему самоуправленію, къ свободѣ слова и совѣсти, къ независимой не-политической церкви, къ народному суду, къ вольной наукѣ и т. д. составляютъ въ нынѣшнемъ положеніи нашего отечества партію консервативную, то въ чемъ же заключаются гражданскія стремленія нашей партіи прогрессивной?

Читатель ждетъ ужасовъ. Можно думать, что идеалъ людей для которыхъ всѣ вышесказанныя стремленія составляютъ не болѣе какъ чистый консерватизмъ, долженъ бить, по крайнѣй мѣрѣ, на какой нибудь соціальный переворотъ! Нѣтъ, ничего подобнаго наши либералы не имѣютъ въ виду. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ у насъ дѣйствительно развилось-было, подъ давленіемъ долгаго застоя, заграничной пропаганды и тяжелаго впечатлѣнія крымской неудачи, направленіе поголовно отрицательное, сильно проникнутое бреднями соціализма и космополитизма—нашъ знаменитый нигилизмъ; но онъ никогда не былъ сознательнымъ убѣжденіемъ чьимъ бы то ни было, кромѣ нѣсколькихъ недокросныхъ природою личностей,—онъ былъ только модою, на которую всегда податливы люди, не чувствующіе

подъ собою почвы. Первое соприкосновеніе русскаго общества съ дѣйствительностью, въ видѣ польскаго возстанія, снесло его какъ утренній туманъ. Остатки нигилизма укрылись въ литературныхъ подпольяхъ, откуда они продолжаютъ дѣйствовать понемногу на разныхъ юношей, такъ что нынѣшніе русскіе нигилисты составляютъ не какую либо группу людей, связанную общими убѣжденіями, а только извѣстный возрастъ. Какъ Аѳины подъ управленіемъ геронтократіи (аристократіи старцевъ), Россія подѣлилась на партію людей брадатыхъ и партію безбородыхъ; стало быть, нынѣшній нигилизмъ въ сущности составляетъ довольно невинную забаву. Съ тѣмъ вмѣстѣ вершины, даже средній уровень либеральной печати и публики, почти совершенно очистились, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи, отъ нигилистскихъ началъ, то-есть отъ фантазіи отрицанія всего историческаго подлуннаго міра, хотя множество отдѣльныхъ повѣрій той полосы времени удержались еще, какъ лужи послѣ наводненія. Но хотя въ настоящее время наши грамотные либералы уже не негилисты, тѣмъ не менѣе они признаютъ за собою стремленіе къ такимъ возвышеннымъ цѣлямъ, въ сравненіи съ которыми утопическія цѣли славянофиловъ ничто иное, какъ консерватизмъ. Мы полагали бы, что на свѣтѣ не существуетъ покуда политическаго идеала, который могъ бы относиться къ полной свободѣ самоуправленія, слова, церкви и проч. какъ погрессъ къ застою; американцы такого идеала не знаютъ: честь изобрѣтенія его принадлежитъ русской лѣвой сторонѣ. Но въ чемъ же состоитъ, наконецъ, этотъ недостижимый для другихъ народовъ идеалъ? Увы, это можно сказать въ двухъ словахъ: онъ состоитъ *ни въ чемъ*, все содержаніе его не превышаетъ нѣсколькихъ десятковъ либеральныхъ общихъ мѣстъ, занесенныхъ къ намъ краснорѣчіемъ европейскихъ политическихъ партій. Для нашихъ либераловъ важны слова и названія, а не дѣло.

Перенесеніе въ нашъ домашній бытъ названій и заключеній, выработанныхъ чужою жизнью, о которомъ мы говорили, усложнилось еще особымъ, временнымъ характеромъ—теоретическимъ крайне-либеральнымъ оттѣнкомъ въ самомъ неопредѣленномъ значеніи этого слова. Европейскія понятія стали проникать въ русское общество только въ послѣдніе годы Екатерины, одновременно со взрывомъ революціи; до тѣхъ поръ мы заимствовали военно-техническія знанія, шитые камзолы и менуэтъ; еще Рюльеръ говорилъ объ насъ: «une nation barbare armée de tous les arts de la guerre». Въ ту пору именно вся Европа увлекалась царствомъ разума и правами человѣка; понятно, что это увлеченіе, въ теоріи, не осталось чуждымъ и русскому образованному обществу. Но съ тѣхъ поръ между Европою и нами легла слѣдующая разница: Европа выстрадала послѣдствія своихъ увлеченій и научилась жестокимъ опытомъ отличать слова отъ дѣла; по крайней мѣрѣ культурные слои ея научились этому искусству. Мы же заимствовали изъ ея пира только цвѣтки безъ ягодокъ и позволяемъ себѣ роскошно упиваться ихъ ароматомъ, не разбирая между цѣлебными и ядовитыми. При такомъ золотомъ настроеніи, владычество пышныхъ словъ хотя и не умно, но понятно. Слова эти, не смотря на свою обветшалость, стали у насъ для многихъ такими же кумирами, такими же метафизическими существами, по выраженію Огюста Конта, какими были они для французовъ 1788 года—въ меньшей степени конечно, такъ какъ тамъ кумиры были самородные, у насъ же они заносные.

Въ этихъ метафизическихъ либеральныхъ словахъ заключается вся сущность нашей лѣвой стороны, всѣхъ изданій и мнѣній, выросшихъ первоначально на смутной почвѣ конца пятидесятыхъ годовъ, не смотря на видимыя усилія многихъ изъ нихъ высвободиться изъ подъ такихъ воспоминаній. Кумирокдоненіе предъ словами выказывается на этой сторонѣ всякій разъ безъ

исключенія, какъ только подымается у насъ какой нибудь общественный вопросъ. Достаточно указать на выдержку нѣсколько извѣстныхъ примѣровъ. Каждый такой примѣръ, какъ каждое отдѣльное существо въ природѣ, представляетъ собою цѣлый микрокосмъ, въ которомъ отражается все общественное состояніе съ своими оттѣнками.

Вотъ случай съ госпожею Энкенъ. Приговоръ мироваго суда, учрежденнаго для разбора дѣлъ по обычаю страны, противорѣчилъ не только русскому обычаю, по обычаю всѣхъ странъ въ свѣтѣ; онъ былъ бы несообразнымъ даже въ демократической Америкѣ. Еслибъ такіе приговоры вошли въ привычку, еслибъ русскій человѣкъ не могъ прогнать во всякое время слугу, ругающаго его въ глаза, — существованіе культурныхъ слоевъ стало бы у насъ невозможнымъ; отъ министра до послѣдняго технолога всѣмъ людямъ образованныхъ слоевъ пришлось бы бросить умственный трудъ и заняться черною работой, мести свою комнату и чистить сапоги, по невозможности держать прислугу. Ни мировые судьи, изрекшіе знаменитый приговоръ, ни защитники ихъ въ печати не потерпѣли бы у себя, въ своемъ личномъ дѣлѣ, ничего подобнаго. И тѣ и другіе знали отлично, знали несомнѣнно, что этотъ приговоръ выражаетъ произвольную ложь въ общественныхъ отношеніяхъ; что ни въ одной странѣ, имѣющей привычку къ самоуправленію, онъ не былъ бы допущенъ; что распространеніе подобныхъ взглядовъ мироваго суда имѣло бы послѣдствіемъ переворотъ всѣхъ общественныхъ отношеній, нѣчто въ родѣ соціальной революціи — чего не хочетъ ни правительство, ни общество, чего въ дѣйствительности не хотятъ даже эти судьи и ихъ литературные защитники. Всякому извѣстно, что общія начала или принципы, на которыхъ подобный приговоръ могъ бы основаться, годятся развѣ для самаго плохаго нигилистскаго листка. Никакой европеецъ не пойметъ возможности защитить

московскій приговоръ; значительная же часть нашей такъ-называемой либеральной печати защищала его. Если защищала, стало быть надѣялась на одобреніе многихъ читателей, изъ которыхъ ни одинъ, навѣрное, не поступилъ бы въ подобномъ случаѣ снисходительнѣе г-жи Енкенъ, а большинство поступило бы гораздо суровѣе. Что же означаетъ подобное явленіе, если не ребяческое кумирепоклоненіе предъ общими мѣстами либерализма, неимѣющими никакого значенія въ жизни. Общее либеральное мѣсто въ данномъ случаѣ — это три завѣтныя слова: святость суда, выборное начало и равенство передъ закономъ. Но святы лишь вѣра и отечество, отецъ и мать; судъ вовсѣ не святъ самъ по себѣ: онъ есть общественная потребность и годится, въ данномъ ему устройствѣ, только до тѣхъ поръ, пока удовлетворяетъ этой потребности, а не противорѣчитъ ей; выборное начало есть средство, а не цѣль, — средство, не соотвѣтствующее многимъ отправленіямъ общественной жизни; равенство имѣетъ значеніе между гражданами, которыхъ самъ же законъ ставитъ въ равное положеніе, а не между солдатомъ и офицеромъ, не между наемнымъ слугою и его господиномъ, не говоря уже о томъ, что всякій выгонитъ изъ дому не только низшее, но и равное, но и высше себя лицо, если оно начнетъ дѣлать дерзости. Либеральныя защитники московскаго приговора знаютъ это такъ же хорошо, какъ мы; ихъ практическія дѣйствія совершенно сходны съ нашими, но на бумагѣ они — рабы извѣстныхъ словъ фетишей, они отрекаются предъ ними отъ своего личнаго сужденія.

Возьмемъ другой случай. Рѣчь идетъ о присяжныхъ, просящихъ милостыни между засѣданіями и крадущихъ другъ у друга полушубки на скамьѣ суда. Сказать мимоходомъ, мы вовсе не противъ присяжныхъ изъ крестьянъ, — они оказываются лучше столичныхъ, — но всему есть мѣра. Лѣвая, то-есть либеральная печать возстаетъ на защиту существующаго порядка на томъ

основанія, что законъ есть дѣло вѣковое и священное; что въ Англіи даже сомнительные законы испытываются цѣлыми столѣтіями прежде чѣмъ рѣшатся ихъ измѣнить. Защитники прошенія милостыни присяжными, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, хорошо знаютъ, что въ Англіи святые законы складывались вѣковымъ обычаямъ и мнѣніемъ, прежде чѣмъ устанавливались обязательно; они также знаютъ, что наши недавнія учрежденія, по самой новизнѣ своей и теоретичности составляютъ какъ-бы пробу, требующую дальнѣйшаго указанія опыта, что въ ихъ подробностяхъ такой-то параграфъ выработанъ вчернѣ такимъ то начальникомъ отдѣленія, котораго мы хорошо знаемъ въ домашнемъ быту, не признавая за нимъ никакой святости. Они все это знаютъ; но тутъ замѣшано слово: «присяжные отъ крестьянъ», и они уже не могутъ судить своимъ умомъ, они — рабы либеральнаго слова, для оправданія котораго подыскиваютъ совершенно неподходящій примѣръ Англіи.

Идетъ рѣчь о всесословной волости, неотложномъ вопросѣ текущаго времени. Наша либеральная печать, также какъ и прочіе ея оттѣнки, признаетъ эту необходимость; но она соглашается на нее только подъ условіемъ, чтобы въ новой волости помѣщики сравнялись съ мужиками, а всѣ должности оплачивались, т. е. демократизировались, хотя главная потребность этого учрежденія состоитъ именно въ томъ, чтобы высвободить русскій народъ изъ-подъ мужичьяго управленія, становящагося для него нестерпимымъ. Тщетно г. Марковъ и столько другихъ, стоящихъ въ прямомъ прикосновеніи съ народомъ, высказываютъ несомнѣнную истину, что у насъ между крестьянствомъ и господами нѣтъ розни, что наши крестьяне въ своего брата не вѣрятъ, что они полагаются больше на правду господъ, а господиномъ считаютъ не какого либо забредшаго на ихъ сторону студента, а своего мѣстнаго, кореннаго помѣщика; что извращеніе закономъ естественныхъ,

вросшихъ въ нравы отношеній можетъ не устроить, а только еще болѣе разстроить общество, и безъ того почти разсыпающееся. Что за дѣло нашимъ присяжнымъ либераламъ, хорошо или худо будетъ русскимъ крестьянамъ, хорошо или худо пойдутъ дѣла въ уѣздахъ? Они ихъ и не увидятъ. Принципъ равенства на бумагѣ, — вотъ что важно. Не мѣнять же тона петербургской редакціи изъ-за мѣстныхъ дѣлъ какого нибудь далекаго уѣзда.

Вотъ вопросъ о пьянствѣ, возросшемъ до крайнихъ предѣловъ и составляющемъ язву нынѣшней Россіи. Различіе въ взглядахъ на средства къ пресѣченію зла очень понятно, но какое различіе могло бы обнаружиться, кажется, въ сужденіи о необходимости какихъ либо мѣръ для этой цѣли. Извѣстно, что чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ болѣе оно заботится о народной нравственности, чѣмъ либералъ искреннѣе, тѣмъ онъ ближе принимаетъ къ сердцу народное благосостояніе, въ корнѣ подсѣкаемое пьянствомъ. Тутъ то именно, на почвѣ питейнаго вопроса, слѣдовало ожидать единодушія всѣхъ либеральныхъ органовъ печати. Да, но только не русскихъ. Для русской либеральной печати существуютъ одни отвлеченные права человѣка, а не потребности дѣйствительнаго лица. Во имя этихъ правъ большинство ея ополчилось за свободу пьянства противъ мѣръ къ его пресѣченію.

Довольно примѣровъ. Пусть укажутъ намъ единый случай, единый общественный вопросъ, въ которомъ наша такъ-именуемая либеральная сторона сохранила бы практическую самостоятельность сужденія и не оказалась бы крѣпостною лелѣемыхъ ею модныхъ (въ кругу ея публики) словъ. Она сохраняетъ цѣликомъ старинную миѳологію метафизическихъ существъ, либеральныхъ отвлеченностей, избираемыхъ, разумѣется по собственному вкусу, и поклоняется ей по-язычески. Немудрено, что предъ ея идеаломъ даже славянофилы оказываются тугими консерваторами; идеалъ

ся — не какая либо дѣйствительность, а либерально-аллегорическій Олимпъ. Какая быль можетъ поравняться съ сказачною аллегоріей?

Эта миѳологія имѣла на первыхъ порахъ сильное вліяніе на русское общество, потрясенное въ своихъ обычныхъ вѣрованіяхъ разочарованіемъ, послѣдовавшимъ временно за крымскую войною но тутъ было главнѣйше вліяніе новизны, разлетѣвшееся само собою. Привычная робость передъ громкими словами удержалась у насъ въ нѣкоторой степени и до сихъ поръ; она должна удержаться, покуда сложившаяся общественная жизнь нераспредѣлитъ ихъ по достоинству, не дастъ сомнительнымъ изъ нихъ достаточный, видный для всѣхъ отпоръ. Но громадное большинство, не рѣшающееся покуда, по своей безсвязности, возстать явно противъ навязываемыхъ ему призраковъ, уже не вѣритъ имъ, — въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, выѣзжающій за петербургскую заставу. Понятно, что при такомъ настроеніи большинства наша метафизическая либеральная печать утратила всякое значеніе; но понятно также, что въ головахъ этого общественнаго большинства, изъ которыхъ еще прежде безсодержательный либерализмъ, нынѣ испаряющійся самъ собою, вытѣснилъ большую часть отеческихъ завѣтовъ, остались только пустота и равнодушіе ко всему.

Легко выразить въ двухъ словахъ сущность мнѣній нынѣшней лѣвой стороны, откидывая, конечно, ея крайнюю оконечность: еслибъ ихъ можно было выпаривать въ котлѣ, общія мѣста улетучились бы и на днѣ осталось бы: нѣкоторое количество добрыхъ намѣреній, не мало личныхъ дарованій, очень много спекуляціи и смутная, нынѣ почти уже безсознательная закваска, сохранившаяся отъ разлива нигилизма пятидесятыхъ годовъ.

Эту закваску, сохранившуюся и до сихъ поръ въ довольно-чистомъ видѣ, хотя въ микроскопическихъ размѣрахъ, стоитъ разобрать особо. Какъ общественная группа, она ничтожна, ограни-

чиваясь преимущественно несовершеннолѣтними; какъ признакъ общественнаго состоянія, она имѣетъ свое значеніе. Надобно принять въ соображеніе и ее, чтобы окончательно оглядѣться въ туманѣ современныхъ русскихъ мнѣній.

ГЛАВА II.

Какъ извѣстно, въ настоящее время наша крайняя лѣвая сторона очень похожа своею постановкой на учебное заведеніе: взрослые числятся въ ней только въ должностяхъ учителей и наставниковъ, слушатели—всѣ дѣти.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ было иначе: тогда русскія уши разныхъ возрастовъ увлекались новыми словами. Но проповѣдь нигилизма, внѣ литературныхъ кружковъ, никогда не шла далѣе ушей, и соблазнъ ея не простирался далѣе «новыхъ словъ». Первый опытъ доказалъ это съ несомнѣнною убѣдительностью. Нынѣ живущее поколѣніе хорошо помнитъ время польскаго возстанія, когда при встрѣчѣ на почтовыхъ станціяхъ (желѣзныхъ дорогъ тогда еще было мало) признные русскіе нигилисты обмѣнивались словами: «а вѣдь Герценъ, котораго мы считали такимъ патріотомъ, оказался измѣнникомъ! кто бы этого могъ ожидать?»

Со времени этого великаго опыта русскіе нигилисты и не-нигилисты распредѣлились по возрасту. Говорятъ, что у насъ существуетъ одинъ крайне-либеральный журналъ, постоянно твердящій о молодомъ поколѣніи, изъ котораго сотрудники, достигающіе 21 года—возраста гражданскаго совершеннолѣтія—исключаются поголовно по подозрѣнію въ консерватизмѣ. Этотъ журналъ, очевидно, умнѣе чѣмъ думаютъ. Стало быть въ политическомъ отношеніи можно смотрѣть равнодушно на остатки русскаго нигилизма, такъ какъ ничто, даже новый всемірный потопъ, не можетъ измѣнить того закона, по которому двадцатилѣтніе люди

находятся подъ властью сорокалѣтнихъ. Но въ другихъ отношеніяхъ это не совсѣмъ такъ. Намъ, поколѣнію отцовъ, не все равно, что происходитъ съ нашими дѣтьми до двадцати одного года, когда, по мнѣнію умнаго нигилистскаго журнала, у нихъ впервые является склонность въ консерватизму: этого срока весьма достаточно, чтобы сгубить себя. Кромѣ того, имъ приходится наверстывать отъ двадцати до тридцати лѣтъ время, которое они тратятъ на бредни отъ десяти до двадцати; такимъ образомъ Россія никогда не догонитъ своихъ сосѣдей, оставаясь навѣчно десятью годами моложе ихъ. Наконецъ, эта чрезчуръ распространенная юношеская шалость оказывается дурнымъ признакомъ въ нравственномъ состояніи отцовъ: какъ имъ складывать общественный бытъ своихъ зрѣлыхъ согражданъ, когда они не могутъ сладить съ собственными дѣтьми? Вслѣдствіе этихъ соображеній, не смотря на ничтожность остатковъ русскаго нигилизма, какъ общественной группы, стоитъ разсмотрѣть это явленіе пристальнѣе.

Полнаго выраженія мнѣній нашей крайней лѣвой надобно искать въ русской заграничной печати. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ она и дома высказывалась достаточно откровенно и писала между строкъ то же самое, что наши бѣглые печатали въявь въ Лондонѣ и Женевѣ; но то время прошло. Съ окончаніемъ повѣтрія и моды на этотъ родъ рѣчи, нашъ свойскій, домашній нигилизмъ не могъ бы договариваться до конца, еслибъ ему была даже предоставлена полная свобода слова. Въ глаза людямъ нельзя говорить басенъ, легко сходящихъ за глаза. Довольно мудрено увѣрить въ пріятности фаланстеріи (коммунистской казармы) сосѣда, съ которымъ не можешь ужиться на одной квартирѣ; убѣдить хозяина, отъ котораго кабакъ сманиваетъ рабочихъ, нанимаемыхъ за высокую плату, въ усердіи этихъ же самыхъ рабочихъ, трудящихся безплатно, изъ соревнованія, для пользы общины; доказать невмѣняемость преступленія крестьянамъ, гибнущимъ отъ коно-

крадства; проповѣдывать федеративно-соціальную республику уѣзднымъ земствамъ, которыя до сихъ поръ не могутъ справиться съ мѣстными мостами. Но заграницей, въ кружкѣ десятка русскихъ, затерянныхъ въ многолюдномъ Лондонѣ, или въ обществѣ русскихъ цюрихскихъ барышень, высокія мысли зрѣютъ безпрепятственно. Оттого русская заграничная печать отличается драгоцѣнною откровенностью: въ ней, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, отражается не только лицевая сторона, но даже изнанка нашихъ передовыхъ мнѣній.

Собравъ все, что писали наши эмигранты, вышло бы нѣсколько сотъ томовъ; но—замѣчательное дѣло—во всей этой библіотекѣ нѣтъ единаго слова проповѣди, сочиненнаго отъ себя, за исключеніемъ, конечно, личныхъ воспоминаній и перебранки: до послѣдней мысли, все заимствовано изъ иностранныхъ источниковъ, переведено или кое-какъ передано своими словами. За нашими независимыми мыслителями оказывается только способность переписывать. Единственная довольно крупная личность, являвшаяся между ними, былъ Герценъ, обладавшій дарованіемъ исключительно литературнымъ, лучше даже сказать — фельетоннымъ, безъ тѣни какой либо обобщенной мысли или политическаго чутья; въ библіотекѣ было бы смѣшно поставить сочиненія этого талантливаго писателя въ иной отдѣлъ, кромѣ беллетристики. Созданная имъ заграничная русская печать процвѣла на короткое время, а затѣмъ, какъ извѣстно, забрела въ польскій лагерь и пала по недостатку читателей, надѣлавъ много шума, но не высказавъ ни одной мысли, которая пригодилась бы для какого нибудь дѣла.

Кажется, урокъ былъ достаточный. Россійскіе *крайніе* могли бы понять, что имъ несравненно выгоднѣе писать подъ цензурой, ничего не договаривая до конца: такой пріемъ—самый удобный для людей, которымъ нечего сказать, кромѣ общихъ мѣстъ вычитанныхъ въ чужихъ книжкахъ. Но самолюбіе всегда растетъ вмѣстѣ

съ несостоятельностью. И вотъ въ 1873 году снова появилось въ Цюрихѣ русское красное изданіе, подъ заглавіемъ «Впередъ». Изданіе это можетъ служить не только отличнымъ мѣриломъ внутренняго содержанія осадковъ бывшаго нигилизма послѣднихъ русскихъ революціонеровъ (правильнѣе сказать—русскихъ читателей иностранныхъ революціонныхъ книгъ, такъ какъ своего у нихъ нѣтъ ни іоты), но вмѣстѣ съ тѣмъ и признакомъ умственнаго состоянія многихъ нашихъ людей, по природѣ не совсѣмъ бездарныхъ. Будетъ не лишнимъ познакомить общество—въ видѣ отдѣльной вставки—съ этимъ новымъ цвѣткомъ забытаго-было нигилизма, выросшимъ хотя не на русской почвѣ, но несомнѣнно изъ русскихъ сѣмянъ.

Мы считаемъ себя обязанными высказать по этому поводу полнѣйшее несогласіе съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати: такія книги слѣдуетъ не запрещать, а напротивъ перепечатывать на казенный счетъ и разсылать въ видѣ подарка во всѣ уѣзды; онѣ могли бы служить отличнымъ предохранительнымъ маякомъ для русскихъ людей, такъ легко переходящихъ, смотря по полосѣ времени, отъ самодурства въ жизни къ самодурству въ мысли. Очевидно, наши цюрихскіе обновители человѣчества ошиблись въ разсчетѣ времени: имъ кололъ глаза временный успѣхъ Герцена, но они забыли, въ чемъ состояла суть этого успѣха; мы же это хорошо помнимъ. Было, дѣйствительно, время, когда русскіе люди, самые враждебные по образу мыслей и складу всей жизни безсвязной революціонной проповѣди Герцена, трепетали какими-то смутно-радостнымъ чувствомъ, видя въ печати, въ первый разъ послѣ призванія Рюрика съ братьями, совершенно свободное русское слово. Но это время прошло: насъ теперь уже не удивишь никакою нецензурною выходкой; наши уши достаточно вянутъ отъ своей домашней печати, чтобы мы стали гоняться за заграничною болтовней. Безъ какого нибудь достоинства мысли

или слога, самая дерзкая рѣчь не имѣетъ уже для насъ цѣны, а потому спекуляція нашихъ цюрихскихъ соотечественниковъ едва ли имъ удастся.

Между тѣмъ они были бы достойны лучшей участи. Это—самыя наивныя души, самые глубоко-вѣрующіе люди, какихъ мы когда нибудь знали. Они не вѣрятъ только въ Бога, государство, народность, собственность и полицію, но за то вѣрятъ во все остальное,—вѣрятъ простодушно, горячо—во всякій безсмысленный вздоръ, вычитанный въ какой нибудь соціалистской книжкѣ: вѣрятъ въ добровольное смѣшеніе національностей (напримѣръ, французовъ и нѣмцевъ); въ безмятежный миръ нѣсколькихъ тысячъ самостоятельныхъ общинъ, на которыя они желаютъ подѣлить Европу и Америку; въ разумное устройство, которое сочинитъ себѣ простой народъ, выбившись изъ-подъ опеки культурныхъ слоевъ; въ прочное сохраненіе свободы городскою чернью, минутно захватившею власть; въ общинное владѣніе всѣми имуществами, основанное на безкорыстномъ соревнованіи каждаго въ трудѣ; въ правильную регламентацію всемірнаго промышленнаго производства посредствомъ международныхъ съѣздовъ. Мало всего этого: они вѣрятъ даже въ успѣхъ своей проповѣди и въ тотъ исходъ ея, что имъ же, нашимъ цюрихскимъ проповѣдникамъ, предстоитъ управлять судьбами обновленнаго человѣчества, по крайней мѣрѣ его русскимъ отдѣломъ; на этотъ конецъ они пишутъ даже инструкціи другъ другу и бранятся между собою по поводу пріемовъ управленія. Но слѣдуетъ разсказать содержаніе этой любопытной книги подробнѣе.

Изданіе—анонимъ; въ немъ нѣтъ собственныхъ именъ. Какъ редакторъ не подписался, то литературное приличіе не позволяетъ намъ его называть. Ясно одно: этотъ человѣкъ, больной загнаннымъ внутрь самолюбіемъ, проклялъ своихъ соотечественниковъ, не умѣвшихъ оцѣнить его достоинствъ, и возымѣлъ намѣреніе

перевернуть вверхъ дномъ современную Россію посредствомъ изданія въ Цюрихѣ непеによる періодическаго обозрѣнія «Впередъ» Сотрудники обозрѣнія очевидно принадлежатъ къ русской безбородой партіи; это видно изъ того, что въ сообщеніяхъ изъ Росіи лица, мѣста, событія перепутаны именно такимъ образомъ, какъ обыкновенно происходитъ въ политическихъ разговорахъ между гимназистами. Отдѣлъ этотъ совсѣмъ ребяческій; да и во всемъ первомъ томѣ стоитъ прочтенія только одна статья о рабочемъ движеніи въ Германіи, написанная не дурно, хотя, разумѣется, съ соціалистской точки зрѣнія. Не лишенъ интереса отчасти и отчетъ объ интернаціоналѣ, довольно забавный, конечно противъ желанія автора; онъ повѣствуетъ, какъ интернаціоналы, отложивъ покуда ниспроверженіе всемірнаго порядка, схватились за волоса между собою, что, очевидно, гораздо удобнѣе. Обѣ эти статьи—домашняя исторія почтеннаго союза всемірныхъ бѣглецовъ. Но вотъ философія и политика.

Какъ читатель, вѣроятно, догадывается, цюрихскіе нигилисты, пишутъ Богъ чрезъ маленькое *б*; это извѣстно ужъ изъ «Рабагаса» Сарду. Они говорятъ: «религіозный элементъ намъ безусловно враждебенъ»... Объявивъ себя такимъ образомъ противъ всемірной власти въ природѣ, они переходятъ, въ частности, къ ниспроверженію силъ и порядковъ планеты земли, т. е. государства, народности, собственности, суда и образованныхъ классовъ. Они объявляютъ слѣдующую программу: сначала освободить простой русскій народъ изъ-подъ всякихъ общественныхъ формъ, а потомъ предоставить ему рѣшить, чего онъ хочетъ—нисколько не заботясь притомъ (такая безпечность!) о затрудненіи бѣднаго русскаго народа, которому придется разомъ, съ утра до вечера, покончить съ этимъ запутаннымъ вопросомъ. Они хотятъ того же самаго въ цѣломъ свѣтѣ и называютъ эту операцію: вступленіемъ во власть четвертаго сословія, т. е., собственно,

фабричныхъ рабочихъ. Но какъ невѣжественная толпа не можетъ же вовсе остаться безъ руководителей, то они великодушно предлагаютъ ей въ руководители себя—не насильно конечно: о нѣтъ,—не такіе они люди, чтобы стали насиловать народъ,—а по добровольному соглашенію. По этому случаю между ними даже происходитъ споръ въ перепискѣ, озаглавленной «Революція и знаніе»: одни утверждаютъ, что истиннымъ народнымъ предводителямъ не нужно ничего знать—чѣмъ безграмотнѣе, тѣмъ лучше; другіе опровергаютъ ихъ во имя *науки*. Мы думаемъ однакожъ, что окончательно возьмутъ верхъ сторонники безграмотности: на ихъ сторонѣ громадное большинство между нашими нигилистами. Но, грамотные и неграмотные, всѣ имѣютъ одну цѣль: покроить міръ, устраняя обветшалое дѣленіе національное, на нѣсколько тысячъ самостоятельныхъ коммунистскихъ общинъ, которыя за тѣмъ станутъ жить въ трогательномъ мирѣ и согласіи. Въ этихъ общинахъ не будетъ суда: несостоятельность этого учрежденія доказана въ статьѣ «Фикціи судебной правды»; къ этой статьѣ приложены еще разсужденія о драконовскихъ дѣйствіяхъ русскихъ военно-окружныхъ судовъ и о безчеловѣчной дисциплинѣ нашей нынѣшней арміи (вотъ, кто бы подумалъ!). Въ обозрѣніи есть также статья—размышленія о замѣчательномъ 1773 г., въ теченіе котораго совпало объявленіе американской независимости съ появленіемъ русской пугачевщины. Изъ статьи читатель узнаетъ, что первое событіе, то-есть отдѣленіе Соединенныхъ Штатовъ Америки отъ Англіи, оказалось событіемъ безплоднымъ, а въ пугачевщинѣ, напротивъ, заключается залогъ будущаго обновленія человѣчества. Хотя наши проповѣдники и прикидываются космополитами, но все же ихъ русскому сердцу пріятно такое превосходство отечественной исторіи надъ европейскою. Только въ концѣ обозрѣнія почтенная редакція какъ будто задумывается надъ вопросомъ: похоже ли

положеніе русскаго крестьянства на положеніе западнаго городскаго пролетаріата? можно ли устраивать ихъ по одному куммонистскому плану? Но, къ счастію, она находитъ разрѣшеніе и этого затрудненія: нельзя отдѣлить судьбу русскаго народа отъ судьбы всего свѣта. Не нужно говорить, что цюрихскіе обновители обращаютъ свою рѣчь почти исключительно къ молодежи: это слово «молодежь» повторяется на ихъ страницахъ нѣсколько сотъ разъ; они вѣрятъ только ей одной. Надо полагать, что, достигнувъ величія, они послѣдуютъ примѣру упомянутаго нами нигилистскаго журнала и станутъ увольнять въ отставку изъ государственныхъ должностей всѣхъ, кому стукнулъ 21 годъ, возрастъ консерватизма. Въ заключеніе, цюрихская компанія объявляетъ свое снисхожденіе въ *послѣдній разъ* русскимъ писателямъ, идущимъ вразрѣзъ съ нею, а затѣмъ уже не станетъ ихъ щадить. Неизвѣстно только, когда разразится ея безпощадность: тогда ли, когда она подѣлитъ Россію на полторы тысячи независимыхъ соціалистскихъ государствъ, или немедленно, посредствомъ своего журнала? Но для того, чтобы преслѣдовать кого нибудь словомъ, надобно прежде всего умѣть порядочно писать по-русски, что̀ не подъ силу ни одному изъ этихъ господъ.

Читатели не ждутъ, конечно, чтобы мы завели серьёзную рѣчь съ цирюхскими революціонерами; но есть возраженія, которыя даже имъ могутъ быть удобопонятны. Мы обойдемъ ихъ «безусловно-враждебное отношеніе къ религіозному элементу». Громадному большинству людей совершенно ясно опредѣленіе, данное Катрфажемъ человѣку, какъ отдѣльному классу природы, по его кореннымъ признакамъ—«существа нравственно-религіознаго». Безъ этого внутренняго содержанія лица, на свѣтѣ не было бы ни исторіи, ни общества; но есть исключительныя натуры, обрывающіяся на извѣстномъ звенѣ понятій, безсильныя идти дальше. Увѣряютъ, что собака, у которой пять щенятъ, ви-

димо горюетъ, когда похитятъ одного изъ нихъ, но не замѣчаетъ пропажи шестого щенка: у нея счетъ кончается пятью: число *шесть* недоступно ея пониманію—ну, недоступно и только, такова отпущенная ей мѣра. Можно замѣтить также, что хотя не всѣ соціалисты поголовно, то по крайней мѣрѣ всѣ главныя соціалистскія школы свили себѣ гнѣздо на атеизмѣ, по необходимости: нельзя сочинять произвольный, небывалый міръ и небывалое человѣчество, когда надъ ними стоитъ всевластное Провидѣніе, давшее имъ извѣстный образъ и неизвѣстныя намъ цѣли; безъ революціи противъ этого высшаго самодержавія дѣло не пойдетъ: или бунтуй, или клади шпагу. Но въ политическихъ соображеніяхъ наши революціонеры не могутъ прикрываться даже такою отговоркой. Что они дѣлаютъ, когда увѣреннымъ тономъ предсказываютъ царство четвертаго сословія, т. е. фабричныхъ рабочихъ, не въ силу постепеннаго ихъ развитія, не вслѣдствіе надежды, что они дорастутъ когда нибудь до полнаго политическаго сознанія, а потому, что возьмутъ его грубою силой? Будто въ самомъ дѣлѣ наши соціалисты не знаютъ, что третье сословіе захватило власть въ 1789 году потому, что умственно давно сравнялось съ дворянствомъ; что царствующая, непоколебимая въ исторіи сила—есть разумъ и просвѣщеніе, а не число; что выписываемая ими изъ соціалистскихъ книжонокъ механическая теорія развитія человѣчества годится только для людей, не достигшихъ 21 года. Сами же они признаютъ, что народная толпа не можетъ оставаться безъ образованныхъ руководителей, и великодушно предлагаютъ ей въ руководители—себя, такъ что сущность поднимаемаго ими вопроса заключается собственно въ томъ, чтобы нынѣшніе правители государствъ замѣнились сотрудниками цюрихскаго журнала «Впередъ» съ братіей. Наивность этихъ людей объясняется только келейнымъ заключеніемъ ихъ въ средѣ себѣ подобныхъ. А что они дѣлаютъ, когда съ

важностью объявляють: «много ли насъ, мало ли насъ, сосчитаете во время настоящей борьбы»: какую няньку хотять они пугать числомъ своихъ несовершеннолѣтнихъ приверженцевъ? Кто же не знаетъ, что первое слово ихъ проповѣди, обращенное къ русскому простолюдину, было бы для него вмѣстѣ и оскорбленіемъ самыхъ завѣтныхъ его чувствъ и ничтожнѣйшею болтовнею ребятишекъ, которыхъ онъ превосходитъ во сто разъ пониманіемъ настоящаго дѣла. А какія чувства выказываютъ они, когда смѣются (то есть стараются смѣяться на сколько умѣютъ) надъ каждымъ, принимающимъ къ сердцу благо живыхъ и дѣйствительныхъ русскихъ людей, заботящагося объ улучшеніи народнаго быта школами, больницами, примѣромъ правильнаго хозяйства и прочее,—что они совѣтуютъ бросить, какъ вредныя мѣры, затрудняющія революцію, вмѣсто того, чтобъ ей содѣйствовать? Къ чему они пишутъ весь этотъ вздоръ? Вѣдь не всѣ же сотрудники цюрихскаго журнала въ самомъ дѣлѣ дѣти; между ними найдется порядочное число взрослыхъ нигилистовъ, которыхъ покойный Герценъ, довольно изучившій ихъ на практикѣ, называлъ «стариннымы русскими подьячими, вывороченными на изнанку». Эти вывороченные взрослые имѣютъ только одно извиненіе—то, что ихъ революціонное обозрѣніе есть не что иное, какъ попытка книжной спекуляціи на пропитаніе.

Мы сказали выше, что вводимъ рѣчь о нашихъ заграничныхъ нигилистахъ лишь въ видѣ вставки, какъ любопытный образчикъ русскаго шатанія. Дѣло не въ нихъ, а въ состояніи общества, дающемъ мѣсто подобному явленію—исковерканному подражанію чужой пѣсни, хотя бы въ микроскопическомъ размѣрѣ,—тѣмъ болѣе, что всѣ мы хорошо помнимъ время, когда размѣры этого явленія были вовсе не микроскопическіе. За границей революція и соціализмъ, баррикадные вожаки и теоретики—приписали себя къ рабочему движенію, хотя въ сущности не имѣютъ

съ нимъ ничего общаго. Но за границей рабочее движеніе, само по себѣ независимо отъ выросшихъ на немъ ядовитыхъ паразитовъ, имѣетъ корни въ исторіи и нѣкоторый смыслъ въ современной жизни. За нимъ пока нѣтъ никакого смысла у насъ. Можно, стало быть, поставить вопросъ: отчего же нѣкоторые русскіе люди, а недавно еще довольно большое число людей, бросались и бросаются въ эту безобразную, совершенно чуждую нашей жизни крайность? Рѣшеніе этого вопроса заключаетъ также одну изъ разгадокъ нашего современнаго общественнаго состоянія.

Говорятъ, что рыбы кидаются исключительно на красныя вещи, потому что въ водѣ не довольно свѣтло и болѣе нѣжные цвѣта тускнутъ въ общемъ отсвѣтѣ. Этимъ способомъ ловятъ тупоумныхъ акулъ. Мы думаемъ, что та же самая причина влечетъ иныхъ русскихъ людей, совершенно безцѣльно, къ краснымъ европейскимъ партіямъ. Въ нашемъ обществѣ не довольно свѣтло, совокупной жизни нѣтъ, люди разбились изъ естественныхъ группъ на единицы, взгляды ихъ не сложены. Только опытъ учитъ людей цѣнить промежуточные практическіе оттѣнки; неруководимыя такимъ опытомъ, ни своимъ личнымъ, ни сборнымъ, русскія акулы съ ихъ невинными рыбками спутниками (всегда сопровождающими акулъ) кидаются не разобравши, на все яркое.

Нигилизмъ, какъ всякій понимаетъ, былъ у насъ неизбѣжнымъ явленіемъ и долженъ было проявиться съ первымъ проблескомъ свободы слова; онъ начало протискиваться даже сквозь цензуру въ концѣ прошлаго царствованія. Проживъ полтора столѣтія исключительно подражательною умственною жизнью, примѣривъ на себѣ (въ воображеніи конечно, а не на дѣлѣ) всѣ европейскіе идеалы, русское общество не могло подойти къ такому крупному современному явленію, какъ революціонное отрицаніе, безъ того чтобы за нимъ не потянулся цѣлый хвостъ сторонниковъ. Можно

сказать что каждый изъ этихъ чужеземныхъ идеаловъ былъ какъ неводъ, ловившій въ русскомъ морѣ рыбъ одного рода, смотря по тому, на какой глубинѣ черпалъ. Въ сѣть нигилизма попались первоначально всѣ рыбки, плавающія на поверхности, никогда не заглядывающія въ глубь; но гнилая сѣть не выдержала и лопнула. Теперь мода па на это направленіе прошла, остались послѣдніе могиканы и недоросли, хотя все-еще въ изрядномъ количествѣ. Въ русскомъ нигилизмѣ оказалось своего—только каррикатурное преувеличеніе, удивлявшее даже иностранныхъ отрицателей, а потому въ немъ нечего искать содержанія; но стоитъ взглянуть пристальнѣе на его европейскіе корни. Подъ ними лежитъ не мало уроковъ, избавляющихъ насъ отъ необходимости обсуждать теоретически, въ примѣненіи къ своему домашнему быту, нѣкоторыя стороны дѣла, достаточно уже уясненныя чуждымъ опытомъ Читатели не посѣтуютъ на насъ за это отступленіе, облегчающее послѣдующій трудъ.

Очевидно, европейское революціонное движеніе не выработало себѣ до сихъ поръ никакой ясной и опредѣленной цѣли; оно мѣняло свои идеалы такъ же часто, какъ русское общество, и переходило отъ «свободы, равенства и братства» 1793 года къ «дешовому правительству» 1830 года, къ страннопріимнымъ мастерскимъ на казенный счетъ 1848 года и прилепилось нынѣ къ международному союзу рабочихъ (интернаціоналу). Несомнѣнно также, что въ современномъ революціонномъ движеніи идутъ рядомъ два разнородныя теченія: одно, не лишенное практическаго значенія — артельное устройство промышленнаго производства; другое, чисто фантастическое—стремленіе къ осуществленію земнаго рая въ сей юдоли плача и смерти, недостижимое даже въ вещественномъ отношеніи, пока академіи не откроютъ средства приготовлять страсбургскіе пироги изъ простыхъ химическихъ элементовъ. Вожаки, поддерживающіе такія надежду, имѣютъ еще свои маленькія личныя

цѣли — повластвовать и пожить на чужой счетъ хотя бы короткій срокъ, въ часы суматохи. Стремленіе къ артельному производству, само по себѣ, независимо отъ навязавшихся ему руководителей, не содержитъ ничего революціоннаго. Можетъ быть въ обществахъ чисто-буржуазныхъ и сильно промышленныхъ оно и встрѣчаетъ чисто-эгоистическій отпоръ со стороны владычествующей среды, боящейся соперничества; если правительство находится въ рукахъ этой среды то и оно будетъ стоять за одно съ нею; но для всякаго правительства, свободнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, трудолюбивая артель рабочихъ, на сколько она осуществима, не только не страшна, но даже желательна, обезпечивая благосостояніе многимъ подданнымъ, вмѣсто одного. Въ Россіи, напримѣръ, гдѣ артель существуетъ издавна и была задержана въ своемъ развитіи лишь гнетомъ крѣпостнаго права, какая причина правительству — не только препятствовать, но даже не покровительствовать по возможности всякому спокойному и благоустроенному товариществу рабочихъ? Съ какой стати польза какого нибудь разбогатѣвшаго кулака-фабриканта была бы для русской верховной власти дороже пользъ нѣсколькихъ тысячъ преданныхъ ей людей? Развѣ неодинаково желательно и правительству, и обществу сохранить нынѣшнюю твердую связь русскаго народа съ почвой и избѣжать, на сколько возможно, скопленія и обѣдненія разнороднаго бездомнаго люда, неизбѣжно вызываемаго исключительнымъ преобладаніемъ капитала въ промышленности, на европейскій ладъ? Недавно зашла у насъ рѣчь объ устройствѣ обширнаго кредита для крестьянскаго земледѣлія; если на русской почвѣ начнетъ развиваться промышленное товарищество, и опытъ докажетъ его состоятельность, то безъ всякаго сомнѣнія правительство отнесется къ нему такъ же благосклонно, какъ относится нынѣ къ земледѣльческой общинѣ. Потому, въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ даже эта стародавняя община поддерживается теперь главнѣйше правительственными

мѣрами, соціалистская проповѣдь составляетъ безсмысленнѣйшее повтореніе чужихъ споровъ. Но даже въ Западной Европѣ, гдѣ рабочее движеніе встрѣчаетъ отчасти прямой отпоръ со стороны иного, уже сложившагося порядка дѣлъ, правительства не относились бы къ нему непріязненно, еслибъ оно оставалось на чисто-экономической почвѣ, не попало бы подъ руководство революціонеровъ, извратившихъ его смыслъ; нынѣшняя международка стремится не къ основанію промышленныхъ общинъ, а къ явному грабежу чужого имущества. Стало быть, въ сущности, рабочее движеніе надобно вычеркнуть изъ революціонной программы, изъ обѣщаній извѣстныхъ *друзей народа;* оно только предлогъ, и предлогъ до такой степени наглый, что парижскіе коммунисты, напримѣръ, не обинуясь, называютъ крестьянъ-собственниковъ, то-есть двѣ трети французскаго народа, уже обезпечившихъ свое благосостояніе, главнымъ препятствіемъ къ осуществленію *спасительнаго для народа* преобразованія. Нынѣшніе баррикадные вожаки, которымъ нужна только смута, примкнули къ соціализму, потому что онъ сильно распространился между уличною чернью; распространился же онъ потому, что нравственная сторона человѣческой природы не позволяетъ жечь и грабить сосѣда безъ предлога, безъ какого либо общаго оправдательнаго ученія. Не соціалисты поддерживаютъ революціонное движеніе; они сочинили свою теорію для готовой, объявившейся уже революціи. Ихъ ученіе, безцеремонно жертвующее всѣмъ родомъ человѣческимъ, даже массою земледѣльческаго населенія, воображаемой пользѣ фабричныхъ рабочихъ, противорѣчащее даже прямымъ цѣлямъ артельнаго товарищества, требующимъ прежде всего свободы въ выборѣ членовъ—такъ же призрачно и непримѣнимо къ дѣйствительности, какъ всѣ смѣнявшіеся донынѣ лозунги революціоннаго движенія. Несомнѣнно, что европейская революція, которой скоро придется праздновать свой столѣтній юбилей, пребываетъ въ такомъ же без-

форменномъ видѣ, какъ въ первый день, что она не выработала и не имѣетъ надежды выработать никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, на осуществленіи которыхъ могла бы успокоиться.

Но если исключить изъ европейскаго революціоннаго движенія, какъ требуетъ сознательная его оцѣнка, планъ рабочей артели, которому оно только мѣшаетъ, также какъ всѣ прошлые его лозунги, поголовно оказавшіеся несостоятельными — то, что же въ немъ останется, кромѣ безсознательнаго стремленія къ недостижимому земному раю, въ которомъ всѣмъ было бы одинаково хорошо? Культурные слои, даже низшіе, которымъ не всегда жилось отлично, никогда не обнаруживали такого стремленія: они достаточно воспитаны исторіею, чтобы умѣть отличать возможное отъ невозможнаго. Иногда отдѣльныя личности ударялись въ фантазію, но сословія, сколько нибудь образованныя и сложившіяся, желали и желаютъ только постепенныхъ улучшеній, а не переворота, не баснословнаго обновленія человѣчества. Стремленіе къ этому призраку явилось съ появленіемъ на европейской политической сценѣ стихійной силы, уличной черни, массы, не жившей исторически, не понимающей, вслѣдствіе того, условій совокупной человѣческой жизни. На пиръ этой новой силы явились блюдолизы изъ культурныхъ слоевъ и стали сочинять угодныя ей теоріи, какъ прежде сочиняли оды къ обѣду откупщика. Не говоря о причинахъ переворота, созрѣвавшихъ въ мысли и жизни самихъ образованныхъ сословій, въ чисто-политическомъ отношеніи современная революціонная смута, губящая на нашихъ глазахъ народы, истекаетъ изъ одной причины — изъ прорыва культурныхъ слоевъ стихійною массою, чуждой историческаго быта. Этимъ объясняется все — сытовыя рѣки и кисельные берега соціализма, также какъ безсодержательность революціонныхъ попытокъ, длящихся почти цѣлое столѣтіе. Европейскія націи уцѣлѣли, выгородили свое будущее, даже обезпечили постепенное развитіе рабочаго народа на столько

лишь, на сколько ихъ культурные слои оказались устойчивыми противъ напора снизу. Слои эти, въ совокупности, никогда и нигдѣ, на памяти исторіи, не были побѣждены толпою, такъ же точно, какъ милліонныя варварскія ополченія не побѣждали малочисленныхъ благоустроенныхъ армій; но съ конца прошлаго столѣтія, сами они часто въ своихъ раздорахъ призывали на помощь толпу и становились ся жертвою, а вмѣстѣ съ тѣмъ губили отечество. Можно, стало быть, сказать положительно, что устой современныхъ государствъ и мѣра надежды ихъ на будущее зависятъ исключительно отъ связности ихъ культурныхъ слоевъ.

Опытъ на-лицо. Отъ одного конца государственной лѣстницы до другого, отъ Франціи до Англіи и Америки, чрезъ всѣ промежуточныя ступени, онъ несомнѣнно доказалъ эту истину. Ожесточенный раздоръ между среднимъ сословіемъ и дворянствомъ Франціи широко открылъ ворота уличной революціи; съ тѣхъ поръ она свила тамъ гнѣздо и оттуда періодически угрожаетъ спокойствію Европы: какъ извѣстно, всѣ взрывы на нашемъ материкѣ были только подражаніемъ взрывамъ французскимъ. Кратковременный раздоръ между сословіями Германіи впустилъ революцію и въ эту страну. Хотя ее угомонили довольно скоро, такъ что самая тина не успѣла подняться на поверхность (вслѣдствіе чего германскія правительства сохранили гораздо болѣе прочности, чѣмъ послѣреволюціонныя правительства Франціи и Испаніи), но тѣмъ не менѣе язва осталась въ странѣ и воспоминаніе о минутномъ торжествѣ баррикадъ 1848 года поддерживаетъ до сихъ поръ, будетъ поддерживать и въ будущемъ надежды возмутителей, придаетъ и будетъ придавать революціонной проповѣди нѣкоторой оттѣнокъ сбыточности. Государство, какъ женщина, теряетъ свою неприкосновенность только одинъ разъ и навсегда. Надо думать, что правительство Германской имперіи охотно отказалось бы въ прошломъ отъ славы побѣдъ 1870 года, чтобы стереть воспоминанія

1848 года. Но французскія бури не коснулись странъ, гдѣ не оказалось разрыва въ образованныхъ слояхъ; въ Англіи и Америкѣ соціальная революція даже шикнула. Надобно посмотрѣть, съ какою наивностью интернаціоналы жалуются на идолопоклонническое уваженіе милліона англійскихъ фабричныхъ рабочихъ къ законности. Положимъ, законность законностію. Немудрено, что въ странѣ, воспитанной вѣками правомѣрной свободы, даже невѣжественные люди уважаютъ законность; но дѣло не въ одномъ уваженіи. Въ 1848 году сто тысячъ англійскихъ хартистовъ, подзадоренныхъ парижскимъ взрывомъ, рѣшились собраться процессіей и представить парламенту прошеніе о вольностяхъ въ своемъ вкусѣ; уваженіе къ праву сборищъ не позволяло препятствовать ихъ намѣренію, но по такому же праву достаточное число тысячъ вооруженныхъ избирателей, представляющихъ культурный слой Англіи, обязались между собою явиться на защиту спокойствія города. Хартистамъ оставалось только молча представить прошеніе, что не вело ни къ чему; они предпочли вовсе отказаться отъ заявленія. Англія не боится революціи, потому что весь ея культурный слой, отъ пэра до послѣдняго лавочника-избирателя, не смотря на множество общественныхъ перегородокъ, составляетъ одно политическое сословіе, раздѣляющееся на партіи лишь въ отношеніи къ практическимъ вопросамъ, а не къ общественнымъ началамъ. Всѣ видѣли, какъ послѣднее расширеніе избирательныхъ правъ привело въ выводѣ къ торійскому министерству. Англійское политическое сословіе выростало постепенно и вслѣдствіе того срослось въ одно цѣлое; оно сбиралось около ядра, состоявшаго первоначально изъ дворянства и богатыхъ горожанъ, проникаясь ихъ духомъ. Нынѣ, уже забывъ о своемъ происхожденіи, оно тѣмъ не менѣе образуетъ, по привычкѣ и собственному сознанію, органическое сословіе государственныхъ избирателей, тѣсно сплоченное съ высшими классами страны,—въ противопо-

ложность безсвязной ценсовой буржуазіи, властвовавшей во Франціи съ 1814 по 1848 годъ. Хотя англійскій простой народъ, совершенно обезземеленный и бездомный, казался бы опаснѣе всякаго другого, тѣмъ не менѣе всѣ теченія снизу только постепенно утолщаютъ англійскій культурный слой, но не могутъ его прорвать; революція безсильна противъ его связности, а потому развитіе впередъ идетъ безбоязненно и безостановочно. Тѣ же начала англичане перенесли съ собою на почву Новаго Свѣта. Съ окончаніемъ войны за независимость, разбившей старинныя формы законности, новосозданный американскій народъ обнаружилъ было анархическія стремленія, не уступавшія французскимъ 1793 года. Участь Соединенныхъ Штатовъ висѣла на волоскѣ — они легко могли ниспасть въ состояніе нынѣшней испанской Америки; но культурный слой, взросшій на англійской закваскѣ, нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы положить конецъ броженію, и подъ предводительствомъ Вашингтона, далъ странѣ непоколебимое устройство. Не смотря на всеобщую подачу голосовъ и ежегодный приливъ европейскихъ пролетаріевъ, столь опасныхъ на родинѣ, порядокъ стоитъ въ Америкѣ незыблемо, уличная толпа не смѣетъ шевельнуться передъ законностью,—значитъ руководящіе слои общества не утратили своей наслѣдственной крѣпости. Дѣйствительно, великая американская республика осталась тою же Англіей, съ тою же строгою и связною сословностью въ нравахъ, только безъ старыхъ названій; нигдѣ общественное положеніе не раздѣляетъ людей въ существенномъ ихъ значеніи такъ рѣзко, какъ тамъ, и нигдѣ не найдется политическихъ группъ болѣе единодушныхъ и устойчивыхъ. Оттого стихійная сила не врывается въ Америкѣ въ государственное управленіе, и рабочій Альбертъ, попавшій прямо съ кузницы въ верховное правительство Франціи, также какъ всѣ Ферре и Груссе, составляютъ за океаномъ явленіе немыслимое. Можно обойтись безъ законнаго

распредѣленія людей по качеству там, но только там, гдѣ законъ замѣняется самимъ дѣломъ, — обычаемъ, вросшимъ въ нравы. Но безсословность, въ законѣ и на дѣлѣ вмѣстѣ, порожденная революціей на европейской почвѣ, принесла съ собой всюду одно разрушеніе и подчинила, въ значительной степени, самые сложные вопросы XIX-го столѣтія сужденію людей каменнаго вѣка.

Не говоря о не понятной Испаніи, послѣднюю ступень этого неисправимаго паденія представляетъ современная Франція. Задержанная два столѣтія въ своемъ общественномъ развитіи, она захотѣла воротить все потерянное въ одинъ день, причемъ ея исторически-воспитанныя сословія стали на ножи одно противъ другого. Въ открывшійся между ними промежутокъ ворвалась парижская чернь, напоминающая не людей каменнаго вѣка, но нѣчто худшее—городское населеніе цезарскаго Рима; чернь достаточно развитая, чтобы увлекаться громкими словами, но недостаточно зрѣлая, чтобы ихъ взвѣшивать, а вмѣстѣ съ тѣмъ развращенная и ежечасно соблазняемая зрѣлищемъ недоступной для нея роскоши. Толпа, разумѣется, не могла захватить власть въ собственныя руки, но передала ее послѣднимъ отребьямъ образованнаго слоя, ставшимъ ея льстецами; то же самое повторилось и въ 1848, и въ 1871 годахъ. Мѣсто въ общественномъ организмѣ, чрезъ которое произошло вторженіе городской черни, осталось не задѣланнымъ, а только замазаннымъ, и теперь уступаетъ первому напору, такъ что прорывы повторяются и будутъ еще повторяться, заставляя націю тратить силы не на посѣвы будущаго, а на расчистку заносовъ, оставляемыхъ этими періодическими наводненіями. Но главная бѣда Франціи еще не въ этомъ, а въ безсиліи ея культурнаго слоя, растолченнаго первою революціею въ порошокъ, въ пустое названіе, въ статистическую численность безсвязныхъ единицъ. Попытка возстановить связь образованныхъ сословій въ видѣ ценсовыхъ избирателей, продолжав-

шаяся 34 года, дала Франціи періодъ процвѣтанія, политической свободы и довольно высокаго значенія въ глазахъ свѣта, но въ концѣ концовъ оказалась несостоятельною. Законное отграниченіе культурныхъ слоевъ общества отъ стихійныхъ въ политическихъ правахъ можно сохранять, слѣдуетъ даже возстановлять, пока существуетъ еще и признается народомъ сословное ядро, около котораго первые могутъ сомкнуться, но его невозможно сочинить, придать ему дѣйствительность и прочность, когда такого ядра не существуетъ. Во Франціи же, послѣ революціи, ядра уже не было. Дворянство, значительная часть котораго сражалась противъ своего отечества въ рядахъ его заклятыхъ враговъ, было не только непопулярно, — оно внушало страхъ всѣмъ поживившимся его добромъ, то-есть почти всей странѣ; съ своей стороны феодальное французское дворянство продолжало ставить между собою и согражданами кастовое различіе бѣлой и черной кости, продолжало смотрѣть на нихъ глазами своихъ предковъ, франковъ-завоевателей. Буржуазія, разведенная наплывомъ столькихъ тысячъ новыхъ людей, созданныхъ революціей, не была въ состояніи образовать безъ дворянства что нибудь цѣльное, внушающее почтеніе народу; нововведенный цензъ былъ только наружнымъ признакомъ и не могъ склеить эти разнородные осколки въ политическое сословіе. Цензовый культурный классъ оказался способнымъ охранять страну лишь противъ мелкихъ покушеній во время общаго затишья и безсильнымъ противъ бури. Несостоятельность его изумила Европу въ 1848 году, когда милліонъ слишкомъ вооруженной французской буржуазіи, желавшей сохраненія порядка, ненавидѣвшей самое имя соціальной республики, сложилъ оружіе молча, хотя съ отчаяніемъ въ душѣ, передъ пятьюдесятью вожаками баррикадъ. Всѣ увидѣли, что этотъ классъ составлялъ только численный списокъ, а не политическое сословіе, что одинъ цензъ безсиленъ создать подобное сословіе, требующее органической серд-

цевины. Съ той поры Франція впала въ полную безсословность, ея образованное общество распалось на безсвязныя единицы, занятыя исключительно своими личными дѣлами, а потому стало въ итогѣ, съ началомъ второй имперіи, совершенно чуждымъ престолу и всякому виду верховной власти, а вслѣдствіе того почти чуждымъ общему дѣлу. При затишьѣ это образованное общество имѣетъ видъ чего-то живого; но первая смута стушевываетъ его до такой степени, какъ будто его никогда не было. Тогда французская нація представляется только двумя оконечностями общественной лѣстницы—государственными чиновниками съ одной стороны и уличною чернью съ другой, то входящими въ соглашеніе посредствомъ плебисцитовъ, то взаимно разстрѣливающими другъ друга. Культурная сила, скоплявшаяся въ странѣ тысячу лѣтъ, пропала для нея даромъ. Крайняя степень усилій разрозненнаго историческаго слоя Франціи, подымающагося поголовно для собственнаго спасенія, оказывается достаточною для того только, чтобы передать государство военной диктатурѣ; объ разумномъ управленіи собственными силами не можетъ быть рѣчи. Будущность Франціи начинаетъ очерчиваться ясно: впереди мелькаетъ только поочередная смѣна трехмѣсячной анархіи съ пятнадцатилѣтнимъ владычествомъ штыковъ, пока не потянется непрерывный рядъ случайныхъ Каракаллъ, объявляющихъ беззастѣнчиво: «я считаюсь только со мнѣніемъ легіоновъ». Общественное разстройство отразилось неизбѣжно и на общественномъ разумѣ; надобно послушать, какъ свободнѣйшіе умы страны начинаютъ жаловаться на чувствительный уже нынѣ упадокъ просвѣщенія и науки. Передѣлать это состояніе, обратить хаосъ въ организмъ, теперь невозможно безъ какого нибудь чуда; понятно, почему передовые люди Франціи, всѣхъ оттѣнковъ мнѣнія, отъ Гизо до Ренана, ищутъ своихъ идеаловъ уже не въ будущемъ, а въ прошломъ. Нація начинаетъ скатываться по обратному склону. Если

кому нибудь въ Европѣ нравится эта будущность — обращеніе живого общественнаго организма въ безразличный студень, періодически потрясаемый народными взрывами — пусть подражаетъ добровольно; только пусть не забываетъ при этомъ, что Франція не даромъ называлась великою націей, что она дѣйствительно шла въ головѣ Европы и что если даже она утратила такіе великіе залоги, утопивъ свои культурные слои въ стихійныхъ, то на пустыряхъ, гдѣ только еще появляются кой-какіе всходы, при какомъ бы то не было богатствѣ почвы, конечно ничего не выростетъ при этомъ условіи.

Мы видѣли, что въ европейскихъ корняхъ русскаго нигилизма и даже нынѣшняго фразернаго либерализма, враждебнаго либерализму дѣла, какъ вода огню, лежитъ дѣйствительно не мало полезныхъ уроковъ, что многія стороны современныхъ русскихъ вопросовъ обсуждены уже чужимъ опытомъ. Теперь мы можемъ воротиться къ нашему домашнему дѣлу.

ГЛАВА III.

Переходя отъ чужихъ, хотя тѣмъ не менѣе внушительныхъ для каждаго народа примѣровъ, къ своему домашнему дѣлу, нельзя не остановиться прежде всего на очевидномъ фактѣ—на нашей современной, нравственной и общественной безсвязности, послѣдствія которой не высказываются вполнѣ благодаря лишь исключительной въ исторіи твердости нашихъ государственныхъ началъ, не дающихъ намъ разсыпаться. Едва ли найдется въ обширной Россіи хотя одинъ человѣкъ, сомнѣвающійся въ наглядной истинѣ—что мы живемъ въ состояніи чисто переходномъ, отставши отъ одного берега и не приставши еще къ другому; что этотъ новый берегъ даже не очертился ясно передъ нами; что, покуда, сборное русское мнѣніе не сознаетъ опредѣленно не только того—что намъ дѣлать, но даже того—чего намъ желать. Наше современное общественное состояніе походитъ очень близко на эпоху общаго недоумѣнія, однажды уже пережитую нами, на эпоху послѣдовавшую за смертію Петра Великаго, когда не было уже старой и не оказывалось еще новой Россіи, когда обще-признаваемыя руководящія начала замѣнились на долгое время—и для общества и для отдѣльныхъ лицъ—полусознанными мнѣніями, до крайности шаткими по своей смутности. Но между двумя переходными полосами нашей исторіи—послѣ петровской и нынѣшней, существуетъ та огромная разница, что недоумѣніе первой относилось болѣе къ вопросамъ государственнымъ и воспитательнымъ, легче поддающимся прямому руководству власти, чѣмъ вопросы общест-

венные, ставшіе нынѣ на очереди; въ томъ также, что первая наша нравственная смута соотвѣтствовала времени общаго европейскаго затишья, общей установленности взглядовъ и мнѣній, господствовавшей въ промежуткѣ между послѣдними раскатами бури, поднятой реформаціей, и первымъ взрывомъ соціальныхъ революцій; въ наше же время вопросъ идетъ не только о примѣненіи какихъ либо началъ, но о самыхъ началахъ—отчего онъ сталъ гораздо сложнѣе. Тѣмъ не менѣе обѣ эпохи русскаго раздумья схожи въ той основной чертѣ, что наше будущее—самыя крупныя явленія и формы нашего будущаго—зависятъ въ значительной степени, теперь, также какъ тогда, отъ мѣръ, важность которыхъ не достаточно осязательна для современниковъ, и которыя, по тому самому, оцѣниваются часто съ точки зрѣнія минутной ихъ пригодности, подводятся подъ личные виды и удобства нѣкоторыхъ людей и интересовъ, не заглядывая впередъ. Какъ линіи выходящія изъ общаго центра, близкія одна къ другой вначалѣ, могутъ разбѣжаться на неизмѣримое разстояніе въ пространствѣ, такъ и подобныя мѣры, принятыя въ переходномъ состояніи общества, могутъ опредѣлить весьма различнымъ образомъ его будущее. Такъ напримѣръ направленіе и окончательный исходъ петровскаго преобразованія были рѣшены въ первыя пятнадцать лѣтъ, послѣдовшія за смертію преобразователя, людьми, никогда не задававшимися историческимъ вопросомъ, примѣнявшими государственныя мѣропріятія къ однимъ мелкимъ потребностямъ текущаго времени, вслѣдствіе чего реформа, столь дорого купленная, устояла лишь случайно и дала сдвали не столько же отрицательныхъ, какъ и положительныхъ послѣдствій. Современная намъ, вторая эпоха русскаго раздумья затруднительнѣе послѣ петровской, по сложности подымаемыхъ ею задачъ, но у нея есть два подспорья которыхъ первая не имѣла—богатство накопленнаго въ теченіе полутора вѣка умственнаго капитала,

и вмѣстѣ съ тѣмъ, близость общественныхъ вопросовъ (поставленныхъ на мѣсто отвлеченно-государственныхъ) къ личному пониманію и опыту каждаго: эти два условія допускаютъ самодѣятельное участіе современнаго поколѣнія въ устройствѣ нашей судьбы, чего не могло быть въ первой половинѣ 18-го вѣка. Теперь все дѣло въ томъ, чтобъ наше сборное мнѣніе могло организоваться и правильно выразиться.

Покуда это еще невозможно. Двадцать лѣтъ тому назадъ, до крымской войны, всѣ мы понимали тогдашнюю Россію и самихъ себя, знали что думаемъ и въ нѣкоторой степени даже то—чего желаемъ. Теперь мы этого не знаемъ и покуда даже не можемъ знать, хотя безъ такаго сознанія, не можемъ также ступить шагу ни въ какую сторону. Нельзя выработать сознаніе безъ связности между людьми, разрѣшающейся въ связность мнѣній. Поэтому, полагаемъ, задача текущаго времени заключается для насъ преимущественно въ осуществленіи связности общественныхъ группъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ эти группы, можно сказать, не существуютъ въ русской дѣйствительности. Онѣ замѣнены внѣшнимъ учрежденіемъ—земскимъ самоуправленіемъ. Надежда на будущую, необходимую намъ связность, содержится, стало быть, покуда, исключительно въ этомъ самоуправленіи и въ степени развитія, къ которому оно способно.

Извѣстно, что наше земское самоуправленіе, въ его нынѣшней формѣ, не есть учрежденіе государственное въ точномъ смыслѣ слова; оно не входитъ въ кругъ государственнаго дѣйствія, не составляетъ посредствующаго звена между верховною властію и землею, не завѣдываетъ порядкомъ и безопасностію населеній, не исполняетъ никакихъ правительственныхъ задачъ и отчитывается въ своихъ дѣйствіяхъ только самому себѣ. Наше самоуправленіе есть нѣчто въ родѣ частнаго общества,

разрѣшеннаго земству для завѣдыванія его сборными экономическими нуждами. При условіяхъ, выпрошенныхъ печатью и общимъ голосомъ тѣхъ годовъ, въ которые рѣшалось это учрежденіе, правительство не могло дать ему иныхъ основаній—опытъ былъ слишкомъ теоретиченъ и новъ. Поэтому нынѣшнее наше самоуправленіе можно разсматривать только съ точки зрѣнія способности, обнаруженной всесословнымъ земствомъ для веденія своихъ частныхъ дѣлъ. Силъ, стающихъ на такой кругъ дѣятельности, можетъ не стать на кругъ болѣе обширный, но никакъ не наоборотъ. Каковы же эти силы?

Мы не будемъ вдаваться въ подробности современнаго положенія, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныя—о новомъ соотношеніи нашихъ экономическихъ силъ, о положеніи крестьянскаго самоуправленія, о ходѣ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ и мировыхъ судахъ и прочее. Въ послѣднее время появились достаточно убѣдительные труды и сообщенія по этимъ предметамъ, не допускающіе излишняго оптимизма. Въ житейскихъ дѣлахъ личные взгляды бываютъ, конечно, различны и противоположны, даже болѣе чѣмъ въ области мысли: тѣмъ не менѣе нынѣ можно уже сказать утвердительно, не опасаясь обвиненія въ односторонности, что большинство опытныхъ русскихъ людей, принимающихъ прямое участіе въ мѣстной земской жизни, каковы бы ни были ихъ общія убѣжденія, согласны въ одномъ: что покуда еще земское дѣло не принялось на нашей почвѣ,—не вслѣдствіе тѣхъ или другихъ подробностей учрежденія, или новизны, не давшей людямъ времени спѣться, но по той простой и вмѣстѣ мудреной причинѣ что съ самаго начала оно *не пошло*; многіе даже называютъ наши новыя льготы, не смотря на ихъ очевидную искренность и либеральность, метроворожденными. Въ нихъ какъ-будто оказывается какой-то органическій недостатокъ, или, напротивъ, чувствуется отсутствіе какой-то органической силы, мѣшающей имъ стать жи-

вымъ дѣломъ. Иные ищутъ до сихъ поръ причины ихъ неудовлетворительности въ частностяхъ; но такой частности, измѣненіе которой могло бы исправить дѣло, очевидно, не существуетъ: иначе она давно уже была бы указана общимъ мнѣніемъ. Полагаемъ, мы въ правѣ повторить съ голоса большаго числа знающихъ людей, что мѣстное самоуправленіе (губернское, уѣздное и крестьянское, вмѣстѣ съ мировымъ судомъ), дарованное намъ правительствомъ съ полною искренностью, совершенно согласно общественному настроенію той полосы времени, когда учрежденіе вырабатывалось, представляетъ мало надежды къ дальнѣйшему развитію на нынѣшнихъ началахъ. Каковы бы ни были взгляды *нѣкоторыхъ*, относящихся болѣе благопріятно къ нашему земству, но голосъ *стольких* людей, на мнѣніи которыхъ мы основываемся, заслуживаетъ же какого нибудь вниманія; во всякомъ случаѣ онъ не допускаетъ безмятежной увѣренности, что все обстоитъ наилучшимъ образомъ въ семъ наилучшемъ изъ міровъ. Между тѣмъ земское самоуправленіе, это хозяйство, самосудъ и школа всего русскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ сельская полиція и администрація, то-есть единственное обезпеченіе порядка у девяти десятыхъ населенія, между которыми правительственная власть не присутствуетъ прямо: въ этомъ самоуправленіи—корни всякаго народнаго и общественнаго преуспѣянія. Съ передачею такихъ правъ земству, отвѣтственность за нихъ перешла съ правительства на него. При бездѣйствіи или неудовлетворительности этихъ основныхъ функцій народной жизни, самая мудрая, самая дѣятельная государственная власть остается безсильною для добра, трудится въ пустомъ пространствѣ, не можетъ даже предупредить зарожденія анархіи въ странѣ, еслибъ что либо обусловливало такое явленіе. Подобное положеніе дѣла въ самой почвѣ, на которой зиждется государство, въ соединеніи съ разрозненностью, невыдержанностью и крайностію нашихъ мнѣ-

ній въ обществѣ и печати, представляетъ весьма мало залоговъ самостоятельности, и именно въ такое время, когда для насъ пришла необходимость стоять на своихъ ногахъ, желаемъ ли мы того или не желаемъ. Не смотря на довольно распространенное, хотя поверхностное, несросшееся еще съ личностью, образованіе и на либеральныя мѣстныя учрежденія, въ современной Россіи, за исключеніемъ администраціи, оказывается полное отсутствіе органовъ, пригодныхъ къ почину, общественныхъ группъ, способныхъ выработать въ себѣ какое либо совокупное мнѣніе, провести въ жизнь какое либо совокупное дѣло. Вопреки явному желанію верховной воли воззвать страну къ жизни, вопреки буквѣ закона объ общественныхъ группахъ, т. е. о сословіяхъ, Россія оказывается больною общею разъединенностью, происходящею, конечно, не отъ сословности и даже не отъ всесословности, но отъ безсословности, удавшейся до сихъ поръ одной Америкѣ, и удавшейся вслѣдствіе того именно, что безсословность существуетъ тамъ, наоборотъ, только въ законѣ, а не на дѣлѣ. Въ итогѣ, государство, населенное восьмьюдесятью милліонами безсвязныхъ единицъ, представляетъ для общественной дѣятельности не болѣе силы, чѣмъ сколько ея заключается въ каждой отдѣльной единицѣ. Какъ за 15 лѣтъ назадъ, во времена споровъ бывшихъ славянофиловъ съ бывшими западниками, намъ приходится и теперь возложить упованіе только на *сокровенную внутреннюю мощь русскаго народа,* т. е. на общее мѣсто, лишенное всякаго значенія въ дѣйствительной жизни.

Наша либеральная печать, до которой безпрестанно доходятъ вопли, вызываемые такимъ положеніемъ, не разъ уже пробовала утѣшать насъ гласностью, заключающею въ себѣ, по ея мнѣнію, противоядіе отъ всевозможныхъ золъ. Печать наша еще вѣритъ спасительному дѣйствію гласности въ коренныхъ общественныхъ вопросахъ; остальной свѣтъ знаетъ, что гласность полезна лишь

для ихъ обсужденія, а принести дѣйствительную практическую помощь она можетъ только въ частныхъ случаяхъ, подобныхъ случаю г-жи Энкенъ. Кажется, порядочные люди Франціи не скупились на гласность для проповѣдыванія своимъ непорядочнымъ соотечественникамъ о послѣдствіяхъ баррикадъ, революцій и общественнаго разлада, доведшихъ Францію до ея нынѣшняго состоянія; но не только гласность, а самые жестокіе уроки дѣйствительности, тяжело отзывающіеся почти на каждомъ французѣ, нисколько не исправили самодурства людей. Пока сознательные слои французской націи будутъ оказываться безсильными, по своей безсвязности, для стойкаго и разумнаго управленія народомъ,—что теперь уже почти неисправимо,—до тѣхъ поръ люди, которымъ смута выгодна, не перестанутъ губить отечество. Наше современное общественное состояніе (конечно, не государственное) подходитъ довольно близко къ французскому и не проявило еще всѣхъ своихъ послѣдствій, выказывается только по мелочамъ, потому, во-первыхъ, что эти послѣдствія сдерживаются незыблемою высшею властью, а во-вторыхъ потому, что мнѣнія и обычаи большинства нынѣ живущаго поколѣнія вылились изъ прежняго, а не изъ настоящаго бытового склада. Въ людяхъ же, взросшихъ на нынѣшней, не переполотой какъ слѣдуетъ почвѣ, окажется иное: очень многіе изъ нихъ станутъ дѣйствительно похожими, даже по миновании 21 года, на идеалъ молодаго поколѣнія, о которомъ твердятъ нигилистскіе журналы.

Стало быть, къ слабости нашей духовной выработки и къ разрозненности нашихъ мнѣній присоединяется еще на практикѣ отсутствіе какихъ либо общественныхъ органовъ, способныхъ къ совокупной дѣятельности. Кромѣ того, въ русскихъ областяхъ оказался внезапно полнѣйшій недостатокъ въ личностяхъ, удовлетворяющихъ условіямъ земскаго дѣла; образованные люди, которыхъ всѣ мы знали по всякимъ захолустьямъ до призыва ихъ къ само-

дѣятельности, съ тѣхъ поръ разсыпались въ стороны, исчезли неизвѣстно куда. Какимъ образомъ тысячелѣтнее національное бытіе привело насъ къ такому безформенному, первобытному состоянію мысли и дѣла?

Это—вопросъ историческій, требующій для полнаго разъясненія томовъ, а не газетныхъ статей; но нѣтъ также возможности хорошо понимать сегодняшній день, отрывая его отъ вчерашняго. Поэтому мы вынуждены еще къ одному отступленію, чтобы обнажить, хотя въ бѣгломъ очеркѣ, корни нынѣшняго нашего положенія; корни его лежатъ въ только-что прожитомъ нами воспитательномъ періодѣ, съ наслѣдствомъ котораго мы вступили въ новую эпоху. Взглянувъ назадъ, намъ станетъ виднѣе, воспользовались мы или не воспользовались, и въ какой мѣрѣ воспользовались, этимъ наслѣдствомъ?

При разрозненности русскихъ взглядовъ во всемъ, было бы удивительнымъ чудомъ, еслибъ мы оказались согласными во взглядѣ на нашу исторію, даже на ея коренную основу, какъ другіе народы. Когда установится общепринятое сужденіе о ближайшихъ къ намъ столѣтіяхъ русской жизни, оно будетъ первымъ признакомъ зрѣлости, первымъ доказательствомъ нашей способности стоять на своихъ ногахъ. До тѣхъ поръ каждому приходится поневолѣ смотрѣть на дѣло съ своей точки зрѣнія.

Мы считаемъ неоспоримою истиною, что петровскій или воспитательный періодъ, заключенный послѣднею нашею реформою, которому до сихъ поръ еще многіе придаютъ баснословный, совершенно невозможный въ людскихъ дѣлахъ характеръ преобразованія народныхъ основъ однимъ человѣкомъ, былъ вовсе не новымъ началомъ и не преобразованіемъ основъ, а только вводнымъ эпизодомъ русской исторіи, и что мы стоимъ въ 1874 году несравненно ближе къ московской Руси, чѣмъ стояли въ 1854, какъ выразились уже наши старообрядцы; что послѣ долгаго и поголов-

наго отвлеченія отъ общаго дѣла для личнаго образованія, намъ приходится продолжать свое общественное развитіе съ той самой точки, на которой оно стояло въ 1688 году, съ двумя только, правда, очень крупными измѣненіями: 1) съ отмѣной (давно уже состоявшейся) военной диктатуры на всемъ пространствѣ государства, неизбѣжной въ московской Руси, постоянно находившейся на осадномъ положеніи, ежечасно ожидавшей вторженія на каждомъ изъ своихъ предѣловъ, и—2) съ превращеніемъ совершоннымъ Петромъ (въ чемъ и состоитъ главная черта его реформы), прежняго, почти кастоваго дворянства въ русскій культурный слой, тѣсно связанный между собою и съ престоломъ и открытый снизу всякой созрѣвающей силѣ, даже не крупной, въ чемъ бы она ни заключалась. Эти двѣ перемѣны придаютъ дѣйствительно новыя стороны каждому изъ нашихъ общественныхъ вопросовъ, замерзшихъ въ зародышѣ въ 1688 году и оттаявшихъ только въ 1861, не измѣняя, однако же, ихъ сущности. Воспитательный періодъ только обучалъ русскихъ людей и не могъ допускать общественныхъ вопросовъ между школьниками. Власти этого вставного историческаго эпизода держались своего правила крѣпко, хотя едва ли вполнѣ сознательно, и въ сущности были правы. Надѣлали бы мы дѣлъ, принимаясь вдругъ за самоуправленіе съ тѣми понятіями о Россіи, Западѣ и пригодныхъ намъ цѣляхъ, которыя обращались въ нашемъ обществѣ даже во времена Александра I. Мы считаемъ очевиднымъ, что нашъ воспитательный періодъ не разорвалъ русскую исторію пополамъ, какъ долго повторялось, а только придалъ ей временно особый, чуждый нашему народному складу оттѣнокъ, выразившійся и въ исключительныхъ отношеніяхъ верховной власти къ перевоспитываемому обществу, и въ шаткости русскаго мнѣнія, внезапно погруженнаго въ незнакомую ему среду. Съ устраненіемъ этого оттѣнка и сопряженной съ нимъ чрезвычайной просвѣтительной миссіи сверху, мы станo-

вимся на прежнія основанія, съ двумя вышесказанными дополненіями. Эти повороты нашей исторіи обозначены такъ явно, что верховная власть, относившаяся къ московской Руси съ полнѣйшимъ довѣріемъ, совѣщавшаяся съ своимъ народомъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, но потомъ уединившаяся на полтора вѣка, снова воззвала къ народу, какъ только кончилась ея временная задача. Конечно, въ этихъ поворотахъ нельзя искать полной сознательности цѣлей; исторія ведетъ людей еще болѣе, чѣмъ люди складываютъ исторію; но наши переломы говорятъ сами за себя.

Скажемъ мимоходомъ: верховная власть московскихъ временъ не имѣла того простора дѣйствій, какъ нынѣ. Она была прежде всего военною диктатурой, необходимою для спасенія русской самостоятельности, чѣмъ и обусловливалась главная ея цѣль. Московскій царь былъ верховнымъ вождемъ русскихъ силъ еще болѣе чѣмъ монархомъ. Царская военная диктатура создала Россію изъ погибавшихъ обломковъ, твердо установила пути къ достиженію національныхъ цѣлей, довершенныхъ Екатериною II, и передала петербургскому періоду могучую и сосредоточенную Русь, которую оставалось только отшлифовать. Передъ глазами свѣта стоитъ фактъ: изъ столькихъ славянскихъ государствъ, бросившихъ немало блеска во время своего процвѣтанія, стоявшихъ въ условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ чѣмъ мы, уцѣлѣла одна Россія; самое имя славянской породы спаслось въ ней одной, благодаря чутью народа, стоявшаго прежде всего и болѣе всего за цѣлость и независимость, умѣвшему жертвовать государственному единству привольемъ послѣдовательныхъ поколѣній и сплотившемуся около престола не только какъ народъ, но почти какъ войско, всегда готове встать поголовно по его призыву. Только этою жертвою Россія откупилась отъ зарока насильственной смерти, наложеннаго, какъ проклятіе, на всѣ славянскія племена. Намъ

теперь легко судить на льготѣ, изъ-за ограды крупповскихъ пушекъ, о московской эпохѣ; но ей нѣкогда было тратить много времени на общественные вопросы: всѣ силы ея были поглощены вопросомъ о бытіи Россіи; ей было невозможно установить настоящее земское самоуправленіе, по необходимости сосредоточивать военную и гражданскую власть на всякой точкѣ государства, такъ какъ тогда не было ни единой точки, вполнѣ безопасной отъ поляковъ, шведовъ, татаръ, черемисъ и собственныхъ казаковъ. Безъ мѣстнаго самоуправленія земскіе соборы не достигали цѣли вполнѣ; но тѣмъ не менѣе верховная власть относилась къ народу, въ лицѣ его выработанныхъ слоевъ, съ полнѣйшимъ довѣріемъ, обращалась къ нему за совѣтомъ при каждомъ важномъ вопросѣ. Взаимное сближеніе постепенно учащалось; съ обезпеченіемъ безопасности областей, устранявшимъ необходимость военной диктатуры, изъ такого сближенія непремѣнно развился бы живой государственный строй.

Петербургскій періодъ прервалъ эти отношенія, возстановленныя только нынѣшнимъ царствованіемъ,—прервалъ по необходимости, ставъ передъ народомъ въ положеніе учителя и наставника, взявшагося просвѣтить его хотя бы силою, обязаннаго подгонять лѣнивыхъ; какъ же при этомъ выслушивать ихъ мнѣніе? Сообразно потребности эпохъ, приходившихъ на смѣну одна другой, верховная власть приняла у насъ въ отношеніяхъ къ народу новый оттѣнокъ—просвѣтительный, замѣнившій московскій оттѣнокъ военной диктатуры, но еще менѣе согласимый съ развитіемъ земскаго самоуправленія. Выборное начало, введенное Екатериной II въ губернское устройство, не опровергло, а напротивъ явно доказало эту несогласимость. Оно было лишь либеральною формальностью. Коронные чиновники продолжали управлять; земскіе же дѣятели только помогали имъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей: выборные изъ дворянъ, безгласные по неимѣнію на своей

сторонѣ большинства, плыли по теченію времени и сами становились чиновниками или по возможности устранялись отъ дѣла; выборные отъ мѣщанъ топили печи въ присутствіи, выборные отъ крестьянъ мели дворъ. Серьезная задача воспитательнаго періода была совсѣмъ иная: онъ положилъ конецъ прежней сословной замкнутости и вызвалъ изъ нѣдръ русскаго народа, безъ различія званія и рожденія, всѣхъ, кто хотѣлъ слѣдовать за нимъ къ поставленной имъ цѣли—стать русскимъ европейцемъ. Подъ названіемъ дворянства онъ создалъ нашъ культурный слой, связный и отграниченный отъ массы, но открытый снизу всякой созрѣвающей личности,—слой, способный пользоваться политическими правами и вмѣстѣ съ тѣмъ не замкнутый въ себя любивое сословіе, не чуждый народу, постоянно обновлявшему и укрѣплявшему его притокомъ новыхъ силъ. Было бы, вѣроятно, лучше, если бы культурный слой создавался медленнѣе, не отрываясь отъ почвы; но случилось такъ, а не иначе. Съ этою отборною частью народа петербургская эпоха совершила всѣ свои начинанія—внутреннія и внѣшнія; она не могла только одного: дать созданному ею новому дворянству политическаго воспитанія, по несогласимости широкаго земскаго самоуправленія съ существеннымъ характеромъ воспитательнаго періода. Задача эта стояла впереди и требовала, чтобы временная просвѣтительная миссія сверху была признана законченною. Можно думать, что часъ этотъ насталъ для насъ нравственно именно въ половинѣ текущаго столѣтія. Около этого времени выяснились уже во мнѣніи, хотя еще не вполнѣ вошли въ общее сознаніе, опредѣленныя понятія о нашемъ родѣ и видѣ между народами, о точкахъ соприкосновенія и отличія русскаго племени, русской жизни и русской исторіи съ западно-европейскими. Нѣсколько ранѣе наши понятія въ этомъ отношеніи были еще очень сбивчивы. Въ этотъ разъ, какъ и прежде, съ самаго начала московскаго государства, судьба намъ явно

благопріятствовала: нашей исторіи не пришлось дожидаться: поворотъ на дѣлѣ соотвѣтствовалъ немедленно нравственной потребности.

За исключеніемъ великой и сознательной задачи—созданія русскаго культурнаго слоя. петровскому періоду жилось легко; на долю его не выпало не только десятой, но даже сотой доли трудовъ, подъятыхъ московскими временами. Онъ приводилъ въ порядокъ готовые матеріалы. Во внутреннихъ дѣлахъ ему досталось въ наслѣдство цѣльное государство, срощенное во всѣхъ своихъ частяхъ, съ сильною централизаціею, до сущности которой правительство этого періода никогда не касалось; оно только переименовывало дьяковъ въ секретарей, приказы въ коллегіи и министерства, а боярскую думу въ правительствующій сенатъ или государственный совѣтъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ Москва завѣщала Петербургу завѣршеніе вопросовъ, въ основаніи уже порѣшенныхъ ею: объ изгнаніи остатковъ мусульманскаго владычества изъ естественныхъ предѣловъ Европейской Россіи и о преобладаніи надъ Польшею; одно только завоеваніе балтійскаго прибрежья, котораго московскіе цари никакъ не могли добиться, принадлежитъ въ собственность петербургскому періоду.

Въ полномъ значеніи слова, нисколько не играя выраженіями, должно сказать, что мы, русскіе, какъ нація, только вчера доросли до нравственной независимости, до такого состоянія, въ которомъ намъ не приходится уже жертвовать роковой необходимости драгоцѣннѣйшими условіями развитой общественной жизни; только вчера мы выбрались на широкую дорогу. Предшествовавшія вермена не располагали достаточною для того свободою дѣйствій. Московской эпохѣ было нѣкогда: она боролась за право существованія Россіи; петербургскому періоду было нельзя: онъ шелъ къ другой задачѣ. Вѣроятно, въ будущемъ ожидаетъ насъ еще много внѣшнихъ бурь; но при нашей государственной окрѣп-

лости, онѣ уже не остановятъ народнаго роста. Теперь только пришло намъ время жить и обнаружить свои внутреннія силы.

Мы вступаемъ въ пятую эпоху своей исторіи съ крупнымъ, по единственнымъ наслѣдствомъ, оставшимся намъ отъ воспитательнаго періода — съ нашимъ культурнымъ слоемъ, который Петръ Великій назвалъ русскимъ дворянствомъ, приравнявъ его къ старинному высшему сословію. Внѣ петровскаго дворянства у насъ нѣтъ ровно ничего, кромѣ богато-одареннаго природою, твердо сомкнутаго въ смыслѣ народности, но совершенно стихійнаго русскаго простонародья. Вся умственная сила Россіи, вся наша способность къ созданію сознательной общественной дѣятельности — заключается въ дворянствѣ, въ томъ именно видѣ дворянства, какимъ создалъ его Петръ—связномъ и доступномъ снизу. Россія купила свою нравственную силу дорогою цѣною—пріостановкою общественнаго развитія на полтора вѣка. Наше будущее зависитъ отъ умѣнья пользоваться этою силою. Современное положеніе Россіи объясняется все, безъ остатка, внутреннимъ содержаніемъ, степенью зрѣлости нашего культурнаго слоя—дворянства, и мѣрою участія его въ общественныхъ дѣлахъ.

Мы всѣ знаемъ про себя, что всесословный русскій народъ дѣлится, въ дѣйствительности, только на два сословія — на господъ и на простолюдиновъ, то-есть на людей, ставшихъ и вновь становящихся образованными европейцами, и на людей, не выбившихся еще изъ стихійнаго быта. Купцы не въ счетъ: по степени богатства они примыкаютъ или къ первымъ, или ко вторымъ, не говоря о почетныхъ гражданахъ, давно пользующихся многими дворянскими правами. Развитые люди низшихъ слоевъ, не добившіеся дворянства (о которыхъ надобно еще спросить, въ какомъ смыслѣ они развиты?), составляютъ у насъ единичныя явленія и никогда не сложатся въ сословіе. Странно было бы даже ставить вопросъ о внезапномъ появленіи въ девятнадцатомъ столѣтіи сословія, о

которомъ никогда не слыхала тысячелѣтняя Русь! При бытовыхъ условіяхъ русской жизни, давно уже опредѣлившихся, такому сословію положительно нѣтъ у насъ мѣста. Наши города совсѣмъ не похожи на европейскіе, а потому не могли и не могутъ создать отдѣльнаго класса горожанъ: они — не промышленные центры, а административныя средоточія, въ которыхъ живутъ тѣ же господа и мѣщане, ничѣмъ не отличающіеся отъ крестьянъ: въ мелкихъ городахъ мѣщане пашутъ землю и сами не знаютъ, почему они переименованы въ новое званіе; наша промышленность въ большинствѣ пріютилась по селамъ. Условія русской производительности не выдвинули людей средняго состоянія какъ цѣльное сословіе; отдѣльныя же семейства, выроставшія изъ народнаго уровня, вступали послѣ Петра Великаго въ ряды дворянства, или прямо, или черезъ нѣкоторый срокъ, если могли продержаться два-три поколѣнія выше толпы (купеческіе роды); въ противномъ же случаѣ опять растворялись въ народѣ. Учрежденіе нашего высшаго сословія, открытаго снизу, не допускало скопленія подъ нимъ непривилегированнаго образованнаго слоя. До послѣдней реформы дворянство считало себя сословіемъ исключительно служилымъ и не занималось никакимъ техническимъ дѣломъ, развѣ рѣдко и неохотно; вслѣдствіе того, въ теченіе нынѣшняго столѣтія подъ высшимъ классомъ стало появляться—не сословіе, конечно, но довольно большое число полуобразованныхъ техниковъ разнаго рода, на половину иностранцевъ. Теперь же, какъ извѣстно, такъ называемыя либеральныя профессіи наполняются сильнымъ притокомъ дворянства: оно признало *своею* всю область умственныхъ занятій. Первоначальная мысль Петра Великаго, положившаго основаніе новому дворянству какъ *связному сословію русскихъ образованныхъ людей*, дожила до своего практическаго приложенія. Конечно, Петръ собиралъ это сословіе только для государственной службы, но исторія извлекла изъ его

началъ послѣдствія, далеко превосходящія человѣческое предвидѣніе. Въ настоящее время наши инженеры, ученые техники, профессора — всѣ господа, а дѣти каждаго изъ нихъ, лично возвысившагося изъ толпы, сколько нибудь путные, уже навѣрное станутъ дворянами; о нашихъ писателяхъ еще Пушкинъ сказалъ, что имъ не нужны меценаты сверху, такъ какъ сами они господа. Какая же умственная сила существуетъ еще въ Россіи внѣ дворянства и богатаго купечества, кромѣ отдѣльныхъ и разсѣянныхъ личностей да нѣмцевъ-аптекарей, которыхъ было бы смѣшно класть на вѣсы, когда рѣчь идетъ о закладкѣ государственнаго строя? Подъ высшима русскимъ слоемъ лежитъ особымъ пластомъ, но все же не сословіемъ, только наше потомственное духовенство, неизвѣстное ни старой Россіи, ни другимъ православнымъ странамъ; изъ этого пласта выходятъ ежегодно—не въ церковь, а въ свѣтъ тысячи молодыхъ, полуобразованныхъ людей, стучащихъ въ двери культурнаго общества. Съ ихъ-то стороны и раздаются главнѣйше вопли о демократическомъ равенствѣ и всесословности, непризнаваемыхъ русскимъ народомъ. Вопросъ о кастовомъ духовенствѣ—вопросъ очень великій, отъ котораго также въ значительной степени зависитъ наше будущее, но потому именно его нельзя касаться мимоходомъ. Но вѣдь и наши семинаристы не скопляются въ какую нибудь промышленную буржуазію: они почти поголовно идутъ въ чиновники. Страшный недостатокъ въ техническихъ школахъ заставляетъ у насъ каждаго подростка, скинувшаго зипунъ, — подростка, который могъ бы стать хорошимъ машинистомъ на желѣзной дорогѣ и быть первымъ между своими,—голодать всю жизнь, но лѣзть въ господа: у него нѣтъ другого средства обезпечить свое существованіе. Эти машинисты и всякіе техники низшаго разряда не сложатся также, сколько бъ ихъ ни было впослѣдствіи, ни въ какое сословіе: въ глазахъ русскаго народа они—тѣ же рабочіе, какъ и другіе, только зажиточ-

ные. Русская жизнь сложила лишь два пласта людей — привилегированный и непривилегированный, отличающіеся между собою въ сущности не столько привилегіей, какъ тѣмъ кореннымъ отличіемъ, что они выражаютъ каждое, различную эпоху исторіи: высшее сословіе — 19-й вѣкъ, низшее — 9-й вѣкъ нашей эры. Въ каждомъ изъ этихъ пластовъ, раздѣленныхъ тысячелѣтіемъ, хотя живущихъ рядомъ, есть свои верхи и свои низы, своя аристократія и демократія; но въ серединѣ между ними нѣтъ ничего и не мелькаетъ даже зародыша чего нибудь для будущаго; только съ теченіемъ времени верхній слой будетъ постоянно утолщаться. Такова форма, данная нашей жизни исторіей; а исторію никто не сочиняетъ. Теперь еще не пора судить объ относительномъ достоинствѣ этой формы; можетъ быть такъ выйдетъ лучше; по крайней мѣрѣ у насъ не произойдетъ никогда разрыва между культурными слоями, сливающимися въ одинъ общій слой. Но, во всякомъ случаѣ, откидывая чуждыя сравнительныя названія, занесенныя къ намъ изъ иностранной жизни воспитательнымъ періодомъ, и общія мѣста либерализма, происходящія изъ того же источника, невозможно не признать, что русскій культурный слой содержится почти исключительно въ русскомъ дворянствѣ и богатомъ купечествѣ, не только по факту, но по принципу, и что внѣ дворянства у насъ не существуетъ никакой развитой умственной силы, кромѣ очень рѣдкихъ исключеній. Слѣдовательно, сознательная сила русской націи равняется тому ея количеству, которое заключается въ дворянствѣ.

Каково же наше дворянство? За этимъ вопросомъ остается только относительное значеніе, потому что, хорошо оно или дурно, замѣнить его нечѣмъ. Но безъ уясненія вопроса нельзя ничего понять въ нашемъ современномъ положеніи.

Въ предшествующихъ главахъ мы очертили, по своему убѣжденію, нынѣшнее состояніе русской мысли и русскаго обществен-

наго дѣла; думаемъ, по личному опыту, что большинство образованныхъ людей раздѣляютъ наши взгляды на самый фактъ. Состоянiе это оказывается далеко не утѣшительнымъ: оно проникнуто какимъ-то слабосилiемъ, не допускающимъ даже зрѣлыхъ лицъ, которыхъ у насъ не мало, соединиться между собою и сложить какое-либо зрѣлое мнѣнiе или зрѣлое дѣло. Если вся наша умственная сила заключается въ дворянствѣ, то можно вывести, пожалуй, что вина въ современномъ безсилiи падаетъ на него. Хотя нельзя винить прямо разъѣхавшихся за границу помѣщиковъ въ нынѣшнемъ безплодiи освобожденнаго, сравнительно съ прежнимъ русскаго слова, или прямо ставить въ укоръ остающимся — безжизненность земскихъ учрежденiй, въ которыхъ они представляютъ только свой классъ, въ настоящее время далеко не особенно связный; но тѣмъ не менѣе надо признаться: если бы наше дворянство, заключающее въ себѣ весь русскiй культурный слой, весь тысячелѣтнiй разумъ Россiи, было достаточно созрѣвшимъ, оно оказывало бы даже въ нынѣшнемъ своемъ положенiи несравненно болѣе влiянiя и на своихъ членовъ, и на остальное населенiе государства; у насъ не было бы ни разлива нигилизма конца пятидесятыхъ годовъ, ни нынѣшняго общественнаго безсилiя въ словѣ и дѣлѣ. Но откуда быть ему созрѣвшимъ?

Воспитательный перiодъ создалъ большое число русскихъ европейцевъ подъ названiемъ дворянъ; но онъ не смотрѣлъ и не могъ смотрѣть на дворянство, какъ на связное общественное сословiе: оно являлось связнымъ только въ отношенiи къ государству, было въ его рукахъ сословiемъ исключительно служилымъ, своими людьми, но никогда не жило совокупною жизнью. Императрица Екатерина предоставила дворянству льготу выбирать нѣсколькихъ чиновниковъ, которые затѣмъ поступали въ непосредственное подчиненiе коронной администрацiи; ею же было дано ему право обсуж-

дать дѣйствующіе законы и представлять объ нихъ свое мнѣніе; но право это оставалось, какъ извѣстно, мертвою буквой. Въ прошлыя времена не одинъ дворянинъ, пытавшійся напомнить собранію о дарованномъ правѣ, былъ прямо останавливаемъ, если не случалось съ нимъ хуже. Теперь мы хорошо понимаемъ, оглянувшись назадъ, что такія отношенія были въ порядкѣ дѣла, что они даже не могли быть иными: нельзя вмѣстѣ перевоспитывать людей и ставить ихъ на одинъ умственный уровень съ собою, прежде чѣмъ они сдадутъ экзаменъ. До нынѣшней эпохи русскіе дворяне, старые и новосозданные, сходились между собою въ полкахъ, въ канцеляріяхъ и разъ въ три года на съѣздахъ, гдѣ они выбирали предводителей и нѣсколькихъ чиновниковъ, но никакого общаго дѣла у нихъ не являлось. Они составляли сословіе только по буквѣ закона, а не въ дѣйствительности. Сказать короче: въ Россіи было много дворянъ, но не было дворянства. Нашъ культурный слой со дня своего рожденія никогда еще не жилъ общественною жизнью, и нынѣ, призванный къ жизни вмѣстѣ съ другими сословіями, выступаетъ на сцену такимъ же новичкомъ, какъ они. Онъ имѣетъ за собою преимущество не только громадное, но исключительное, не допускающее никакого соперничества,—преимущество личнаго культурнаго развитія. О вопросахъ XIX вѣка, даже мелкихъ, могутъ судить только люди этого вѣка, а не люди допотопныхъ временъ; тѣмъ не менѣе, нашъ культурный слой, какъ сословіе, имѣетъ также всѣ недостатки юноши, хорошо учившагося, но еще не понимающаго жизни. Нужно цѣлое поколѣніе, при крѣпкой связности и цѣляхъ, достойныхъ усилій всей жизни, чтобы сложить его въ политическое сословіе, сознательно служащее видамъ верховной власти и твердо руководящее народомъ въ каждой мѣстности. По всѣмъ даннымъ исторіи можно надѣяться, что слѣдующее поколѣніе образованныхъ и уважающихъ себя русскихъ людей, при должной обстановкѣ, тѣсно сплоченное, доро-

стетъ до зрѣлости; покуда же, несмотря на большое число лично развитыхъ людей, у насъ нѣтъ общественной опытности, что отражается на каждомъ изъ насъ безъ исключенія. Эта сборная опытность, свѣряющая всѣ мнѣнія между собою и съ практикою, пріобрѣтается только совокупною жизнью, а не книгами и одиночными умозаключеніями. Отсутствіемъ ея объясняется нынѣшняя шаткость, разрозненность и крайность мнѣній, непослѣдовательность и неустойчивость дѣйствій русскихъ образованныхъ людей, не говоря о полуобразованныхъ. Послѣдніе всегда и вездѣ не самостоятельны; они руководятся общественнымъ сознаніемъ слоевъ болѣе зрѣлыхъ. При отсутствіи такого руководящаго начала они должны поневолѣ находиться еще въ большемъ нравственномъ разбродѣ, чѣмъ ихъ старшая братія.

Съ началомъ петровской эпохи старинное дворянство, пріобрѣвшее много преданій государственной, если не чисто-общественной дѣятельности, утратило ихъ, утонувъ въ массѣ новаго культурнаго слоя; людямъ же этого новаго слоя до сихъ поръ неоткуда было ихъ почерпнуть. Въ продолженіе полутора вѣка слишкомъ, и старые, и новые дворяне воспитывались лично, учились въ-одиночку, никогда не соприкасаясь другъ съ другомъ какъ члены общества. Они проникались иностранными понятіями, не имѣя возможности свѣрить ихъ съ своею дѣйствительностью, прозябавшею подъ ними чисто-растительною жизнью, потому именно растительною, что вся нервная система была извлечена изъ нея въ другую, государственную сферу. Не имѣя прямаго вліянія на народную жизнь, образованные русскіе люди, желавшіе понять ее должны, были прибѣгать — если можно такъ, выразится — къ пріемамъ не физіологіи, а анатоміи: они разсѣкали органъ, не имѣя средства поглядѣть его отправленія. Эта ограниченность средствъ высказалась очень живо въ ученіи славянофиловъ: они подмѣтили съ чрезвычайною мѣткостью *суть* русской

*

жизни, но оказались безсильными для практическихъ выводовъ изъ нея. Масса же общества, неуглубляющаяся въ отвлеченныя изысканія, не имѣла ровно никакихъ средствъ провѣрить на дѣлѣ чужеземный урокъ, преподаваемый ей въ школѣ и оффиціальной сферѣ. Къ концу воспитательнаго періода источники самостоятельнаго народнаго духа, не смотря на теоритическое возвращеніе къ нимъ, стали изсякать не только въ бывшемъ офранцуженномъ классѣ, но даже въ поддонкахъ нашего культурнаго слоя. Вышло что то же самое общество, которое выставляло столько крупныхъ личностей на государственную службу, оказалось безсильнымъ, принимаясь за свое собственное дѣло; и не удивительно: для службы нужны лично-развитые люди, какихъ воспитательный періодъ создалъ не мало; для собственнаго дѣла нужны *русскіе земскіе люди*, давно исчезнувшіе на нашей почвѣ. Самые даровитые и многознающіе воспитанники бываютъ всегда, въ день выхода изъ школы, существами безличными; опредѣленная личность слагается въ нихъ уже впослѣдствіи, житейскимъ опытомъ. Эти юныя существа отличаются отъ взрослыхъ тѣмъ именно, что ихъ чувства и дѣйствія не вяжутся съ навѣянными на нихъ мнѣніями. Вотъ наше общественное состояніе, конечно временное и переходное. Оно опредѣляется единымъ словомъ: обезличеніе.

Это обезличеніе сказывается во всемъ. Какой-нибудь журналъ, вообще сёрьозный, успокоивается на общихъ мѣстахъ въ такой мѣрѣ, что обращается съ бумажнымъ высомѣріемъ къ непритворной тревогѣ русскаго человѣка, не чувствующаго почвы подъ ногами: или утѣшаетъ его гласностью, или совѣтуетъ *общечеловѣческое* развитіе; по привычкѣ къ готовымъ заключеніямъ, онъ не догадывается, что если были святые и чародѣи, умѣвшіе стоять на водѣ и на воздухѣ, то до сихъ поръ никто еще не стоялъ на звукѣ. Большинство все еще понимаетъ подъ словомъ «почва» теоретическіе споры сороковыхъ годовъ и не видитъ факта, осадив-

шаго насъ со всѣхъ сторонъ: необходимости бытовой почвы, на которой могла бы развиться дѣйствительная земская жизнь, исходящая изъ дѣйствительныхъ условій русскаго общественнаго склада, не лгущая передъ нимъ, также какъ живая и живящая печать, сознательно относящаяся ко всѣмъ особенностямъ народнаго духа — вмѣсто либеральнаго, но мертваго канцелярскаго измышленія, вмѣсто либерально-аллегорической болтовни журнальныхъ статей.

Вотъ другой фактъ изъ общественной жизни. Садитесь на пароходъ въ Псковѣ; черезъ восемь часовъ вы будете въ Дерптѣ, принадлежащемъ Россіи болѣе полутора вѣка, въ которомъ вы не допроситесь ни воды, ни хлѣба, если станете спрашивать ихъ по-русски. Между тѣмъ, мы хорошо знаемъ, какъ окрайные города, занимаемые московскою Русью, черезъ одно поколѣніе становились до такой степени русскими, что отбивались отчаянно отъ своихъ прежнихъ владыкъ. Мы вовсе не сторонники приравненія окраинъ къ тѣлу государства полицейскими мѣрами, — даже всякаго вида приравненія ихъ, кромѣ политическаго; намъ кажется желательнѣе, напротивъ, воскресить мѣстный духъ даже составныхъ частей собственной Россіи. При обширности государства, наша будущность — въ разнообразіи и нѣкоторой самобытности большихъ областей. Мы считаемъ распространеніе русскаго языка и русскаго чувства къ общему отечеству на окраины дѣломъ болѣе общественнымъ, чѣмъ правительственнымъ. Въ этомъ отношеніи вышеуказанный фактъ имѣетъ великое значеніе. Старая Русь оказывала живое вліяніе на присоединяемые края, потому что сама была живымъ цѣлымъ, твердо сознававшимъ свою личность; сила ея состояла не въ учености, а въ нравственномъ единствѣ. Нынѣшняя Россія, выходящая изъ воспитательнаго періода, съ своимъ блѣднымъ культурнымъ обществомъ безъ тѣла и своимъ стихійнымъ простонародьемъ безъ головы, владѣетъ только силою

механическою; она не можетъ никого убѣждать, потому что сама не знаетъ своихъ убѣжденій. Мы образовывались и выцвѣтали постепенно отъ недостатка совокупной жизни. При Екатеринѣ, вновь присоединенныя западныя губерніи стали-было быстро заквашиваться въ общемъ духѣ государства,—значитъ, въ русскомъ обществѣ сохранялся тогда еще нѣкоторый запасъ дѣятельной силы: мы видимъ, какимъ успѣхомъ увѣнчались въ тѣхъ же губерніяхъ, въ настоящую пору, самыя энергическія усилія правительства во всемъ, чего нельзя было достигнуть прямо административными мѣрами. Нынѣшнее общество только взывало къ правительству по этому поводу, но помогло ему очень мало.

Такова покуда внутренняя сила дворянства, заключающаго въ себѣ весь нашъ культурный слой. Нечего говорить о степени состоятельности полуобразованныхъ людей, только еще дорастающихъ до званія господъ, отставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому. Не смотря на эту горькую истину, наше общественное дѣло можетъ быть поведено только однимъ дворянствомъ, присоединяя къ нему, конечно, силу большихъ капиталовъ и крупныхъ талантовъ, откуда бы они ни взялись. Не создавать же новаго культурнаго класса, въ обходъ стараго, если бы даже такая операція была возможна, сложивъ опять руки на полтораста лѣтъ. Кромѣ того, слабосиліе русскаго образованнаго общества— не порокъ органическій, а чисто-наружный, происходящій отъ отвычки къ серьезному дѣлу. Чѣмъ ушибся—тѣмъ и лечись.

Не смотря на очевидное временное обезличеніе нашего культурнаго слоя, мы считаемъ однакожъ крайне несправедливымъ и вполнѣ невѣрнымъ обвиненіе его въ оторванности отъ русской почвы, въ очужеземленіи, если можно такъ выразиться; мы не видимъ никакихъ существенныхъ признаковъ, дающихъ право сказать, какъ не разъ у насъ говорилось, что петровская реформа разорвала русскій народъ на двѣ половины, не понимающія уже одна

другую. Мы, напротивъ, видимъ явно, по ежедневному опыту, тотъ же самый русскій складъ, и съ хорошей и съ дурной стороны, въ человѣкѣ высшаго общества и въ простолюдинѣ; оба они проникнуты одинаково русскимъ чутьемъ, внутреннее содержаніе, основные взгляды второго — тѣ же самые, что и перваго, только безъ культурныхъ добавленій. Эти культурныя добавленія, до сихъ поръ не свѣренныя съ жизненною дѣйствительностью, а потому случайныя и произвольныя, составляютъ всю разницу между ними. Русскій образованный человѣкъ не отрывался отъ простолюда, но онъ надолго былъ оторванъ отъ всякой общей съ нимъ, не казенной заботы. Какъ братьямъ, никогда не ссорившимся, но давно, разъѣхавшимся, имъ надо пожить вмѣстѣ мѣсяцъ, чтобы столковаться насчетъ своего семейнаго дѣла; мѣсяцъ въ жизни народа — это одно поколѣніе. Прямое участіе нашего культурнаго слоя — дворянства — въ общественной жизни, вмѣсто нынѣшняго косвеннаго участія, серьозная дѣятельность и серьезная отвѣтственность сложатъ его въ одно цѣлое и между собою, и съ народомъ, проникнутъ его единствомъ настроенія и отрезвятъ совершенно. Этого будетъ достаточно, чтобы коренной русскій духъ проросъ вновь сквозь нынѣшнее школьное обезличеніе. У насъ явятся тогда и общественное мнѣніе, и общественная дѣятельность. Мы набрались достаточныхъ свѣдѣній въ теченіе послѣдняго полутора вѣка, намъ недостаетъ только баласта — связности и уроковъ жизни, откуда и происходитъ нынѣшняя русская безцвѣтность. Болѣзнь эта неудобная, особенно въ настоящее бурное время, хотя не болѣе какъ наружная и скоро-проходящая при должныхъ лекарствахъ; но вылечить насъ можетъ только всероссійскій житейскій опытъ, развивающійся изъ бытовыхъ, а не изъ сочиненныхъ началъ и отношеній.

Если современная болѣзнь русскаго общества состоитъ въ обезличеніи, происходящемъ исключительно изъ теоретическаго

образованія, не провѣреннаго опытомъ совокупной жизни, отъ которой мы давно отвыкли, то нашему культурному слою связность въ будущемъ еще необходимѣе, чѣмъ такимъ же слоямъ европейскимъ. Къ причинамъ, заставляющимъ послѣдніе тѣсно держаться между собою по закону и преданію, у насъ присоединяется еще новая причина. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ легче, чѣмъ на Западѣ, сохранить или возстановить, пока еще есть время, связность образованнаго общества, потому именно, что оно не дѣлится на соперничествующія группы—на дворянство и среднее состояніе, а смыкается въ одно сословіе, раздѣленное, конечно, на многія подслойки въ дѣйствительной жизни, но законно равноправное. Если на Западѣ прочность государственнаго и общественнаго устоя зависитъ вполнѣ отъ крѣпкой связи культурнаго слоя, какъ несомнѣнно доказываетъ новая исторія, то это непремѣнное условіе существуетъ еще въ большей мѣрѣ для насъ; мы не можемъ считать себя исключеніемъ изъ рода человѣческаго. Въ Европѣ сознательные классы, воспитанные связно цѣлыми вѣками, не устояли, какъ только чуть немного раздвинулись между собою; какой же устой представляетъ, въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, русскій сознательный слой, воспитанный, даже можно сказать рожденный въ безсвязности, лишенный всякихъ преданій совокупной общественной дѣятельности? Тамъ сгубилъ дѣло одинъ промежутокъ между двумя сословіями—у насъ же такіе промежутки лежатъ между каждыми двумя людьми. Уже теперь, безъ тѣни еще какого либо политическаго вопроса, въ нашей сборной жизни оказывается полнѣйшій разбродъ. Безсвязность и обезличеніе, таившіяся, какъ скрытый недугъ, въ русскомъ обществѣ, замороженномъ воспитательнымъ періодомъ, должны были необходимо выйти наружу при первомъ внесенномъ лучѣ; но они не сказались бы въ такой наготѣ, имѣли бы время отстояться, если бы общественныя группы не были въ то же время вдругъ сдви-

нуты съ привычнаго мѣста. При этомъ же передвиженіи нашъ нравственный разбродъ выразился съ учетверенною яркостью—неопредѣленностью всѣхъ личныхъ положеній, отсутствіемъ обмысленныхъ и, главное, распространенныхъ убѣжденій, оторванностью мысли отъ дѣла въ единицахъ, равнодушіемъ разрозненнаго общества къ основнымъ вопросамъ, безпримѣрною шаткостью пониманія и примѣненія закона общественными дѣятелями, отсутствіемъ власти и руководства внѣ большихъ городовъ, теоретичностью и безжизненностью печати въ практическихъ дѣлахъ, бездѣйствіемъ земскихъ силъ, даже безсиліемъ акціонеровъ какой бы то ни было компаніи защитить свои личные интересы отъ произвола нѣсколькихъ беззастѣнчивыхъ людей, выбирающихъ самихъ себя въ директора. Гдѣ только намъ приходится жить, дѣйствовать или говорить сообща, тамъ мы, покуда, безсильны и безпомощны. Ни сверху, ни снизу нельзя считать такое общественное состояніе безопаснымъ и успокоится на немъ.

Мы очутились въ этомъ положеніи внезапно. До 19 февраля 1861 года русскій сознательный слой жилъ только государственною, а не общественною жизнью и гордился быстрыми умственными успѣхами, не замѣчая своего нравственнаго оскудѣнія; онъ глядѣлъ въ будущее довольно довѣрчиво, полагаясь на давнюю, механическую, но тѣмъ не менѣе обратившуюся уже въ привычку сословную связность—и въ извѣстной мѣрѣ былъ правъ. Еслибъ эта связность, хотя только наружная, уцѣлѣла при новыхъ условіяхъ жизни, послѣ освобожденія народа, при той степени личнаго образованія, до которой доросло русское дворянство, то совокупная дѣятельность срастила бы его нравственно довольно скоро; общественная среда и обязанности положенія удержали бы увлекающіяся личности правой и лѣвой оконечности, не дали бы однимъ эмансипироваться, по русскому обычаю,

до чортиковъ, другимъ—разбрестись въ стороны, напоминая въ миніатюрѣ французскую эмиграцію 1790 года. Русскій культурный слой проникался бы постепенно единствомъ, устанавливая понемногу общественное мнѣніе, и въ то же время повелъ бы земское дѣло въ одномъ направленіи, а не въ сотняхъ разбѣгающихся направленій. Во всякомъ случаѣ, дѣло не дошло бы до нынѣшняго разлада въ томъ и другомъ отношеніи.

Случилось иначе. Осмѣливаемся высказать мнѣніе, что великодушныя преобразованія, обновившія Россію вслѣдъ за освобожденіемъ крѣпостныхъ, были въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ слишкомъ теоретичны, а потому не вполнѣ совпадали съ естественнымъ теченіемъ русской исторіи. Но если, по неизбѣжному несовершенству человѣческихъ дѣлъ, въ нихъ вкрались ошибки, то даже ошибки эти служатъ къ славѣ нашего правительства. Высшая степень доброжелательства и искренности правительства состоитъ въ томъ именно, чтобы дѣйствовать согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Мы же всѣ помнимъ, каково было русское мнѣніе конца пятидесятыхъ годовъ. Тогда высказывались только отдѣльныя личности, несовсѣмъ довольныя принятымъ направленіемъ. Сборный голосъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ славянофиловъ до нигилистовъ, на сколько онъ выражался и въ печати, и на улицѣ, желалъ всесословности,—именно такой формы всесословности, которая на дѣлѣ равнялась бы полной безсословности. Русское общество, воспитанное на чужеземныхъ теоріяхъ нынѣшней бурливой эпохи, не вкусивъ еще никогда плодовъ неразборчиваго поклоненія имъ, наскучившее однообразіемъ прежняго быта, разочарованное временно крымскою войною, рвалось къ самымъ широкимъ и туманнымъ идеаламъ въ либеральномъ смыслѣ. Опытъ совершился. Выработанный исторіей русскій культурный слой былъ во многихъ отношеніяхъ пожертвованъ отвлеченнымъ идеямъ всесословности, то-есть низшимъ сословнымъ груп-

намъ, представляемымъ на западный образецъ, никогда не существовавшимъ на русской почвѣ. Никому отъ этого не стало лучше, кромѣ нѣсколькихъ журнальныхъ сотрудниковъ, предъ которыми раскрылись широкія темы либеральнаго витійства; но русскому дѣлу, нашему ходу впередъ, стало положительно хуже.

Народу въ періодѣ роста, какъ мы, такой опытъ, если онъ не затягивается на неопредѣленное время, не вреденъ—совсѣмъ напротивъ. Онъ отрезвилъ многихъ. Безъ него тысячи русскихъ людей продолжали бы и въ будущемъ увлекаться несбывшеюся мечтою, вѣрить во французскія теоріи безсословности, не смотря даже на очевидную убѣдительность французскаго примѣра. Давно извѣстно, что чужой опытъ не впрокъ. Хотя давнишнее подражаніе недовело еще насъ, и не доведетъ, надо надѣяться, до серьёзныхъ послѣдствій, но легкій отблескъ ихъ сталъ мелькать уже въ глаза достаточно многимъ людямъ, чтобы отучить ихъ отъ охоты замѣнять дѣло словами.

Въ послѣднее время у насъ стало почти общепринятымъ считать и называть русскій личный и общественный складъ демократическимъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это совершенно вѣрно. Достаточно оглянуться на русскую исторію для убѣжденія въ томъ, что мы—народъ не аристократическій, безъ развитаго индивидуализма, такъ какъ у насъ никогда не появлялось самостоятельной, неслужилой аристократіи. Самая форма русской верховной власти, предъ лицомъ которой уравниваются всѣ подданные, есть форма земской монархіи. Но этотъ взглядъ нисколько не противорѣчитъ существованію дворянства, созданнаго воспитательнымъ періодомъ въ видѣ организованнаго, то-есть связаннаго съ престоломъ и между собою, но открытаго снизу культурнаго слоя; слой этотъ есть именно неизвѣстное Европѣ организованное высшее сословіе демократическаго народа. Мы употребляемъ слово

демократическій никакъ не во французскомъ смыслѣ; правильнѣе было сказать—народа цѣльнаго, не разорваннаго кастовою сословностію. Это учрежденіе было бы невозможнымъ при родовомъ, современномъ государству, появившемся вмѣстѣ съ нимъ дворянствѣ въ западномъ смыслѣ.

Русское дворянство—единственное высшее сословіе въ Европѣ, не происходящее изъ права завоеванія, не отличающееся отъ народа своею кровью и особымъ племеннымъ духомъ. Все французское дворянство поголовно (кромѣ судебнаго, жалованнаго королями) и почти все нѣмецкое—ведутъ свой родъ отъ племени франковъ, покорившихъ ту и другую страну; англійское отъ норманновъ; испанское отъ вестготовъ; итальянское отъ смѣси франковъ, лонгобардовъ и остготовъ; польская шляхта происходитъ также отъ завоевателей, по всей вѣроятности, не норманновъ, какъ старался доказать Жайноха, а отъ остатковъ аварской орды, потоптавшей привислянскихъ славянъ *). Всѣ европейскія дворянства, потомки древнихъ *насильцевъ* народа (какъ говоритъ Несторъ), сплачивались безъ исключенія въ замкнутую касту, ставили и ставятъ до сихъ поръ между собой и покоренными, каково бы ни было развитіе и даже богатство послѣднихъ, непереходимую грань бѣлой и черной кости,—ту же грань, какая существуетъ у насъ между остзейскими помѣщиками и ихъ чухонцами. Дворянство на Западѣ никогда не мѣшалось съ народомъ, такъ что французская революція была, буквально, возстаніемъ галловъ противъ нѣмецкихъ завоевателей, владѣвшихъ ими почти полторы тысячи лѣтъ и лежавшихъ надъ ними какъ слой масла на водѣ, не сливаясь. Теченіе вѣковъ уменьшало постепенно привилегіи западныхъ дворянствъ, но до сего дня нисколько не

---

*) Еще Сенковскій замѣтилъ, что польскій дворянскій гербъ не имѣетъ ничего общаго съ европейскимъ, что онъ есть чистѣйшая тамга азіятскихъ кочевниковъ.

ослабило непереходимости кастовой грани. Умный, либеральный и буржуазный журналъ нынѣшней революціонной Франціи «Révue des deux mondes» отзывался иронически о пожалованіи Персиньи герцогомъ, на томъ основаніи, какъ онъ говорилъ, что дворяниномъ можетъ быть только тотъ, кто *всегда* имъ былъ, т. е., говоря другими словами, тотъ лишь, кто происходитъ отъ насильцевъ французскаго народа—германскихъ сикамбровъ Хлодвига. Вотъ понятія Запада о дворянствѣ, такъ толково перенесенныя, съ любовью или непріязнью, многими учениками воспитательнаго періода на наше народное культурное сословіе.

Всякій знаетъ, что въ Россіи никогда не существовало особой, племенной дворянской крови, которую считается грѣхомъ смѣшивать съ кровію поганца, хотя бы признаннаго великимъ человѣкомъ; на нашемъ языкѣ нѣтъ даже слова для перевода mésalliance. Старинное русское дворянство, хотя замкнутое въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, вышло почти поголовно изъ народа и никогда не рознилось съ нимъ какимъ либо рѣзко-исключительнымъ сословнымъ духомъ. Нечего говорить о петровскомъ культурномъ слоѣ, набранномъ преимущественно производствомъ сдаточныхъ въ первый офицерскій чинъ, подьячихъ и семинаристовъ въ коллежскіе ассесоры. Наше дворянство, и старое, и новое, было всегда нераздѣльною частью русскаго народа, отобранною для государственной службы. Оттого наша исторія не являетъ ни одного примѣра розни между сословіями. Возстаніе закрѣпощеннаго народа, подъ предводительствомъ казацкой вольницы, было протестомъ противъ закрѣпощенія, а не сословною рознью. Извѣстно, что крѣпостное право, искажавшее два съ половиною вѣка отношенія между высшимъ общественнымъ слоемъ и народомъ, было вначалѣ навязано нашимъ вотчинникамъ и помѣщикамъ насильно, противъ желанія огромнаго большинства ихъ, какъ полицейская мѣра; характеръ же личной подневоли былъ ему приданъ лишь

въ царствованіе Петра Великаго, также безъ спросу, для установленія правильной поставки рекрутъ. Наша исторія долго не допускала естественныхъ отношеній между сословіями, не изъ политическихъ, а изъ чисто-административныхъ видовъ, для того чтобы достаточно вооружить государство противъ внѣшняго врага. Этою чертою она также отличается отъ всѣхъ прочихъ. Но даже въ крѣпостныя времена русское дворянство не прониклось духомъ сословнаго эгоизма, отстаивающаго, прежде всего, и болѣе всего, свои собственные интересы, въ ущербъ массамъ—что совсѣмъ не понятно для западнаго европейца. Въ послѣднее время Россія видѣла рядъ фактовъ, совершенно невозможныхъ на западѣ: мировые посредники, выработавшіе практически освобожденіе крѣпостныхъ, были поголовно помѣщики; въ пору перваго увлеченія дворянство нѣкоторыхъ губерній само просило о снятіи съ него привилегіи; оно же невынужденно первое подало голосъ о всесословномъ уравненіи податей и т. д. Такія явленія несбыточны въ Европѣ не потому, чтобы тамошнія высшія сословія были черствѣе сердцемъ, а потому, что эти сословія составляютъ какъ-бы особое племя, государство въ государствѣ, живущее своими особыми преданіями и поголовно воспитаны въ такомъ духѣ. Наше же дворянство—не отрѣзанный ломоть, даже въ извѣстномъ смыслѣ не группа, рѣзко отгороженная исторіей, а высшій слой русскаго народа. Оттого всѣ токи нашихъ всесословныхъ мнѣній, чувствъ и увлеченій проходятъ безпрепятственно сверху внизъ и снизу вверхъ, не останавливаясь ни на какой перегородкѣ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ русскій народъ не чувствуетъ потребности въ трибунахъ и болѣе вѣритъ въ правду мѣстныхъ помѣщиковъ, чѣмъ въ правду людей изъ собственной среды или чиновниковъ.

Современное русское дворянство, въ своемъ духѣ и въ своей общественной задачѣ, составляетъ полнѣйшую противополож-

ность прусскому юнкерству и похоже скорѣе на бывшую французскую цензовую буржуазію, съ тою коренною разницею, что послѣдняя была учрежденіемъ чисто-искусственнымъ, безъ внутренняго единства, а потому несостоятельнымъ, не выдерживавшимъ потрясеній; наше же дворянство есть учрежденіе органическое, то-есть связное и наслѣдственное. Оно должно оставаться такимъ еще надолго, образуя сердцевину и устой вырастающаго постепенно изъ народа русскаго сознательнаго общества, способнаго пользоваться политическими правами — потомственно или лично.

Послѣ всего сказаннаго и, еще болѣе, послѣ всего извѣстнаго каждому образованному человѣку, нечего, кажется, говорить много о необходимости связи нашего политическаго культурнаго сословія съ верховной властью и между собою. Примѣръ Франціи теперь едва ли уже соблазнитъ кого либо, достигшаго 21 года. Въ нашемъ же русскомъ быту, еще не вызрѣвшемъ и не устоявшемся, французская безсвязность, то-есть безсословность, дѣйствовала бы еще во сто разъ губительнѣе. Но никакая связность не мыслима безъ твердой сердцевины, и никакая сердцевина не мыслима у насъ покуда безъ наслѣдственности, проникающей массу людей извѣстнымъ единствомъ воспитанія и направленія, переносящей ихъ съ произвольной почвы личныхъ взглядовъ на почву историческую, связывающей ихъ правами и отвѣтственностью сословія. Политическій слой англійскихъ государственныхъ избирателей стоитъ крѣпко потому, что смыкался постепенно и до сихъ поръ сомкнутъ около прочнаго ядра; французская цензовая буржуазія, не имѣвшая центра, разсыпалась предъ горстью уличныхъ возмутителей. Намъ, русскимъ, давно отвыкшимъ отъ совокупной общественной жизни, невозможно завязать ее вновь иначе, какъ въ средѣ образованныхъ и уважающихъ себя людей, вызванныхъ

изъ народной толпы воспитательнымъ періодомъ, твердо сомкнутыхъ въ сословіе.

Кромѣ того, наслѣдственность въ высшемъ слоѣ нужна намъ еще въ другомъ отношеніи—для упроченія и развитія самостоятельнаго русскаго образованія. Въ Европѣ извѣстная доля просвѣщенія разлита во всѣхъ слояхъ общества и только сгущается къ верху; тамъ оно — дѣло тысячелѣтнее, унаслѣдованное еще отъ древняго міра, на почвѣ котораго основались европейскія государства. У насъ, какъ заимствованное, оно сосредоточивается исключительно въ слоѣ людей, принявшихъ европейскія формы; за исключеніемъ подростковъ изъ духовнаго званія, въ Россіи получаетъ порядочное образованіе только тотъ, для кого оно обязательно по рожденію. Распространеніе образованности идетъ у насъ параллельно утолщенію сомкнутаго культурнаго слоя, удерживающаго въ своей среди всякаго, кто разъ въ него вступилъ. Безъ этого условія наука не пустила бы въ Россіи корней, какъ она не пускала ихъ въ Турціи, гдѣ одно поколѣніе ничего не передавало другому по той причинѣ, что сынъ или внукъ визиря, вышедшаго изъ посыльщиковъ, самъ въ свою очередь обращался въ посыльщика. Теперь этотъ порядокъ начинаетъ понемногу измѣняться даже въ Турціи: образованные турки даютъ воспитаніе своимъ дѣтямъ набираемымъ потомъ преимущественно въ государственную службу; но это значитъ только то, что въ царствѣ султана, вопреки мусульманскимъ порядкамъ, завязывается новое потомственное дворянство на подобіе петровскаго. Въ дѣйствительности, кромѣ рѣдкихъ исключеній вродѣ Ломоносова или Сперанскаго, просвѣщеннымъ человѣкомъ становится только образованный потомокъ нѣсколькихъ образованныхъ поколѣній; онъ получаетъ въ своей семьѣ и своемъ обществѣ массу знаній и исторически вызрѣвшихъ взглядовъ, которыхъ не можетъ дать никакой университетъ. Самостоятельное и сознательное русское просвѣщеніе созрѣетъ только въ потом-

ственно-просвѣщенномъ русскомъ сословіи. На почвѣ Западной Европы, гдѣ дворянство есть каста — наука вырабатывается теперь болѣе среднимъ, чѣмъ высшимъ классомъ; но въ Россіи ей нѣтъ мѣста внѣ узаконеннаго культурнаго слоя, въ которомъ сливаются оба сословія вмѣстѣ.

Потомственный общественный слой значитъ слой привилегированный. Съ какого конца ни смотрѣть на вопросъ — такой привилегированный слой необходимъ для будущности Россіи, — съ одной стороны, чтобы не стать похожею на Францію, съ другой — чтобы не стать похожею на Персію. Надобно только, чтобы онъ былъ привилегированъ правильно, сообразно современнымъ потребностямъ, а не отжившимъ видамъ петровской эпохи; чтобы ему было отведено подобающее мѣсто въ государственномъ устройствѣ; чтобы онъ служилъ ядромъ русской политической и общественной жизни, не захватывая ее въ свою исключительную собственность; чтобы доступъ въ него снизу былъ не затрудненъ и открывался не только лицамъ, повышающимся въ государственной службѣ, какъ прежде, но и другимъ культурнымъ званіямъ, постепенно размножающимся съ развитіемъ общества; чтобы ряды его раздвигались для извѣстныхъ размѣровъ и видовъ богатства (обладающихъ самостоятельною силою независимо отъ всякаго закона) и для умственныхъ заслугъ; чтобы достойные люди изъ культурной подпочвы, которая будетъ постоянно выростать между народомъ и дворянствомъ, недостигнувшіе еще потомственной привилегіи могли *лично* группироваться около него; чтобы по возможности было обезпечено хорошее воспитаніе молодымъ поколѣніямъ этого высшаго народнаго слоя. Затѣмъ нужно еще, чтобы русское дворянство, въ должной мѣрѣ, на сколько это необходимо государству и обществу, стало, какъ прежде, сословіемъ обязательно служилымъ, а не вольницей: права безъ обязанностей не ведутъ ни къ чему, колютъ всѣмъ глаза и производятъ только ра-

сплоченность, вмѣсто того, чтобы нравственно скрѣплять людей. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ руководиться никакимъ чужимъ примѣромъ, такъ какъ самое учрежденіе нынѣшняго русскаго дворянства, какъ привилегированнаго культурнаго слоя, есть дѣло новое въ исторіи, самородное произведеніе русской почвы, и должно развиваться изъ своихъ собственныхъ началъ; главное же изъ этихъ началъ, какъ мы знаемъ, есть начало государственной служилости.

Надобно разсмотрѣть отдѣльно каждое изъ вышеприведенныхъ условій, что мы и постараемся сдѣлать въ слѣдующей главѣ. Но уже теперь мы считаемъ вопросъ о русскомъ дворянствѣ, какъ поставила его исторія, достаточно уясненнымъ, чтобы опредѣлить существенныя отношенія этого учрежденія къ общему государственному строю.

Дворянскія привилегіи никогда не могутъ обратиться у насъ въ монополію, стѣснительную для массы народа, — во-первыхъ, потому, что наше дворянство—не кровная и замкнутая каста, а тотъ же русскій народъ—верхній слой народа, воспитанный исторически и постоянно освѣжаемый притоками снизу, мыслящій и чувствующій, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, заодно со всѣмъ населеніемъ; во-вторыхъ, потому, что верховная русская власть, непоколебимая и въ полномъ значеніи *всесословная*, созданная исторіей, или, лучше сказать, создавшая нашу исторію на основаніи общенародныхъ цѣлей, никогда недопустить какое либо отдѣльное государственное учрежденіе обратиться въ независимую силу, подчиняющую общія пользы своимъ личнымъ видамъ. Съ другой же стороны, наше правительство, твердо увѣренное въ дворянствѣ и народѣ, но не въ шаткой культурной подпочвѣ, отставшей отъ одного края и не приставшей еще къ другому, — подпочвѣ, заявившей о себѣ въ послѣдніе годы довольно дурно (какъ и должно было случиться при расшатанности общественнаго строя)—

можетъ отнестись вполнѣ искренно, безъ малѣйшаго опасенія за злоупотребленіе довѣрія, только къ историческому потомственному слою, твердо съ нимъ связанному, да еще, конечно, къ купечеству. Для развитія нашего земства въ мѣстномъ и государственномъ смыслѣ, для освобожденія его отъ неусыпнаго административнаго надзора, нужно, прежде всего, чтобы оно находилось въ вѣрныхъ рукахъ. Тогда только правительство найдетъ возможность не ставить хорошихъ чиновниковъ между имъ и собою. Въ этомъ отношеніи также, независимо отъ прочихъ потребностей, всякому образованному русскому должно быть желательно, чтобы нашъ культурный слой занялъ подобающее ему мѣсто.

Современная монархія, правамъ которой неизвѣстно преобладаніе чисто-аристократическихъ началъ, можетъ обезпечить себя только подобнымъ учрежденіемъ — наслѣдственнымъ и сомкнутымъ образованнымъ общественнымъ слоемъ, доступнымъ снизу притоку созрѣвающихъ силъ. Никакія искусственныя учрежденія не равняются въ прочности съ этимъ, потому что народъ не можетъ имѣть побужденій возставать противъ своей же собственной организованной нравственной и умственной силы, не замкнутой снизу, слѣдовательно всегда вѣрно выражающей современное состояніе массы; честолюбивымъ людямъ низшихъ слоевъ гораздо выгоднѣе вступить въ привилегированный классъ, чѣмъ бороться противъ привилегіи. Съ другой стороны, такой высшій слой, устроенный сословно, связывается тѣснѣйшими узами съ верховною властью, составляетъ не только ея опору, но продолженіе ея самой, образуетъ ея тѣло и члены. Можно думать что русское петровское дворянство составляетъ позднѣйшее и полнѣйшее выраженіе искомой формы современной не-феодальной монархіи,—явленіе, способное удовлетворить въ одинаковой степени потребностямъ государственнаго порядка и народнаго развитія.

ГЛАВА IV.

Взгляды людей такъ случайны и разнообразны, что добиваться общаго, безусловнаго согласія на какую нибудь истину было бы пустою затѣею. Самая простая истина—та, что земля кругла и въ полюсахъ сжата—встрѣтила бы рѣшительный отпоръ со стороны нѣсколькихъ милліоновъ старообрядцевъ, составляющихъ едва ли не самую развитую часть русскаго простонародья, полагающихъ, что земля есть плоскій кругъ, въ серединѣ котораго стоитъ Іерусалимъ; многіе изъ нашихъ развитыхъ людей выставили бы, въ другомъ порядкѣ мыслей, положенія еще своеобразнѣе центральности Іерусалима. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что, еслибъ можно было допытаться настоящаго русскаго мнѣнія въ текущее время,—мнѣнія не газетнаго, не чиновничьяго, не университетскаго, а мнѣнія русскихъ людей культурнаго слоя, живущихъ въ нѣкоторой связи съ почвою,—о томъ, что всего нужнѣе Россіи, большинство отвѣчало бы не колебаясь, хотя, разумѣется, каждый своими словами: сосредоточеніе. У насъ накопилось достаточно развитыхъ умственныхъ силъ, чтобы сложить ихъ въ политическое сословіе; но ихъ вовсе не достаточно для того, чтобы заквасить ими русскую всесословность на американскій образецъ, какъ имѣлось, кажется, въ виду въ началѣ реформъ. Растворяя свой культурный капиталъ, нажитый съ такимъ трудомъ, въ восьмидесятимилліонной массѣ, мы уподобились хозяину, вливающему бочку вина въ прудъ, въ надеждѣ улучшить вкусъ воды: при этомъ и вино пропало, и вода осталась по прежнему водою. Но

вышло еще то, что въ этомъ растворѣ завелись зловреднѣйшіе гады, которыхъ прежде не было, проповѣдники всякихъ нелѣпицъ, люди, ставящіе себѣ задачею не развивать, а мутить обще-народный строй, оставшійся безъ присмотра и мѣстныхъ руководителей, что явствуетъ изъ политическихъ процессовъ ставшихъ повторяться почти ежегодно. Какъ всегда бываетъ при внезапномъ смѣшеніи общественныхъ положеній, одни, сверху, или бросили все, или же стали популярничать въ самомъ фальшивомъ тонѣ; другіе, снизу, нашли возможность пріобрѣтать на опустѣлой почвѣ вліяніе, для котораго они еще вовсе не готовы, и пользоваться имъ для цѣлей, иногда очень вредныхъ. Наша всесословность не сложилась и никогда не сложится такимъ путемъ; но образованное общество разсыпалось.

Легенда о пучкѣ стрѣлъ скифскаго царя можетъ служить девизомъ къ нашему современному вопросу. Сосредоточить образованное общество въ связное сословіе, сомкнуть его вокругъ твердаго ядра — вотъ русская задача текущаго времени, безъ осуществленія которой намъ нечего разсчитывать на будущее.

Ядро это, очевидно — дворянство, ничего другого у насъ нѣтъ. Кругъ его дѣятельности, мѣсто его въ общегосударственномъ и народномъ строѣ очерчивается ясно, конечно не въ подробностяхъ и не въ прямомъ приложеніи къ практикѣ, что требуетъ предварительнаго и серьезнаго обсужденія вопросовъ между властью и самими земскими людьми. Мы считаемъ возможнымъ обсуждать печатно лишь то, чего должно желать, а не пріемовъ, посредствомъ которыхъ можно осуществить желаемое помимо людей, прямо стоящихъ у дѣла: иначе мы провинились бы передъ читателями тѣми же именно словопреніями, которыми больна наша нынѣшняя печать, или, правильнѣе сказать, нашъ нынѣшній общественный строй, отражаемый печатью. Сущность же самой задачи мы считаемъ неподлежащею сомнѣнію.

По нашему понятію, русское дворянство не можетъ быть признано, въ виду близкаго будущаго, *всею* умственною силою Россіи, способною пользоваться политическими правами; но оно несомнѣнно должно стать законнымъ средоточіемъ и устоемъ *всей* этой силы. Другими словами: внѣ дворянства у насъ существуютъ, въ настоящую пору, люди, отчасти сгруппированные между собою, отчасти разбросанные, способные къ политической жизни и обладающіе вліяніемъ въ своей средѣ, безъ которыхъ земскій строй не будетъ вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности, опять уклонится отъ всероссійской правды; но эти группы и эти несвязныя личности далеко еще не довольно самостоятельны, чтобы представлять что нибудь отъ своего лица и званія; имъ можетъ быть предоставлено лишь право *лично* пользоваться земскими правами дворянства, вступать въ кругъ его земской дѣятельности, при опредѣленныхъ условіяхъ, пока они имъ удовлетворяютъ. Всѣ эти группы и лица выражаютъ собой не русскій созрѣвшій историческій слой, образующій наслѣдственную силу государства, а только свою особу или свое случайное, часто преходящее экономическое положеніе; потому и участіе ихъ въ общественномъ (конечно не сельскомъ) самоуправленіи можетъ быть только личное, истекающее или изъ высокаго ценса, или изъ довѣрія къ нимъ мѣстнаго дворянства, открывающаго имъ доступъ въ свои ряды. Затѣмъ, у насъ существуютъ еще особыя мѣстности, въ которыхъ преобладающее вліяніе принадлежитъ по закону и здравому смыслу, не дворянству, а владѣльцамъ капиталовъ, домовъ и лавокъ,—города. Очевидно, что эти мѣстности съ своими дѣятелями должны имѣть въ земскихъ дѣлахъ голосъ по праву, независимо отъ чьего либо усмотрѣнія. Можно думать, что всѣ значительные города было бы гораздо удобнѣе отдѣлить отъ уѣзда въ особую земскую единицу.

Единственная группа людей внѣ дворянства, обладающая у

насъ самостоятельнымъ значенiемъ, а потому имѣющая несомнѣнное право голоса въ общихъ дѣлахъ, это—купечество. Изо всѣхъ общественныхъ группъ, наше купечество—самая связная, наиболѣе способная отстаивать свои сборныя выгоды, какъ она постоянно доказывала. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя назвать русское купечество сословiемъ въ западномъ смыслѣ: до сихъ поръ оно не могло сложиться въ крѣпкое сословiе, такъ какъ наши купцы, невольно покоряясь историческому складу русскаго общества, или постепенно переходили въ дворянство, или же разорялись и вновь утонали въ народѣ. Если же изъ купцовъ не выработалось сословiя до сихъ поръ, то уже не выработается никогда; теперь въ немъ нѣтъ больше надобности. Въ кастовомъ западномъ дворянствѣ нужны были законы Людовика XIV, оказавшiеся вдобавокъ безсильными по противорѣчiю правамъ, о дозволенiи дворянину заниматься торговлею, не роняя своего достоинства. Въ нашемъ народномъ дворянствѣ это понимается само собою. Ничто не мѣшаетъ богатому русскому купцу и его потомкамъ увѣковѣчить свою фирму, ставъ дворянами. Напротивъ, такимъ образомъ только и сложится въ Россiи дѣйствительно сильное купечество. Англiйское и голландское потомственное купечество большихъ домовъ давно считается частью мѣстной аристократiи. То же было въ Италiи, гдѣ, напримѣръ, знаменитый банкирскiй домъ Торлонiя носилъ герцогскiй титулъ не переставая держать банкъ. Въ Европѣ торговая аристократiя существуетъ безъ привилегiи, въ силу своего наслѣдственнаго богатства; но у насъ укоренились другiя условiя: русскiй привилегированный слой, составляющiй учрежденiе чисто-общественное, долженъ открываться всякой общественной силѣ, упрочивающей себя наслѣдственно. Потому въ Россiи слѣдовало бы облегчить по возможности переходъ въ дворянство крупнымъ купцамъ, остающимся купцами. По нашему мнѣнiю, было бы совершенно согласнымъ съ современными по-

требностями предоставить имъ право просить о возведеніи въ дворянство дѣтей, обезпеченныхъ значительною недвижимою собственностью; почетныхъ же гражданъ владѣющихъ капиталомъ опредѣленной величины, сравнять съ дворянами во всѣхъ правахъ. Такимъ образомъ, богатое купечество наслѣдственное перейдетъ всецѣло въ привилегированный слой общества, какъ и слѣдуетъ по духу этого учрежденія; внѣ русскаго высшаго класса останется только мелкое купечество, и теперь ни чѣмъ не отличающееся отъ народа, да люди, лично нажившіе себѣ состояніе. Потому о нынѣшнемъ русскомъ купечествѣ слѣдуетъ говорить какъ объ лицахъ, а не какъ о сословіи. Лица эти, какъ члены общественнаго самоуправленія, властвуютъ и должны властвовать въ торговыхъ городахъ, по естественному закону; тамъ ихъ главная сила, оттуда они могутъ заявлять въ земскія собранія о своихъ сборныхъ нуждахъ и цѣляхъ. Купцы, разсѣянные въ уѣздахъ, не многочисленны, по образованію стоятъ въ итогѣ гораздо ниже дворянъ и пользуются значеніемъ только при большомъ состояніи; такое состояніе—напримѣръ, цѣнная фабрика—должно, конечно, давать имъ личный доступъ въ земское дворянское самоуправленіе. Вобще же голый капиталъ, какъ сила чисто-вещественная, долженъ и цѣниться въ общественномъ смыслѣ только съ вещественной стороны, сообразно своей величинѣ. Въ этомъ отношеніи, для распредѣленія нашихъ купцовъ на общественные разряды нужно прежде всего опредѣлить величину ихъ капиталовъ подоходнымъ налогамъ. Запись въ гильдіи, какъ всякому извѣстно, ничего не выражаетъ. Никто не сомнѣвается въ наилучшемъ русскомъ духѣ нашего купечества, въ его практичности, въ его близкомъ знакомствѣ съ народомъ; но потомственныхъ купцовъ у насъ еще мало, и въ будущемъ имъ гораздо выгоднѣе перейти въ высшее сословіе, оставаясь купцами, чѣмъ завязывать новое; уровень образованія остальныхъ очень не великъ, а потому нѣтъ воз-

можности признавать за ними общественное значеніе иначе, какъ по дѣйствительной силѣ—по богатству, то есть по цензу, во много кратъ высшему дворянскаго.

Изъ остальныхъ общественныхъ званій только люди умственнаго труда, каковы ученые, писатели и т. п., рожденные внѣ дворянства, могутъ, смотря по степени своихъ заслугъ, пользоваться правомъ и способностью участвовать въ общественномъ самоуправленіи. Число такихъ лицъ будетъ у насъ постепенно возрастать съ развитіемъ общества. Хотя русское дворянство, по самому своему учрежденію, раздвигаетъ ряды для силъ, подростающихъ снизу, но доступъ въ него долженъ все-таки подлежать серьезнымъ условіямъ: иначе оно скоро перестанетъ быть дворянствомъ даже въ русскомъ смыслѣ. Внѣ его и подъ нимъ, въ нашемъ растущемъ обществѣ, особенно со временемъ, окажется не мало образованныхъ и достойныхъ людей, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ отталкивать въ ряды недовольныхъ, лишаясь вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ услугъ. Съ другой стороны, статистика доказываетъ, что сословія, наслѣдственно-пользующіяся благосостояніемъ, размножаются туго и чрезъ нѣкоторый срокъ, безъ подновленія, даже сокращаются въ числѣ *). Въ обоихъ направленіяхъ разростаясь и подновляясь, наше привилегированное культурное сословіе будетъ послѣдовательно пополняться притоками культурной подпочвы, выростающей понемногу изъ народа и служащей высшему классу какъ-бы питомникомъ. Нельзя, стало быть, не обратить вниманія на эту подпочву: незначительная покуда

*) Существуетъ, напримѣръ, замѣчательный фактъ: англичане, первоначально населившіе Сѣверную Америку, славившіеся прежде плодовитостью, нынѣ, упрочивъ свое благосостояніе, стали производить мало потомковъ, между тѣмъ какъ голодные нѣмцы, льющіеся теперь цѣлымъ потокомъ на благодатную американскую почву, плодятся въ такой степени, что эта несоразмѣрность въ размноженія двухъ породъ заставляетъ призадумываться многихъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

она разростется со временем. Надобно согласить серьезность условій, полагаемыхъ для вступленія въ потомственное дворянство, съ потребностью открыть должный просторъ созрѣвшимъ личностямъ изъ низшихъ слоевъ, не достигнувшимъ еще этого званія, что зависитъ чаще отъ удачи, чѣмъ отъ личныхъ качествъ. По духу своего учрежденія, русское дворянство должно быть открыто образованнымъ родамъ, преемственно образованнымъ поколѣніямъ, а не каждому образованному человѣку лично: для такого не отворяются даже двери цензовой европейской буржуазіи, если онъ не удовлетворяетъ прочимъ условіямъ. Но для людей средняго состоянія, заслужившихъ вниманіе, можетъ существовать, по нашему мнѣнію, другое право, жалуемое правительствомъ лицу не наслѣдственно, — право личнаго дворянства, не въ нынѣшнемъ его значеніи, а съ полнымъ приравненіемъ ко всѣмъ политическимъ и другимъ дворянскимъ правамъ пожизненно. Это милость можетъ быть дарума по представленію соотвѣтствующихъ начальствъ или земскихъ управленій, конечно, при опредѣленныхъ условіяхъ. Она станетъ, напримѣръ, достойнымъ увѣнчаніемъ хорошей службы при отставкѣ и введетъ въ земство многихъ опытныхъ и способныхъ дѣловыхъ людей, большинство которыхъ, несомнѣнно, находится у насъ въ администраціи; она же откроетъ доступъ въ политическое сословіе людямъ, пріобрѣвшимъ извѣстность внѣ службы. Ничто не мѣшаетъ постановить закономъ, что два или три поколѣнія такого личнаго дворянства даютъ званіе дворянства потомственнаго. При развивающемся у насъ уравненіи гражданскихъ (не-политическихъ) правъ, личное дворянство по закону, нынѣ дѣйствующему, можетъ быть вовсе отмѣнено.

Кромѣ того, было бы разумно и справедливо предоставить мѣстному дворянству каждаго уѣзда допускать въ свою среду, также лично, людей непривилегированнаго званія, которыхъ оно

признаетъ полезными общественными дѣятелями. Мы разсмотримъ этотъ вопросъ далѣе, покуда же упомянули объ немъ лишь для полноты. Также точно мы полагаемъ нужнымъ оговориться немедленно, предоставляя себѣ войти въ подробности предмета ниже, что мы считали бы безправіемъ (надѣемся вмѣстѣ съ громаднымъ большинствомъ читателей) произвольное обложеніе высшимъ сословіемъ низшаго — деньгами или работою для земскихъ потребностей — безъ согласія облагаемыхъ: въ этомъ послѣднемъ отношеніи всѣ равны. Съ вышеприведенными оговорками о купечествѣ, о личномъ дворянствѣ и о правѣ обложенія, мы считаемъ первою современною потребностью сосредоточеніе всего земскаго самоуправленія въ рукахъ дворянства, отрицая всякую мысль о всесословности въ современной Россіи, какъ вопіющую, сочиненную и опасную ложь противъ русской дѣйствительности.

Въ самодѣятельномъ обществѣ доступъ въ полноправное потомственное сословіе не можетъ, очевидно, ограничиваться тѣми же условіями, какія были постановлены для общества, вся дѣятельность котораго поглощалась государственною службою. Нашъ привилегированный слой тогда только оправдаетъ вполнѣ смыслъ своего учрежденія, когда будетъ выражать собою несомнѣнную общественную правду, когда онъ свяжетъ въ одно цѣлое, безъ изъятія, всѣ живыя, вліятельныя, упроченныя силы русской земли. Такой правды невозможно достигнуть въ отношеніи къ лицамъ, но она легко достижима въ отношеніи къ общественнымъ положеніямъ. Но прежде всего надобно установить правильно, согласно съ правами и понятіями настоящаго времени, ту ступень государственной службы, которая открываетъ лицу доступъ въ потомственное дворянство; это необходимо потому, что служебное право останется у насъ еще надолго общимъ мѣриломъ къ которому будетъ пригоняться оцѣнка всѣхъ прочихъ положеній; не совсѣмъ вѣрный взглядъ на значеніе служебныхъ степеней

поведетъ за собою неправильность и въ другихъ отношеніяхъ. Мы думаемъ, что такое опредѣленіе не должно быть произвольнымъ. Законъ Петра Великаго, предоставлявшій право дворянства всѣмъ сдаточнымъ произведеннымъ въ первый офицерскій чинъ, и всѣмъ подъячимъ, добившимся коллежскаго ассесора, соотвѣтствовалъ, можетъ быть (даже вѣроятно соотвѣтствовалъ), потребностямъ того времени, когда Россія усвояла одни внѣшніе пріемы цивилизаціи; теперь онъ, очевидно, не соотвѣтствовалъ бы общему дворянскому уровню. Законъ прошлаго царствованія, дѣйствующій понынѣ, соединившій дворянскія права съ чиномъ полковника и IV классомъ гражданской службы, очевидно, слишкомъ требователенъ. Въ концѣ воспитательнаго періода государственная мысль, на которой Петръ Великій основалъ учрежденіе новаго дворянства, стала уже утрачиваться, слишкомъ многіе начали смотрѣть на русское *благородное* сословіе западными глазами и думали принести ему пользу, туго замыкая его снизу. Въ теоріи не трудно опредѣлить точную черту, отграничивающую людей, доросшихъ на государственной службѣ до правъ наслѣдственности, отъ слоя общественныхъ подростковъ, еще не обозначившихся. Это—люди, ставшіе на такую ступень, которая обезпечиваетъ ихъ дѣтямъ и внукамъ общественное положеніе и вѣроятность высшаго образованія, кромѣ какихъ либо непредвидимыхъ случайностей,—люди, упрочившіе въ извѣстной мѣрѣ положеніе не только свое, но своего потомства. При нынѣшней потребности образованія, трудно думать, чтобы дѣти какого нибудь судьи, прокурора, совѣтника палаты, начальника отдѣленія впали опять въ слой разночинцевъ. Вслѣдствіе того, въ отношеніи къ гражданской службѣ можно сказать, что обезпеченіе положенія начинается у насъ съ переходомъ изъ чисто-канцелярской работы въ должность съ правомъ голоса, съ личнымъ значеніемъ въ своей средѣ. Военная служба совсѣмъ иное дѣло Это,—вопросъ такой

важности, что неправильная постановка его, при нынѣшнемъ положеніи Европы, можетъ разомъ обратить въ ничто—не только все совершенное въ наше время, но даже все совершенное Петромъ Великимъ и Алексѣемъ Михайловичемъ. Съ войною теперь шутить нельзя. Еще великій республиканецъ Вашингтонъ говорилъ, что армія, въ которой корпусъ офицеровъ состоитъ не изъ джентльменовъ, никуда не годится. Желательно, чтобы въ русской арміи было какъ можно меньше рѣчи о чинѣ, дарующемъ дворянскія права, чтобы наши офицеры въ этомъ чинѣ не нуждались. Мы посвятимъ особую главу отношенію дворянства къ арміи. Но какъ бываютъ личныя заслуги и какъ въ нашемъ обществѣ оказывается и теперь уже небольшое число довольно образованныхъ подростковъ не изъ дворянъ, которыхъ всесословная повинность поставитъ въ ряды арміи, то замѣтимъ по этому поводу, что въ дореволюціонномъ французскомъ войскѣ чинъ капитана давалъ дворянство; наше культурное сословіе не можетъ быть требовательнѣе кастоваго дворянства, происходящаго отъ татуированныхъ сикамбровъ.

Съ установкою точныхъ, соотвѣтствующихъ общественной дѣйствительности отношеній государственной службы къ правамъ потомственнаго дворянства, облегчится правильная оцѣнка положеній и въ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Не принимая на себя обсужденія размѣра условій, открывающихъ двери привилегированнаго сословія, мы полагаемъ, что самая очевидность указываетъ на два вида такихъ условій: на крупное недвижимое имущество и на видную общественную заслугу.

Облеченное политическимъ полноправіемъ культурное сословіе, оставляющее внѣ себя силу богатства, будетъ неправдою и никогда не упрочится. Но нельзя также упускать изъ виду, что привилегированный наслѣдственный слой представляетъ собою не итогъ лицъ, а итогъ родовъ, и что вступленіе въ него должно

быть обезпечено *по праву* только одному упроченному, а не случайному положенію: иначе каждый игрокъ, разбогатѣвшій во вторникъ и разорившійся въ четвергъ, становился бы дворяниномъ. Упроченнымъ же состояніемъ можетъ называться лишь состояніе наслѣдственное. Кромѣ того, имущество, облекающее своего владѣльца новыми правами, должно быть непремѣнно значительнымъ, хотя не огромнымъ, во всякомъ случаѣ выше средняго уровня дворянскихъ состояній. Между правами родовыми и благопріобрѣтенными лежитъ огромная разница, — разница культурнаго развитія нѣсколькихъ преемственныхъ поколѣній, предполагаемаго первыми, и случайности, доставляющей иногда богатство мало развитому человѣку; ихъ нельзя мѣрить однимъ аршиномъ. Потому намъ кажется справедливымъ, чтобы значительное недвижимое имущество открывало доступъ въ потомственное дворянство—не лицу, пріобрѣвшему это имущество, а его прямому наслѣднику; въ такомъ случаѣ будетъ гораздо болѣе обезпечено соотвѣтствующее воспитаніе новаго дворянина. Конечно, возвышеніе въ дворянство, исходящее отъ верховной власти, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть правомъ какого бы то ни было богатства; но мы думаемъ, что наслѣдственное богатство должно давать у насъ право просить о причисленіи къ привилегированному сословію.

Награда дворянскимъ званіемъ внѣ государственной службы, за очевидныя заслуги передъ обществомъ, можетъ быть только милостью верховной власти. Смѣемъ думать, однакожъ, что тамъ гдѣ одно только привилегированное сословіе облечено политическими правами, такой наградѣ прилично являться не въ видѣ случайнаго и рѣдкаго исключенія, каково было пожалованіе Минина думнымъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ. Въ развитомъ обществѣ всегда найдется нѣкоторое число лицъ, не добившихся, даже не искавшихъ оффиціальныхъ почестей и богатства, но за-

служившихъ извѣстность и общее уваженіе своими трудами, достойныхъ примкнуть къ высшему сословію своего отечества.

Присовокупляя къ этимъ двумъ путямъ вступленія въ потомственное дворянство внѣ государственной службы еще третій, упомянутый выше—пріобрѣтаемый двумя или тремя поколѣніями личнаго дворянства, мы не видимъ уже никакой живой общественной силы, которая не могла бы добиться своего признанія. Нынѣйшнее дворянство, воспитанное исторически, послѣдовательно пополняемое и освѣжаемое такими притоками, привлекающее вдобавокъ лично въ свою среду достойныхъ людей изъ низшихъ сословій по собственному выбору или вслѣдствіе пожалованія ихъ правительствомъ въ званіе личныхъ дворянъ, будетъ въ точности представлять дѣйствительную нравственную силу русской земли, составляя въ то же время сословіе охранительное, тѣсно связанное съ престоломъ и между собою.

Самоуправленіе станетъ въ Россіи *положительнымъ дѣломъ*, способнымъ къ дѣйствительному развитію, тогда лишь, когда оно перейдетъ въ руки дворянства и крупнаго купечества на вышеприведенныхъ условіяхъ. Но дворянство наше многочисленно и по духу учрежденія должно быть многочисленнымъ, какъ сословіе служилое, удовлетворяющее всѣмъ потребностямъ государственной службы, военной и гражданской; мелкое дворянство, посвящающее себя военному дѣлу, какъ въ Пруссіи, совершенно необходимо для арміи. Потому обязанности нашего дворянства заключаются далеко не въ одной только земской службѣ, не смотря на ея важность. Кромѣ того, все уѣздное дворянство поголовно не можетъ вести земскаго дѣла; собранія его стали бы похожими на сеймики польской шляхты. По этой причинѣ у насъ давно уже былъ введенъ дворянскій цензъ, предоставлявшій избирательное право. Какъ извѣстно, цензъ этотъ равнялся владѣнію ста ревизскими душами; нынѣ можно его положить въ 1,000 р. дохода.

Землевладѣльцы съ меньшими участками почти лишены возможности правильно обработывать свою землю при нынѣшнихъ условіяхъ, не становясь лично рабочими. Съ установленіемъ прочнаго кредита для крестьянскаго земледѣлія, они будутъ, къ своей же выгодѣ, постепенно вытѣсняться послѣднимъ и станутъ жить капиталомъ, службой или умственнымъ трудомъ. Для кастоваго дворянства обезземеленіе почти равняется уничтоженію: русское привилегированное званіе, достающееся въ удѣлъ наслѣдственному образованію, удовлетворительно уживается съ нимъ. Такимъ образомъ земское самоуправленіе, то-есть избирательное право, будетъ находиться въ рукахъ ценсоваго дворянства, въ которое надобно также включить *по праву*, независимо отъ ценса, извѣстныя званія, заявляющія о качествѣ человѣка: значительнѣй чинъ и высокую ученую степень, если ученый—дворянинъ, потомственный или личный. Съ передачею избирательнаго права въ надежныя руки, нечего будетъ заботиться о качествѣ избираемыхъ, подводить послѣднихъ подъ указную мѣрку. Хорошіе избиратели ручаются за хорошихъ избранныхъ. Когда земское управленіе станетъ у насъ *дѣломъ*, когда на этой почвѣ разъ свяжутся культурныя русскія силы, тогда все у насъ постепенно обратиться въ дѣло—и общественное мнѣніе и печать, и даже акціонерныя компанія.

Ясно очерченное положеніе въ общественномъ устройствѣ ведетъ къ яснымъ же послѣдствіямъ, необходимо истекающимъ изъ данной постановки дѣла. Вопросъ о передачѣ самоуправленія въ руки культурнаго сословія, то-есть о признаніи русской дѣйствительности тѣмъ, что она есть, содержитъ въ себѣ, въ главныхъ чертахъ, опредѣленіе дѣятельности этого самоуправленія, еслибъ оно состоялось. Вслѣдствіе того, не принимая на себя права давать совѣты власти, мы считаемъ возможнымъ выяснить теперь же эти главныя черты.

Первое дѣло состоитъ, очевидно, въ признаніи правильно устроеннаго земства прямымъ звеномъ государственной власти, мѣстнымъ ея орудіемъ, съ отграниченіемъ земской дѣятельности отъ чисто административной не въ сущности, а только въ степени, въ послѣдовательности инстанцій. Мы поставили этотъ вопросъ первымъ не потому только, что онъ дѣйствительно основной, но еще потому, что въ послѣдпе время у насъ не разъ заявлялись мнѣнія, со стороны опытныхъ и умныхъ людей, объ улучшеніи нынѣшняго мѣстнаго управленія уравновѣшеніемъ этихъ двухъ силъ,— посредствомъ не раздѣленія, а напротивъ смѣшенія чисто-правительственной и земской дѣятельности. Мы же полагаемъ (признаемся даже, не понимаемъ, какъ можно полагать иначе), что чистосердечіе и рѣшительность земскаго самоуправленія возможны только при несомнѣнной ясности правъ, при полной отграниченности круга дѣйствій отъ коронной администраціи, за которою оставалось бы значеніе высшей инстанціи и наблюденіе надъ законностью его дѣйствій. Какую ступень администраціи и въ какой мѣрѣ облечь правомъ наблюденія и приговора — это дѣло правительства; учрежденіе административныхъ судовъ подвѣдомственныхъ правительствующему сенату, представляется лучшимъ къ тому средствомъ; но самая задача двухъ видовъ власти, государственной и земской, отлична въ основаніи, а потому онѣ должны быть строго разграничены на всемъ пространствѣ государства Отказываясь отъ мѣстнаго хозяйничанья и отдавая его въ руки земцевъ, правительство признало послѣднихъ состоятельнѣе въ этомъ отношеніи своихъ личныхъ чиновниковъ. Но не въ одномъ хозяйствѣ, а вообще во всѣхъ отправленіяхъ уѣздной жизни хорошіе и образованные мѣстные дѣятели не только болѣе знакомы съ нуждами управляемыхъ и болѣе внимательны къ нимъ, но даже въ чисто-правительственныхъ видахъ они гораздо благонадежнѣе мелкихъ чиновниковъ, изъ которыхъ составляется нынѣшняя уѣзд-

ная власть; заслуживать полнаго довѣрія правительства можетъ или тщательно-выбранное, слѣдственно высшее лицо, или же съѣздъ дворянства, а не шитъ-мундирный фракъ, облекающій кого бы то ни было. Потому, когда самоуправленіе поступитъ въ руки совершенно надежныхъ, связныхъ и образованныхъ людей, такихъ людей, которыхъ правительство будетъ въ правѣ считать *своими*, то свыше, вѣроятно, не затруднятся расширить кругъ ихъ дѣятельности, передать вполнѣ уѣздное управленіе ихъ завѣдыванію — такъ какъ мелкое поземельное дѣленіе, называемое уѣздомъ, лишено всякаго политическаго значенія. Земскіе люди, поставленные въ надлежащее положеніе, могутъ лучше присмотрѣть за мѣстною полиціей, за тюрьмой, за неблагонадежными (даже политически) людьми, за сборомъ податей, чѣмъ чиновники, набираемые изъ самаго низшаго административнаго состава; но они не могутъ быть оффиціальными совѣтниками губернской власти, по желанію нѣкоторыхъ, такъ какъ она есть орудіе власти верховной, преслѣдующей обще-государственную пользу, которую нельзя отдавать на обсужденіе мѣстныхъ земствъ. Это значило бы подчинять высшія цѣли, единыя для всей имперіи, взглядамъ людей каждой области отдѣльно. Московскіе цари совѣтовались съ земскимъ соборомъ, выражавшимъ всероссійское мнѣніе, что совсѣмъ иное дѣло — съ обѣихъ сторонъ единство было соблюдено. Въ мѣстномъ же земствѣ это не такъ. Между *мѣстными* властями — правительственною и земскою — лежитъ та существенная разница, что первая служитъ государственнымъ потребностямъ, господствующимъ надъ мѣстными; она принимаетъ послѣднія во вниманіе только по мѣрѣ возможности, между тѣмъ какъ для второй существуютъ лишь эти мѣстныя потребности. Обѣ онѣ могутъ и должны дѣйствовать согласно, но почти всегда съ подчиненіемъ взглядовъ второй взгляду первой, а потому онѣ несоизмѣримы между собою. Никакое, даже консти-

туціонное, правительство не можетъ поступиться правомъ держать въ областяхъ государственную власть, какъ бы ни были широки права земства, исключительно въ своихъ рукахъ, безъ противовѣса и земскихъ совѣтниковъ съ правомъ голоса; оно не можетъ отказаться отъ обязанности наблюдать за дѣйствіями земства съ высоты, не становясь на одинъ съ нимъ уровень; оно не должно быть прямо замѣшано въ земскія распоряженія, чтобы сохранять свободу отмѣнить каждое изъ нихъ, противорѣчащее общимъ видамъ государства. Потому правительственнымъ органамъ слѣдуетъ стоять совершенно отдѣльно и выше. Съ другой стороны, земству нѣтъ никакой выгоды сочетаться съ оффиціальною мѣстною властью въ нѣчто общее, какъ-бы среднее: такое сочетаніе открыло бы доступъ вмѣшательству администраціи во всѣ земскія дѣла безъ исключенія, въ вознагражденіе за слабое вмѣшательство земства въ дѣла административныя. Сожительство глинянаго горшка съ желѣзнымъ опасно, конечно не послѣднему. И для государственной, и для земской власти гораздо выгоднѣе дѣйствовать въ своемъ отграниченномъ кругѣ: тогда каждая отвѣчаетъ за себя и самостоятельно пользуется своими правами. Самый естественный, способъ разграниченія этихъ двухъ властей состоитъ въ локолизаціи второй, въ передачѣ земству уѣзднаго управленія всецѣло, за исключеніемъ спеціальныхъ частей, которыя правительство сочтетъ нужнымъ удержать за собою, какъ напримѣръ—казначейство. Тогда земская и административная дѣятельность будутъ разграничены между собою совершенно ясно по инстанціямъ. Съ образованіемъ вполнѣ надежнаго земства, вмѣшательство администраціи въ его дѣла должно было бы ограничиваться четырьмя способами дѣйствія: надзоромъ за точнымъ исполненіемъ правительственныхъ распоряженій, утвержденіемъ или назначеніемъ должностныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей, преслѣдованіемъ виновныхъ судомъ и пріостановкою мѣръ,

несогласныхъ съ правительственными видами, до рѣшенія административнаго суда или высшей власти, какъ будетъ установлено. Для наблюденія за дѣйствіями земства, если это признается нужнымъ, достаточно держать въ уѣздѣ одного коронпаго чиновника съ правомъ протеста на каждое незаконное распоряженіе; затѣмъ нѣтъ надобности подвергать всѣ прочія, неопротестованныя распоряженія никакому предварительному разсмотрѣнію.

Если средоточіемъ земскаго самоуправленія станетъ цензовое дворянство, то правительство будетъ относиться къ нему, безъ малѣйшаго сомнѣнія, съ такимъ же полнымъ довѣріемъ, съ какимъ оно относится къ собственнымъ чиновникамъ. Русское дворянство есть и должно быть прежде всего сословіемъ служилымъ. Измѣненіе этого порядка, не только въ основаніи, но и на практикѣ, вовсе не желательно; мы далеко не выиграемъ, если значительное число дворянъ съ ранней молодости посвятитъ себя земскому дѣлу, не пройдя предварительному чрезъ государственную службу—не въ видѣ обязательной повинности, а по доброй волѣ, слѣдуя примѣру отцовъ. Дворянинъ, прослуживший нѣкоторый срокъ и возвращающійся въ свое помѣстьѣ между тридцатью и сорока годами жизни, пріѣзжаетъ домой человѣкомъ опытнымъ, несравненно болѣе развитымъ умомъ и характеромъ, чѣмъ его сосѣдъ, навѣки засѣвшій въ захолустьѣ, или покидавшій его только для собственнаго развлеченія; черезъ два-три года первый пойметъ даже земское дѣло лучше, внесетъ въ него больше силы и жизни, чѣмъ лицо, просидѣвшее на немъ весь свой вѣкъ безъ всякой другой практики. Съ сохраненіемъ всеобщей служилости, какъ кореннаго дворянскаго обычая, нарушеніе котораго противорѣчило бы правамъ (что вполнѣ въ волѣ правительства), члены цензоваго дворянства, служащіе и отставные, останутся въ глазахъ верховной власти тѣми же офицерами и чиновниками какъ прочіе; но притомъ они будутъ еще мѣстными дворянами-

избирателями, значитъ—вдвойнѣ своими людьми для власти. Болѣе видное чѣмъ теперь положеніе дворянства соберетъ разсѣявшихся, дастъ всему сословію иныя, болѣе связныя привычки; сословіе станетъ властнымъ надъ своими членами. Желательно, чтобы въ Россіи завелся всеобщій обычай (созданіе котораго также совершенно зависитъ отъ правительства), чтобы всѣ цензовые дворяне, гдѣ бы они ни находились, возвращались временно на родину и были бы для того по закону увольняемы въ отпускъ изъ службы, къ трехлѣтнимъ выборамъ; чтобы каждый государственный сановникъ, каждый министръ являлся къ этимъ выборамъ и садился на скамьѣ избирателей своего уѣзда на ряду съ прочими. Въ серьозной постановкѣ земскаго дѣла—вся будущность Россіи; нельзя останавливаться ни передъ какими усиліями, чтобы, наконецъ, двинуть его.

Первымъ правомъ цензоваго дворянства, облеченнаго довѣріемъ свыше, должно быть право—судить самостоятельно о достоинствѣ и способности каждаго изъ своихъ членовъ—и прирожденнаго, и вновь вступающаго въ его ряды, потомственно или лично, и избираемаго въ земскія должности, безъ всякой указной, навязанной со стороны мѣрки, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда права лица ограничены судебнымъ приговоромъ. Правительство, безъ сомнѣнія, оставитъ за собой утвержденіе выборовъ на высшія земскія должности; можетъ быть, оно удержитъ также право прямого назначенія извѣстныхъ ему мѣстныхъ жителей на нѣкоторыя изъ этихъ должностей. Такой двойной контроль будетъ весьма достаточнымъ. Но затѣмъ земское дѣло станетъ вполнѣ живымъ дѣломъ тогда лишь, когда мѣстные избиратели станутъ единственными судьями вопроса о томъ, кто заслуживаетъ или не заслуживаетъ, независимо отъ своего общественнаго положенія, стоять въ ихъ рядахъ, когда за ними признается неотъемлемое право принять въ свою среду или избрать

на должность всякаго достойнаго, какого бы онъ званія ни былъ, и въ тоже время исключить изъ нея всякаго недостойнаго, также кто бы онъ ни былъ. Цензовое дворянское избирательство—не всенародная подача голосовъ, даже не разношерстная французская буржуазія тридцатыхъ годовъ; оно будетъ состоять изъ отборныхъ людей, а потому должно быть тѣсно сплочено между собою и отвѣтственно передъ правительствомъ и мнѣніемъ Россіи за свои совокупныя дѣйствія, стало быть за каждаго изъ своихъ членовъ. Существенное ручательство за избираемыхъ заключается не во внѣшнихъ, совершенно неуловимыхъ признакахъ, а въ качествѣ и свободѣ дѣйствій избирателей; при такомъ только условіи они будутъ въ состояніи принять на себя полную отвѣтственность за все совершаемое. Изъ русскаго народа выдаются по-временамъ такія удивительныя личности, что иной содержатель постоялаго двора можетъ стать превосходнымъ земскимъ дѣятелемъ. Вѣдь примутъ же его въ дворянское собраніе по цензу, если онъ станетъ купцомъ и наживетъ милліонъ,—а достоинство человѣка нельзя мѣрить однимъ искусствомъ наживать деньги. Судьями этого достоинства должны быть избиратели. Также точно никакое пышное общественное положеніе не ручается за качества человѣка, а потому избиратели должны имѣть возможность очистить свою среду отъ лица, смущающаго или роняющаго ее, даже просто отъ лица, послѣдовательно отъ нея отстраняющагося, выказывающаго явное равнодушіе къ общему дѣлу. Очень желательно, чтобы исключеніе цензовымъ дворянствомъ кого либо изъ числа мѣстныхъ избирателей отзывалось и на другихъ его правахъ; связное государственное сословіе должно владѣть въ нѣкоторой степени принудительною властью надъ своими членами, иначе оно не будетъ имѣть силы для выполненія своей задачи во всей ея широтѣ. Мы полагаемъ также, что мѣстные избиратели не должны быть обязаны принять въ свою среду по-

вое лицо, хотя бы удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ закона, безъ предварительнаго голосованія. Отмѣна подобныхъ постановленій можетъ принадлежать одной только верховной волѣ и никому другому.

Съ перенесеніемъ на избирателей полной отвѣтственности за избираемыхъ, долженъ прекратиться всякій ценсъ по образованію. Въ однѣхъ варварскихъ странахъ, куда только-что еще начинаютъ пересаживать знаніе съ чужой почвы, можно разцѣнивать сорокалѣтнихъ людей по балламъ, полученнымъ ими на экзаменѣ. Кто знаетъ, чему научился человѣкъ отъ двадцати до сорока лѣтъ своей жизни? Не ставить же сѣдовласыхъ старцевъ на экзаменъ по знаменитому закону Сперанскаго. Надобно признать, что наука жизни несравненно выше науки школы.

При ценсовомъ дворянствѣ, управленіе, то-есть право начальственныхъ распоряженій по уѣзду и исполненіе предписаній высшихъ властей, должно бы находиться исключительно въ рукахъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ. Мы не беремся обсуждать самый способъ назначенія на земскія должности, требующій, для правильной постановки, предварительнаго совѣщанія правительства съ земскими людьми. Способъ этотъ можетъ быть двоякій для различныхъ должностей: избраніе дворянствомъ, или же назначеніе отъ высшей власти изъ мѣстныхъ жителей. Ничто не мѣшаетъ обоимъ способамъ дѣйствовать одновременно, особенно въ началѣ, пополняя вторымъ все то, чего не будетъ въ состояніи достигнуть удовлетворительнымъ образомъ первый. Прямое назначеніе станетъ въ рукахъ правительства средствомъ къ возбужденію дѣятельности мѣстныхъ избирателей. Они будутъ осмотрительнѣе и старательнѣе, зная, что высшая власть, во всякомъ случаѣ, можетъ обойтись безъ кандидата ихъ выбора. Главнымъ лицомъ уѣзда остался бы, понятно, предводитель дворянства, но въ такомъ случаѣ для опредѣленія новыхъ правъ его

должности потребовались бы новыя постановленія. Возможно также оставить предводителя главой и блюстителемъ сословія, придавъ ему помощника для управленія мѣстной полиціей, непосредственно ему подчиненнаго, еслибъ предводитель не хотѣлъ или не могъ соединить въ себѣ оба эти званія. Понятно что подвижность и практичная распорядительность, нужныя полицейскому дѣятелю — не тѣ свойства по которымъ долженъ расцѣниваться предводитель, хотя онѣ необходимы на своемъ мѣстѣ. Прямое же назначеніе отъ правительства главы уѣзда который вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ и главой сословнымъ, на подобіе нынѣшнихъ предводителей западныхъ губерній (или прусскаго ландрата), противорѣчило бы въ корнѣ нашему естественному порядку. Глава этотъ, навязанный мѣстнымъ избирателямъ, никогда не будетъ пользоваться должнымъ вліяніемъ въ ихъ средѣ, что повело бы къ нравственному разброду самаго сословія отъ единодушія котораго зависитъ прочность нашего общественнаго порядка и развитіе русской жизни. Потому земское самоуправленіе, передаваемое въ руки культурнаго сословія, никакъ не можетъ обойтись безъ избираемаго сословнаго предводителя. Лицо предводителя становится такимъ образомъ связующимъ звеномъ между верховною властію и руководящимъ сословіемъ (т. е. всѣмъ земствомъ) какова бы ни была официальная его обстановка — что достаточно показываетъ важность самой должности въ общемъ государственномъ строѣ. Качества, потребныя для этого высокаго званія, чисто нравственныя, требующія прежде всего почтенія снизу и довѣрія сверху, независимо отъ лѣтъ, здоровья и даже отъ практической распорядительности и служебной точности, могутъ часто не совмѣщаться съ дѣятельностію и исполнительностію, необходимыми въ начальникѣ уѣзднаго управленія и уѣздной полиціи; хотя съ другой стороны, никакія способности практическаго дѣятеля не могутъ замѣнить ихъ. Вслѣд-

ствіе того, надо думать, нерѣдко окажется надобность придавать уѣздному предводителю подчиненнаго ему помощника изъ мѣстныхъ жителей, для прямаго завѣдыванія земскимъ управленіемъ, и сдѣлать эту вторую должность, требующую внѣшней энергіи и подвижности,—не почетною, а платною, не возводя однакожъ такого раздѣленія занятій въ общее правило и предоставляя на волю предводителя соединять обѣ должности въ своемъ лицѣ.

За тѣмъ первое дѣло заключается въ устройствѣ волости, какъ низшей земской единицы, можно сказать даже—единицы государственнаго дѣленія, такъ какъ въ ней должны сосредоточиваться всѣ первоначальныя мѣры, всѣ зародыши самыхъ важныхъ отправленій обще-государственной дѣятельности: полиціи, поставки рекрутъ, сбора податей. Этотъ предметъ не разъ уже обсуждался въ русской печати съ разныхъ точекъ зрѣнія, причемъ всѣ сужденія всегда сходились на одномъ выводѣ: на важности волости, безъ надлежащаго устройства которой у насъ ничто не будетъ прочно устроено. Дѣйствительно, пока въ волости не существуетъ надлежащаго присмотра и руководства, надо сказать, что все сельское населеніе русскаго царства остается безъ присмотра и руководства, отдается въ произвольное распоряженіе волостныхъ писарей. Съ такимъ порядкомъ дѣла въ корняхъ, мы не далеко уйдемъ, какъ бы ни старались разукрашивать верхушки государственнаго зданія. При сосредоточеніи земскаго самоуправленія въ рукахъ цензоваго дворянства, управленіе волостями, какъ начальными ячейками всего общественнаго склада, должно, очевидно, принадлежать ему же. Мы не считаемъ возможнымъ вдаваться въ обсужденіе практическаго рѣшенія этого вопроса, какъ и всѣхъ подобныхъ вопросовъ, но выскажемъ свое мнѣніе, охотно уступая преимущество иному, лучшему, когда оно явится. Мы думаемъ, что земское управленіе должно быть, покуда, сколько возможно дешевымъ, несложнымъ и огра-

ничиваться наименьшимъ числомъ лицъ: иначе его благодѣянія не окупятъ его стоимости, а земскія должности станутъ одною декораціей, или, что еще хуже, приманкой для личной выгоды; ихъ теперь уже больше, чѣмъ находится для нихъ подходящихъ людей. Въ виду этихъ цѣлей, намъ кажется самымъ выгоднымъ соединеніе званія волостного попечителя и мѣстнаго мироваго судьи въ лицѣ мѣстнаго помѣщика по выбору дворянства всего уѣзда, но изъ лицъ, живущихъ въ волости или близъ нея—безплатно; если же таковаго не окажется, что на первыхъ порахъ надо предвидѣть во многихъ мѣстностяхъ, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже постоянно, то по назначенію правительства, — изъ мѣстныхъ людей, съ жалованьемъ отъ земства. Прямое назначеніе въ подобномъ случаѣ будетъ именно тѣмъ средствомъ возбужденія мѣстной дѣятельности, о которомъ мы говорили выше. Выборный отъ крестьянъ волостной голова можетъ служить помощникомъ начальнику и исправлять должность въ его короткія отсутствія. Управленіе уѣздомъ легко сосредоточится тогда въ съѣздѣ этихъ волостныхъ начальниковъ, вмѣстѣ съ городскимъ головой, подъ предсѣдательствомъ предводителя; придется, можетъ быть, добавить одного или двухъ членовъ для постоянныхъ занятій въ центрѣ уѣзда. Завѣдываніе мѣстною полиціей перейдетъ съ такимъ устройствомъ прямо въ руки волостныхъ попечителей, т. е. мѣстнаго ценсоваго дворянства; правительство сниметъ съ себя эту обузу, носимую, покуда, очень неудовлетворительно нѣсколькими мелкими коронными чиновниками, совершенно неспособными слѣдить за нравственною стороною населенія. При довольно большомъ числѣ волостныхъ начальниковъ, съѣзды мироваго суда можно будетъ собирать не со всего уѣзда разомъ, а въ каждой мѣстности отдѣльно и поочередно. Уѣздное управленіе въ такомъ видѣ будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, изъ людей уважающихъ себя, отвѣтственныхъ, другъ

за друга, дѣйствительно знакомыхъ съ дѣломъ и съ мѣстными условіями; во всякомъ же случаѣ оно не обременитъ земство расходами на содержаніе постоянно возрастающаго числа сочиняемыхъ имъ чиновниковъ. Въ мѣстныхъ кандидатахъ не должно оказываться недостатка. Выборная служба въ уѣздѣ, полагаемъ, должна быть по существу установленія обязательною на извѣстный срокъ для всякаго неслужащаго государству ценсоваго дворянина—дома онъ, или въ отсутствіи.

Мы окинули бѣглымъ взглядомъ только внутреннее устройство сословнаго самоуправленія, какъ оно можетъ быть постановлено. Мы сказали уже, что выдаемъ свою мысль не за лучшее рѣшеніе, а лишь за одно изъ возможныхъ рѣшеній вопроса. Посмотримъ теперь, въ какія отношенія сословное самоуправленіе стало бы къ низшимъ слоямъ, къ народу.

Наше земское самоуправленіе станетъ живымъ дѣломъ лишь при дворянской закваскѣ, подъ высшимъ и безпристрастнымъ наблюденіемъ правительства, одинаково принимающаго къ сердцу пользы всѣхъ сословій, не допускающаго никого злоупотреблять своимъ положеніемъ для личной выгоды, но владѣющаго, для осуществленія своихъ цѣлей, только двумя орудіями, между которыми приходится нынѣ выбирать — бюрократіей или дворянствомъ. Бюрократія представляетъ извѣстное обезпеченіе благонадежности и способности только въ высшихъ слояхъ, тѣхъ именно, которые ведутъ управленіе — можно сказать теоретически, не соприкасаясь съ жизнью прямо; чѣмъ ниже тѣмъ личный составъ ея становится слабѣе и наконецъ, въ самомъ низу, въ уѣздѣ, гдѣ приходится непосредственно имѣть дѣло съ населеніемъ, оказывается совсѣмъ несостоятельнымъ. Дворянство же, напротивъ, особенно дворянство землевладѣльческое, ценсовое, какъ слой однородный, представляетъ почти тотъ же итогъ нравственныхъ силъ внизу, какъ и вверху, въ уѣздѣ,

какъ и въ столицѣ; разница оказывается только въ блескѣ положеній, а не въ дѣйствительной способности. Когда наши дворяне хозяйничали въ своихъ имѣніяхъ, когда большинство отставныхъ отправлялись доживать свой вѣкъ на родину,—въ каждомъ уѣздѣ можно было найти не мало образованныхъ и, что еще важнѣе, уважающихъ себя людей. Такъ должно быть и впредь, такъ будетъ, какъ только устранятся неблагопріятныя условія, разсѣявшія по свѣту русскихъ помѣщиковъ,—условія, неизбѣжно вытекшія изъ переходныхъ и неопредѣленныхъ отношеній послѣреформенной полосы времени. Правительство воспитательнаго періода имѣло понятныя побужденія управлять даже мѣстнымъ бытомъ посредствомъ своихъ личныхъ слугъ-чиновниковъ; но у правительства, воззвавшаго русскихъ людей къ самостоятельности, такихъ побужденій не можетъ быть. Остается практическій вопросъ, котораго въ сущности нельзя даже поставить: кто благонадежнѣе для управленія уѣздными дѣлами, заключающими въ себѣ корни всей государственной жизни—мѣстное ли дворянство или послѣдній слой чиновниковъ, набираемыхъ въ полуграмотномъ фрачномъ пролетаріатѣ, столь же чуждомъ правительству, какъ и мѣстному обществу? Покуда отправленія уѣздной жизни были у насъ чисто-механическія и состояли исключительно въ сборѣ податей, поставкѣ рекрутъ, поимкѣ бѣглыхъ и починкѣ мостовъ, мелкіе чиновники съ грѣхомъ пополамъ удовлетворяли потребности; но они оказались безнадежно несостоятельными, какъ только возникъ первый вопросъ о нравственныхъ отношеніяхъ къ населенію; а эти нравственные вопросы станутъ плодиться теперь съ каждымъ днемъ. Въ политическихъ видахъ раздѣленіе власти въ уѣздѣ вовсе не нужно, такъ какъ верховная власть можетъ положиться на свое дворянство, взятое какъ сословіе, несравненно болѣе чѣмъ на какую бы то ни было группу чиновниковъ—всякій это знаетъ. Въ смыслѣ исполнительности было бы странно возлагать поли-

цейскія обязанности въ уѣздѣ на двухъ становыхъ приставовъ, когда надъ каждою волостью станетъ благонадежный попечитель. Въ отношеніи связности съ губернскимъ начальствомъ, каждый должностной дворянинъ становится въ положеніе чиновника, отвѣтственнаго передъ судомъ за нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ. Англійская сельская полиція слыветъ образцовою, находясь исключительно въ рукахъ мировыхъ судей — мѣстныхъ помѣщиковъ.

Ясно однакожъ, что дворянство будетъ поставлено въ приличное ему положеніе тогда лишь, когда ему придется *не добиваться* преобладанія въ мѣстномъ обществѣ, а *пользоваться* имъ какъ своимъ законнымъ правомъ, для чего нужно не избраніе въ земскія должности изъ дворянъ, а напротивъ — избраніе въ эти должности дворянами — кого угодно; нужно, чтобы сословіе земскихъ избирателей заключалось въ дворянствѣ, съ вышеупомянутыми дополненіями. Цѣль не была бы вовсе достигнута, еслибъ, напримѣръ, крестьянамъ было предоставлено право выбирать дворянъ въ волостные головы, какъ желаютъ нѣкоторые. Кромѣ того, что въ настоящее время, по общему сознанію, нужна всесословная волость, причемъ часто пришлось бы человѣку высшаго положенія стать подъ управленіе какого нибудь цѣловальника, взявшаго верхъ на выборахъ, что повело бы къ окончательному растлѣнію нашего общественнаго строя, и безъ того уже поколебленнаго; но современная потребность состоитъ именно въ томъ, чтобы дать руководство невѣжественной толпѣ, не умѣющей выработать опредѣленнаго мнѣнія, а не получать руководства отъ нея. При выборномъ сословномъ началѣ для всего уѣзда крестьянское самоуправленіе, подъ надзоромъ волостныхъ попечителей, данныхъ ему дворянствомъ, могло бы остаться почти въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, съ нѣкоторыми только, указанными опытомъ улучшеніями. Крестьянскія мірскія сходки удовлетворительно достига-

ютъ цѣли въ предметахъ, доступныхъ личному пониманію крестьянина; никто не возьмется учить ихъ распредѣленію общинныхъ угодій и повинностей, какъ и всякимъ потребностямъ ихъ сельской жизни; несостоятельность ихъ въ другихъ отношеніяхъ происходитъ, слѣдовательно, не отъ безсвязности сельскаго міра и не отъ неспособности русскаго простолюдина къ самоуправленію, давно ему извѣстному, а отъ малодоступности для него предметовъ, навязанныхъ его обсужденію. Замкнутый въ мужичьемъ мірѣ, онъ остался совсѣмъ безъ руководителей и попадаетъ теперь въ жертву каждому полуграмотному плуту. Попечители изъ образованнаго сословія устранятъ этотъ недостатокъ, не мѣшая крестьянскому самоуправленію, напротивъ того—развивая и укрѣпляя его постепенно. Попечительство будетъ не произволомъ, такъ какъ оно станетъ подъ надзоръ уѣзднаго съѣзда, представляющаго все мѣстное образованное сословіе; за законностью его дѣйствій будетъ наблюдать и правительственная власть. Съ другой стороны, дворянское попечительство въ волостяхъ положитъ конецъ неустройству, заставившему значительную часть помѣщиковъ разбѣжаться въ шестидесятыхъ годахъ; оно сдѣлаетъ жизнь въ деревнѣ возможною и удобною и само нароститъ свои силы, привлекая къ земскому дѣлу столькихъ отставныхъ, привлекая и новобранцевъ высшаго сословія, приростающихъ теперь почти исключительно къ городамъ.

Считая необходимымъ объединеніе въ рукахъ дворянства мѣстнаго управленія, то-есть, какъ мы сказали выше, избранія цѣлей, средствъ и дѣятелей, мы вовсе не желаемъ, чтобы другія сословія лишились голоса въ дѣлахъ, прямо касающихся ихъ пользъ. Такое лишеніе было бы противорѣчіемъ русской исторіи, чуждой сословнаго преобладанія, создавшей наслѣдственное культурное сословіе какъ орудіе, а не какъ цѣль общегосударственной жизни. Кромѣ того что себялюбіе сословное, какъ и личное, должно быть

обуздано закономъ, мы полагаемъ также, что никого нельзя благодѣтельствовать противъ его воли. Потому мы не только считаемъ необходимымъ сохраненіе городскаго и сельскаго самоуправленія (распространяя первое на самые маленькіе городки и ставя послѣднее не подъ произволъ, а лишь подъ руководство образованнаго общества), но полагаемъ также, что голосъ въ мѣстномъ самоуправленіи долженъ принадлежать по праву каждой группѣ людей, связанныхъ взаимными интересами — не одной земледѣльческой общинѣ или извѣстному числу земледѣльцевъ данной мѣстности, но также всякому значительному промыслу, желающему заявить о своихъ сборныхъ потребностяхъ. Тѣмъ не менѣе въ благоустроенномъ обществѣ обширность права голоса (если можно такъ выразиться), кругъ предоставляемыхъ ему вопросовъ, долженъ соотвѣтствовать его умственному кругозору, иначе самоуправленіе обращается въ ложь и въ интригу, вопросы голосуются безсознательно, какъ нынѣ. Нельзя облагать земскими сборами безъ собственнаго согласія,—развѣ количество или предметъ этихъ сборовъ постановлены закономъ, — но тогда дѣло будетъ идти не объ обложеніи, а о разложеніи. Самая видимая польза какого либо общественнаго расхода нисколько не устанавливаетъ его законности, если онъ превышаетъ средства плательщиковъ или не соотвѣтствуетъ *ихъ* понятію о пользѣ; многое кажется необходимымъ англичанину, въ чемъ русскій крестьянинъ не видитъ никакой надобности и нисколько не сочтетъ себя счастливымъ, если ему станутъ насильно навязывать англійскія потребности. Прежде чѣмъ жить хорошо, надо быть въ состояніи прожить какънибудь; а потому обязанность высшаго сословія, въ руки котораго отдано управленіе, состоитъ въ подобномъ случаѣ въ томъ лишь чтобы убѣждать, а никакъ не принуждать мѣстныхъ плательщиковъ. Съ другой стороны, какъ мы уже говорили, каждый сборный интересъ долженъ имѣть право заявлять о своихъ нуж-

дахъ предъ управленіемъ; онъ имѣетъ также естественное право, думаемъ, ставить свое согласіе на требуемыя отъ него жертвы въ зависимость отъ удовлетворенія заявляемымъ имъ нуждамъ. Въ обѣихъ отношеніяхъ и для обѣихъ цѣлей нынѣшнія всесословныя земскія собранія необходимы въ мѣстномъ самоуправленіи, только, полагаемъ, не съ тою задачей и отчасти даже не въ томъ видѣ, какіе имъ даны. Первая слишкомъ широка для нихъ, второй—слишкомъ узокъ. Назначеніе ихъ должно бы состоять исключительно въ утвержденіи земскихъ налоговъ, разсмотрѣніи денежной отчетности, заявленіи объ общественныхъ нуждахъ и выборѣ лицъ распоряжающихся общественными суммами; безъ послѣдняго условія контроль собранія надъ своимъ мѣстнымъ бюджетомъ не можетъ стать дѣйствительнымъ. Но выборъ должностныхъ лицъ, облеченныхъ исполнительною властію во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, пользующихся правами полиціи, суда и нравственнаго надзора за населеніемъ, также какъ правомъ вести сношенія съ высшими инстанціями о мѣстныхъ потребностяхъ и объ общихъ вопросахъ, должны естественно, принадлежать просвѣщенному собранію цензоваго дворянства и лицъ допущенныхъ имъ въ свой кругъ; вести управленіе въ прямомъ значеніи этаго слова могутъ лишь выборные дворянства.

Что касается состава земскаго собранія, правильно представляющаго уѣздъ, то онъ опредѣляется самимъ кругомъ его дѣятельности и справедливостью, требующею уравненія всѣхъ плательщиковъ въ установленіи и несеніи налога, независимо отъ ихъ званій; мѣсто въ собраніи должно бы оставаться, по праву, за всякимъ цензовымъ имуществомъ въ уѣздѣ, кому бы оно ни принадлежало: землевладѣльцу ли, общинѣ ли, городскому ли владѣльцу или капиталисту. Мы совершенно согласны съ княземъ Васильчиковымъ въ томъ отношеніи, что каждая крестьянская община есть такой же землевладѣлецъ, какъ и всякій другой. Но

едва ли настоитъ надобность въ представительствѣ дробныхъ имуществъ сборными голосами. Мы не станемъ обсуждать этого вопроса, относящагося къ подробностямъ; но можно замѣтить слѣдующее: когда имущественные интересы ограждены съ одной стороны крупными владѣльцами, а съ другой—крестьянскими общинами, то изъ-за чего принуждать мелкихъ собственниковъ тратиться на выборы? Было бы другое дѣло, еслибъ наши общинники подѣлились,—въ этомъ случаѣ они посылали бы выборныхъ отъ волости; но этого еще нѣтъ и не предвидится скоро. Хотя собственно земское собраніе должно представлять, по нашему пониманію, только денежные интересы, а не мѣстную власть, но оно все-таки окажется прочнѣе, будетъ охранительнѣе и разсчетливѣе, состоя изъ лицъ, представляющихъ свои собственныя, а не сборныя и чужія выгоды. Съ сохраненіемъ земскихъ собраній, хотя бы въ нѣсколько измѣненномъ противъ нынѣшняго составѣ, переходъ къ новому виду самоуправленія совершился бы легко и былъ бы мало замѣтенъ для народа, что также важно. Для перваго раза было бы достаточно перенести выборы должностныхъ земскихъ лицъ, кромѣ завѣдывающихъ общественными суммами, въ дворянское собраніе.

Самоуправленіе осуществимо только въ уѣздѣ. Нынѣшняя губернія не представляетъ для него никакихъ данныхъ; она есть единица чисто-административная и дробная. Было бы иное дѣло, еслибъ Россія была подѣлена на области болѣе крупныя, соотвѣтствующія естественнымъ географическимъ или этнографическимъ отдѣламъ, тяготѣющія каждая къ своимъ особымъ торговымъ путямъ и къ своему собственному, значительному центру, управляемыя самостоятельными, близкими къ престолу сановниками; такая область имѣла бы личность, а потому и потребность выражать ее въ областномъ представительствѣ. Мы думаемъ, что вопросъ о такомъ дѣленіи возбудится у насъ когда нибудь самъ

собою, въ числѣ многихъ великихъ вопросовъ, предстоящихъ намъ въ будущемъ. Россія срослась слишкомъ крѣпко, чтобы можно было опасаться за ея единство при какой бы то ни было самостоятельности областей, а между тѣмъ въ такомъ обширномъ тѣлѣ сосредоточеніе всей общественной и умственной жизни исключительно въ одномъ центрѣ невозможно безъ постепеннаго омертвенія членовъ. Мы видимъ уже это омертвеніе на дѣлѣ: внѣ Петербурга и Москвы русская мысль не шевелится, еще гораздо болѣе, чѣмъ она не шевелится во Франціи внѣ Парижа, въ чемъ заключается одна изъ опаснѣйшихъ болѣзней французскаго народа; при нашей же государственной обширности эта опасность еще очевиднѣе: затянувшись слишкомъ надолго, она погрузитъ въ мертвую спячку девять десятыхъ нашихъ духовныхъ силъ. Надо замѣтить также, что ни одна изъ нашихъ губерній не срослась еще во что нибудь цѣлое, и никогда не срастется, по своей незначительности и искуственности, не допускающихъ самостоятельныхъ интересовъ. Никто не слыхалъ отъ заволжскаго симбирца жалобы на то, что его обратили въ самарца; поэтому новая областная перекройка государства не задѣнетъ у насъ никакого существующаго интереса, но несомнѣнно создастъ современемъ живые сборные интересы. Но тутъ—вопросъ будущаго, никакъ не относящійся къ нашему поколѣнію; у нынѣ живущихъ людей есть только одна внутренная задача, самая великая изъ задачъ: искоренить общественную разрозненность, безъ которой всѣ осаждающіе насъ вопросы останутся навсегда мертворожденными. Мы упомянули объ областномъ дѣленіи для того только, чтобы оговорить несостоятельность нынѣшнихъ губерній въ смыслѣ единства и общегосударственнаго значенія. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторое объединеніе, если не самоуправленія, то по крайней мѣрѣ направленія уѣздныхъ самоуправленій нужно и въ нынѣшней губерніи, для чего и учрежденъ для нея центральный органъ. Кромѣ того дворянство

каждой губерніи (одно между всѣми сословіями) нѣсколько срослось уже между собою; ему нуженъ общій представитель и въ нѣкоторыхъ случаяхъ общій съѣздъ; уѣздовъ слишкомъ много, чтобы каждый изъ нихъ могъ ходатайствовать о своихъ дѣлахъ передъ правительствомъ. Губернскій предводитель дворянства необходимъ какъ глава, представитель и ходатай сословія. Съ переходомъ самоуправленія въ сословныя руки, если бы оно осуществилось, глава этотъ не можетъ оставаться только почетнымъ лицомъ; онъ станетъ средоточіемъ всѣхъ самоуправленій и въ этомъ качествѣ долженъ пользоваться правомъ созывать предводителей и выборныхъ дворянства по мѣрѣ надобности, а въ особенно важныхъ случаяхъ или въ очередные сроки — собраніе всего ценсоваго дворянства съ причисленными къ нему лицами. Безъ полнаго, достаточно заслуженнаго довѣрія свыше къ дворянству, самоуправленіе у насъ не пойдетъ; а потому желательно, чтобы губернскій предводитель не только не былъ стѣсненъ въ необходимыхъ ему правахъ, но пользовался бы совѣщательнымъ голосомъ въ высшей правительственной средѣ. Можно положиться на здравый смыслъ русскаго развитаго сословія: когда губернскій предводитель станетъ изъ амфитріона, какимъ онъ былъ доселѣ, лицомъ съ государственнымъ значеніемъ,— оно станетъ выбирать въ эту должность соотвѣтствующихъ ей людей. Значеніе лица губернскаго предводителя не можетъ стѣснить губернаторской власти. Губернаторъ останется представителемъ правительства, начальникомъ коронной администраціи и высшимъ прокуроромъ государственной власти при мѣстномъ самоуправленіи, не допуская его выходить изъ указанныхъ ему предѣловъ; съ него должно быть снято только званіе хозяина губерніи, составляющее уже теперь вопіющее противорѣчіе, такъ какъ хозяйство отдано оффиціально въ другія руки. Мы признаемъ за губернскими съѣздами значеніе только въ смыслѣ съѣздовъ дворян-

ства, какъ сословія облеченнаго правительствомъ извѣстною долею самостоятельности, но не видимъ никакой цѣли въ губернскомъ всесословномъ собраніи, если задача всесословныхъ собраній будетъ ограничена утвержденіемъ налоговъ. Для этого имъ нѣтъ надобности съѣзжаться вмѣстѣ. Даже въ случаѣ необходимости какого-либо общаго налога по губерніи, онъ можетъ быть голосованъ на мѣстѣ, большинствомъ (по счету) уѣздныхъ собраній. Мы думаемъ, что вообще задачи государственнаго управленія, дворянскаго самоуправленія и имущественнаго права утвержденія и расходованія мѣстныхъ налоговъ должны быть строго разграничены между собою.

ГЛАВА V.

Изо всего до сихъ поръ сказаннаго читатели видятъ, что, въ нашемъ мнѣніи, самая настоятельная потребность текущаго времени—передача самоуправленія въ руки культурнаго сословія—необходима по двумъ причинамъ и для двухъ предметовъ: она нужна вмѣстѣ какъ средство и какъ цѣль. Одно только образованное общество, проникнутое государственными и общественными преданіями исторической Россіи, можетъ дать правильную постановку земскому дѣлу и вести его самостоятельно, пользуясь полнымъ довѣріемъ правительства; до сихъ поръ цѣль не достигалась, потому что развитому слою приходилось въ общественныхъ дѣлахъ спускаться на уровень толпы, вмѣсто того чтобы стараться постепенно подымать толпу на свой уровень. Наше новое, нынѣ дѣйствующее земское устройство, въ сущности, уподобило насъ болѣе Франціи, чѣмъ Англіи и Америкѣ. Въ такомъ положеніи нельзя оставаться. Дворянство составляетъ естественное и покуда единственное орудіе въ рукахъ правительства для развитія общегосударственной жизни и установленія порядка въ русской землѣ. Въ этомъ отношеніи, оно—средство. Но, какъ ни важна эта сторона дѣла, существуетъ другая, еще болѣе важная. Обезличеніе и безсвязность, которыми страдаетъ наше образованное общество, отсутствіе сложившагося мнѣнія и неумѣніе дѣйствовать сообща, парализирующія въ корнѣ современную Россію и вытекающія, несомнѣнно, изъ долгой отвычки отъ совокупной жизни, изъ полуторавѣковой невозможности провѣрить свое теоретическое и чу-

жеземное образованіе на коренныхъ свойствахъ своей собственной почвы—вынуждають, прежде всего, къ объединенію культурныхъ силъ, къ возбужденію ихъ самодѣятельности, однимъ словомъ—къ ихъ сращенію въ подобающемъ имъ кругѣ дѣйствія—для возстановленія нравственной національной личности. Извѣстное дѣло, что изъ кустарника нельзя выростить лѣсъ, не огородивъ его. Самостоятельная русская мысль возникнетъ изъ нестройнаго, накопленнаго нами въ теченіе полутораста лѣтъ умственнаго матеріала только при содѣйствіи сознательной общественной жизни образованнаго слоя, непосредственно соприкасающагося съ народомъ, но не растворяемаго въ немъ. Въ этомъ отношеніи извѣстное обособленіе высшаго сословія заключаетъ въ себѣ уже не средство только, а прямую цѣль современной русской исторіи. Осьмидесятимилліонному государству нельзя существовать въ наше время, на европейской почвѣ, безъ умственной самостоятельности, безъ народности, выражающейся ясно, даже преимущественно, въ его развитыхъ слояхъ, и безъ связнаго культурнаго общества.

Отъ этого общества у насъ, какъ и вездѣ, зависитъ историческое значеніе націи. Въ степени его образованности и въ зрѣлости проникающаго его духа заключается устой и будущность русскаго народа какъ отдѣльной человѣческой семьи. Потому задача текущаго времени, послѣ установленія твердой связи культурнаго сословія съ престоломъ, между собою и съ народомъ, заключается въ томъ, чтобы поднять уровень его образованія на возможную высоту. Надобно сосредоточить, а не разсыпать наши образовательныя средства. Намъ кажется очевиднымъ, что въ современной Россіи оказывается потребность только въ трехъ совершенно опредѣленныхъ ступеняхъ общественнаго воспитанія: грамотности для народа, техническаго обученія для молодыхъ людей, перерастающихъ чернорабочій слой вслѣдствіе зажиточности своихъ родите-

лей, и науки, въ полномъ значеніи слова, для культурнаго класса. Особая система образованія въ средѣ духовенства, какъ спеціальная, не идетъ въ счетъ. Съ прекращеніемъ источника, постоянно вливавшаго въ высшее русское сословіе толпу неразвитыхъ личностей, въ видѣ дѣтей нижнихъ чиновъ, произведенныхъ въ первый офицерскій чинъ, которымъ это производство давало дворянскія права—у насъ будутъ оказываться рѣже и рѣже дворяне, не получившіе приличнаго воспитанія; но надо, чтобы ихъ вовсе не было, кромѣ какихъ нибудь непредвидимыхъ исключеній. Въ дворянствѣ не цензовомъ у насъ много людей безъ средствъ, а между тѣмъ этимъ отдѣломъ его должна преимущественно пополняться государственная служба, особенно же армія, для чего нужны образованные люди. Но даже небогатому слою цензоваго дворянства трудно обойтись безъ пособія. Землевладѣлецъ съ тысячью рублями дохода, составляющими приблизительно низшій цензъ полноправнаго сословія (такъ какъ при этомъ доходѣ можно жить съ имѣнія не становясь работникомъ), будетъ все-таки очень затрудненъ въ воспитаніи нѣсколькихъ дѣтей. При должной связности мѣстнаго дворянства, онъ найдетъ въ своемъ сословіи, можно надѣяться, нѣкоторую опору для такой вопіющую потребности,— но опору далеко недостаточную для всѣхъ. Если бы у насъ каждый образовывался на свой счетъ, какъ въ Англіи, то нечего было бы и говорить о пособіи. Но это пособіе существуетъ въ Россіи въ видѣ многочисленныхъ стипендій, распредѣляемыхъ въ настоящее время совершенно произвольно, преимущественно самымъ бѣднымъ молодымъ людямъ низшихъ сословій, которые безъ приманки такого оранжерейнаго выращенія искали бы другихъ, хлѣбныхъ занятій и не выбивались бы неимовѣрными усиліями въ господа, чтобы потомъ, за немногими исключеніями, голодать всю жизнь, вопить противъ неравенства общественныхъ условій и сочувствовать всею душою парижскимъ бунтамъ. Выпускаемые въ

общество, чуждое имъ, въ которомъ у нихъ нѣтъ ни связей, ни точки опоры, эти искуственно выспженные культурные подростки начинаютъ свою жизнь годами бѣдствованія, наполняющими ихъ желчью навсегда, даже въ случаѣ позднѣйшаго успѣха: а многимъ ли изъ нихъ выпадаетъ на долю успѣхъ? Мало ли читаемъ мы въ газетахъ извѣстій о самоубійствѣ, смерти отъ истощенія, объявленій о готовности вступить хоть въ домашнюю прислугу этихъ жертвъ напускной русской учености, которыя, при другомъ направленіи воспитанія, стали бы зажиточными, преданными, довольными своею судьбой техниками, восполняя въ то же время вопіющія потребности русской производительности, до сихъ поръ неудовлетворенныя? Если мы покуда еще не можемъ совсѣмъ отвыкнуть отъ подражанія, то будемъ лучше подражать Европѣ, гдѣ бѣдные воспитанники учатся хлѣбнымъ знаніямъ, чѣмъ Китаю, въ которомъ существуетъ только одна наука — философія Конфуція, преподаваемая всѣмъ безъ различія, отъ мандаринчика къ красною пуговкой до великаго мандарина съ павлинымъ перомъ. Мы настроили множество заведеній для клссической науки и толкаемъ всю Россію въ университетъ, выписывая въ то же время машинистовъ желѣзной дороги изъ-за границы по неимѣнію своихъ. Съ одной стороны эта болѣзнь у насъ застарѣлая — мы начали съ перехватыванія верховъ, а не низовъ; съ другой — она чрезвычайно усилилась во время бѣлой горячки русскаго общества, прозванной нигилизмомъ. Въ ту пору одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ написалъ чрезвычайно дѣльную статью о значеніи университета и объ отношеніи степеней образованія къ различнымъ общественнымъ слоямъ; но тогдашняя печать накинулась на нее какъ на ретроградную *). Была ли возможность серьезнымъ людямъ разговаривать съ обществомъ, руководимымъ въ большинствѣ *мыслителями* «Современника» и «Полярной Звѣ-

*) Баронъ А. П. Николай.

зды». Но теперь разливъ вошелъ въ русло, надо подумать о дѣлѣ. Русское дворянство, какъ культурный народный слой, открыто всякой силѣ, подросшей снизу, но только силѣ — то-есть экономическому положенію или дарованію, умѣющему пробиться, — а не толпѣ искусственно высиживаемыхъ, посредственныхъ и, въ сущности, даже по окончаніи университетскаго курса, вовсе еще не образованныхъ мальчиковъ. Если дѣло въ томъ, чтобы переряжать какъ можно больше людей изъ поддевки во фракъ, купленный на Щукиномъ дворѣ, то это можно бы сдѣлать легче, слѣдуя шуточному совѣту одного вельможи пятнадцатыхъ годовъ — сравнять всю Россію съ станціонными смотрителями, произведя ее въ четырнадцатый классъ. Мы высказали свое мнѣніе и не думаемъ встрѣтить много противниковъ: нашему отечеству необходимы — образованное дворянство, большое распространеніе техническихъ и промышленныхъ знаній въ среднихъ состояніяхъ и грамотный народъ. Каждому свое. Безъ серьезнаго и поголовнаго образованія дворянства мы не дойдемъ никуда, а потому, думаемъ, надобно сосредоточить на воспитаніи небогатыхъ низовъ наслѣдственнаго сословія почти исключительно всѣ стипендіи, находящіяся въ рукахъ правительства. Для поощренія замѣтно способныхъ молодыхъ людей низшихъ званій, по нашему мнѣнію, было бы достаточно назначить по одной всесословной стипендіи на гимназію, но съ тѣмъ чтобы потомъ уже не покидать этихъ выбранныхъ воспитанниковъ на произволъ судьбы. Мы выставили пропорцію приблизительно, — установить ее есть дѣло спеціалистовъ. Затѣмъ нужно большое распространеніе техническихъ школъ, не въ какихъ либо центрахъ, а по всей поверхности государства, соотвѣтственно хозяйственнымъ и промышленнымъ потребностямъ каждой области. Слѣдуя такимъ путемъ, мы станемъ наконецъ образованнымъ народомъ не на словахъ, а на дѣлѣ.

Прежде всего надобно постараться направить въ эту сторону— къ реальному и промышленному воспитанію — многочисленный притокъ подростковъ духовнаго званія, выходящихъ изъ церкви въ свѣтъ. На нашихъ глазахъ происходитъ страшное и безобразное явленіе: нигилизмъ набиралъ и набираетъ главныхъ своихъ приверженцевъ изъ среды дѣтей, рожденныхъ, можно сказать, въ церковной оградѣ; достаточно посчитать извѣстныхъ вожаковъ. Отцы проповѣдуютъ евангеліе, а сыновья въ значительномъ числѣ—безбожіе и разрушеніе общественныхъ началъ. Это явленіе объясняется не чѣмъ инымъ, какъ ложнымъ общественнымъ положеніемъ послѣднихъ. Недавно еще знаніе считалось у насъ рѣдкостью; достаточно было знать что нибудь для устройства себѣ отгороженнаго уголка въ жизни; изъ семинаристовъ, вступившихъ въ службу, вмѣстѣ съ произведенными унтеръ-офицерами, составилась чуть ли не половина послѣпетровскаго дворянства. Но теперь, очевидно, прекратился запросъ на полуобразованныхъ, не обладающихъ прикладными знаніями людей, какихъ выпускаетъ семинарія въ міръ. Имъ приходится биться какъ рыбѣ объ ледъ; получаемое ими схоластическое воспитаніе, устраняющее Хомякова для огражденія неприкосновенности учебниковъ XVII вѣка, мало укрѣпляетъ ихъ нравственно; немудрено, что многіе изъ нихъ проникаются ненавистью къ обществу въ первые годы этой безплодной борьбы и увлекаются въ крайности. Между тѣмъ, наше церковное сословіе многочисленно и покуда, къ несчастію, наслѣдственно въ дѣйствительности, не смотря на букву закона, недавно уничтожившаго эту наслѣдственность на бумагѣ; вдобавокъ дѣти священниковъ, занимающихъ самое почетное положеніе, никогда не отграниченные точно отъ дѣтей послѣднихъ причетниковъ, дьячковъ и пономарей, въ послѣднее время сравнены съ ними во всѣхъ правахъ, даже служебныхъ — что окрыляетъ всѣхъ безчисленныхъ подростковъ духовнаго званія одинаковыми надеж-

дами, придаетъ всѣмъ одинаковое честолюбіе, чтобы потомъ привести почти всѣхъ къ одинаковому разочарованію. Изъ мѣщанъ и людей другихъ низшихъ сословій, постепенно подымающихся къ верху, рѣдко оказываются недовольные, имѣющіе поводъ роптать на общественное устройство: кто изъ нихъ поднялся, тотъ, значитъ, разжился, тому хорошо. Но подъ русскимъ культурнымъ обществомъ оказывается, въ видѣ церковнаго сословія, какъ-бы подземный притокъ, клокочущій по неимѣнію выхода, и силящійся сорвать верхнюю почву; покуда усиліе это еще ничтожно, оно выражается только въ личныхъ настроеніяхъ, но, если ему не откроютъ законнаго выхода, оно будетъ постепенно накопляться. Въ противоположность всему, что видѣлъ до сихъ поръ свѣтъ, непріязнь къ охранительнымъ общественнымъ началамъ возникаетъ у насъ преимущественно изъ церковной ограды, изъ размножающагося личнаго состава церковниковъ, вслѣдствіе кастоваго ихъ устройства и воспитательно-промышленной отсталости Россіи. Второму горю можно помочь въ срокъ не слишкомъ долгій, не только правительственными мѣрами, но настойчивымъ содѣйствіемъ правительства всѣмъ такимъ начинаніямъ, всевозможнымъ поощреніемъ ихъ. Развитіе техническаго образованія составляетъ одну изъ первыхъ нашихъ потребностей со всѣхъ точекъ зрѣнія. Кромѣ того, мы считали бы необходимымъ, по справедливости и изъ благоразумія, законно отдѣлить дѣтей священническихъ отъ дѣтей церковныхъ причетниковъ, не смѣшивать ихъ въ одно сословіе, облечь первыхъ правами, сближающими ихъ съ высшимъ наслѣдственнымъ сословіемъ, дать имъ льготы передъ прочими въ пособіи на воспитаніе и преемствѣ званія, не отказывать имъ и въ свѣтскихъ стипендіяхъ; причетниковъ же не считать вовсе въ духовномъ сословіи. Если разъ возникло у насъ кастовое духовенство, то лучше пусть будетъ покуда въ Россіи нѣсколько десятковъ тысячъ наслѣдственныхъ семей священническихъ, которыя

можно обезпечить до нѣкоторой степени, чѣмъ нѣсколько сотъ тысячъ семей наслѣдственнаго клира, съ тѣми же самыми притязаніями, совершенно неудовлетворимыми, но, не смотря на то, постоянно раздражающими ихъ противъ общества. Что касается самой наслѣдственности духовенства, то тутъ вопросъ великій, хотя, очевидно, вопросъ не нашего поколѣнія. Православная церковь требуетъ духовенства по призванію, а не по ремеслу; Россія не выйдетъ изъ нынѣшней духовной апатіи безъ измѣненія существующаго въ церкви порядка, но тѣмъ не менѣе мы считали бы преждевременнымъ трогать его покуда: при нынѣшней общественной разрозненности у насъ не хватитъ на это силъ. Мы говоримъ не о церкви, а только о мѣстѣ, занимаемомъ въ обществѣ личнымъ составомъ церкви; но даже въ этомъ отношеніи, несмотря на важность предмета, считаемъ неудобнымъ распространяться, имѣя въ виду примѣры Хомякова и Г. Самарина, сочиненіямъ которыхъ нѣтъ хода. Кромѣ того, развитіе такого вопроса требовало бы особаго сочиненія. Мы упомянули объ немъ лишь для полноты изложенія.

Церковный вопросъ, временно заглохшій у насъ, также какъ вопросъ о созданіи нѣсколькихъ средоточій русской жизни и мысли вмѣсто двухъ, какъ и многіе другіе великіе вопросы, принадлежитъ будущему. Задача нынѣшняго поколѣнія заключается въ томъ, чтобы создать орудіе русской общественной жизни, посредствомъ котораго великіе вопросы могли бы быть двинуты современемъ; орудіе, безъ котораго русское правительство, не смотря на свое несравненное и исключительное нравственное могущество, не можетъ—смѣемъ сказать — пользоваться вполнѣ этимъ могуществомъ для блага Россіи. Сила безъ рычага остается отвлеченностью.

Покуда нечего думать даже о томъ, чтобы отлить орудіе русскаго будущаго въ окончательную форму. Наше поколѣніе сдѣ-

ластъ свое дѣло, если сложится въ нѣчто цѣлое, способное къ дѣйствію мѣстному, обезпечивающее въ тоже время текущій порядокъ дѣлъ. У насъ довольно много говорятъ, хотя мало пишутъ объ объединеніи земскаго самоуправленія. Но для такого объединенія, конечно, осмысленнаго, нужно прежде, чтобы мѣстная земская жизнь стала дѣйствительностью, что осуществится вполнѣ развѣ въ будущемъ поколѣніи. Пока наше земство не умѣетъ сладить съ своимъ уѣзднымъ дѣломъ, не для чего ему выступать передъ лицо свѣта. Можно думать, что всесословный земскій соборъ, созванный въ настоящее время верховною властью по старинному образцу, не принесъ бы плодовъ и не сталъ бы ни большимъ утѣшеніемъ для Россіи, ни особенно величавымъ зрѣлищемъ для Европы. «Довлѣетъ дневи злоба его». Мы думаемъ, однакожъ, что было бы справедливымъ и даже необходимымъ возвратить дворянству, въ лицѣ его губернскихъ съѣздовъ, право всеподданнѣйшее заявлять о желательныхъ измѣненіяхъ въ законахъ, устарѣвшихъ или почему либо несоотвѣтственныхъ, что почти всегда бываетъ гораздо виднѣе на мѣстѣ. Осторожное, но не стѣсняемое пользованіе этимъ высшимъ правомъ, давно уже принадлежавшимъ высшему русскому сословію по буквѣ закона, при потребной свободѣ взаимныхъ сношеній между собраніями, выработало бы практически, еще въ срокъ нынѣ живущаго поколѣнія, многія прикладныя стороны нашего законодательства и оказалось бы гораздо полезнѣе преждевременныхъ всероссійскихъ съѣздовъ.

Первая обязанность высшаго сословія, признаннаго государствомъ, есть военная и безплатная общественная служба. Въ этихъ двухъ видахъ личной повинности заключается весь политическій смыслъ сословія, каково бы ни было его происхожденіе. Права немыслимы безъ обязанностей даже въ кастѣ, выросшей изъ завоеванія, не только въ культурномъ дворянствѣ, созданномъ вер-

ховною властью прямо для пользы, которую оно могло и можетъ приносить государству и народу.

Занятія канцелярскія, низшія ступени вѣдомства, называемаго по-русски гражданскимъ, не облекающія лицо самостоятельною властью въ какихъ бы то ни было размѣрахъ, недавно еще мало входили въ кругъ дворянской дѣятельности и въ Европѣ и въ Россіи, особенно въ областяхъ, даже послѣ Петра Великаго. Этотъ разрядъ чиновниковъ пополнялся у насъ преимущественно приказными людьми, образовавшими почти наслѣдственное сословіе, постепенно приращавшееся притоками изъ духовенства; не смотря на относительную выгодность этой службы и на бѣдность мелкаго дворянства, лица высшаго сословія вступали въ нее не охотно. Отъ устья Тага до Камчатки, при всемъ глубокомъ различіи происхожденія и духа привилегированныхъ классовъ различныхъ странъ, низшая ступень гражданской службы, прозванная у насъ приказною, считалась занятіемъ не дворянскимъ. Само собою разумѣется, что мы говоримъ не о судѣ, только недавно выдѣленномъ у насъ изъ общаго гражданскаго вѣдомства. Въ этомъ послѣднемъ учрежденіи всѣ должности самостоятельны, а потому требуютъ непремѣнно людей перваго разбора. Вслѣдствіе того личный составъ судей, прокуроровъ и слѣдователей не только почерпался вездѣ въ высшемъ общественномъ слоѣ, но вызывалъ даже учрежденіе особаго судебнаго дворянства. Нашъ русскій судъ съ прокурорскимъ надзоромъ требуетъ привлеченія въ свои нѣдра лучшихъ силъ изо всей страны. Рѣчь идетъ только о письменномъ дѣлопроизводствѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи европейскія правительства, много разъ пытавшіяся привлечь дворянство къ торговлѣ, никогда не думали объ обращеніи хотя какой нибудь части его въ канцелярское чиновничество. Такое повсемѣстное устраненіе высшаго сословія отъ извѣстнаго вида государственной службы, выводившаго иногда людей очень высоко, во всякомъ

случаѣ необходимаго въ извѣстныхъ предѣлахъ и часто выгоднаго, должно имѣть какую нибудь общую, осмысленную причину, истекающую не изъ одного предразсудка,—и дѣйствительно оно имѣетъ ее. Такъ называемая приказная или канцелярская служба требуетъ, какъ и всякая другая, знанія дѣла и опытности, но она вовсе не требуетъ характера и личной самостоятельности, развиваемыхъ въ особенности наслѣдственно-политическими сословіями, — не требуетъ потому, что канцелярскій чиновникъ не начальствуетъ ни надъ кѣмъ, ни за кого лично не отвѣчаетъ, а работаетъ въ одиночку. Напротивъ, военная и общественная служба, не говоря о государственныхъ должностяхъ высшаго порядка, немыслима безъ этихъ именно дворянскихъ качествъ,—безъ умѣнія держать власть, безъ рѣшительности и уваженія къ себѣ, истекающихъ изъ высокаго мнѣнія о своей личности. Такія черты выражаются преимущественно въ высшемъ сословіи, почему высшее сословіе составляетъ необходимую потребность, составляло ее всегда и вездѣ, для земскаго самоуправленія, для суда и арміи, но не для низшихъ слоевъ гражданской службы. На свѣтѣ не бываетъ никакого общаго явленія безъ разумной причины. Въ нынѣшней Россіи низы гражданской службы, до тѣхъ ступеней на которыхъ начинается личная самостоятельность, могли бы оставаться въ тѣхъ же рукахъ, въ какихъ они были еще недавно, служить пристанищемъ многочисленному разряду старыхъ и новыхъ приказныхъ людей, безъ всякаго ущерба для нашей будущности; туда же будетъ направляться излишекъ притока свѣтскихъ подростковъ духовенства, не попавшихъ въ промышленную жизнь, пока въ составѣ церкви, на дѣлѣ, продолжается наслѣдственность. Но если раздѣленіе гражданскихъ занятій на два существенно отличные отдѣла—властный и канцелярскій, какъ всеобщее и вездѣ принятое, истекаетъ изъ смысла самаго дѣла, то ступени службы, предоставляемыя низшему чиновничеству, не слѣдуетъ и у насъ смѣ-

шивать съ высшими, облекающими лицо самостоятельною властью, какъ онѣ смѣшиваются нынѣ; ихъ слѣдуетъ строго разграничить на практикѣ, допускать только дѣйствительно отборныхъ людей снизу переступать эту черту, замѣстителей же высшихъ самостоятельныхъ должностей выбирать не изъ подростающаго мелкаго чиновничества, а изъ земскихъ дѣятелей. Даже въ такомъ случаѣ столичныя, если не областныя канцеляріи, все-таки останутся на долгій срокъ разсадникомъ большинства администраторовъ. Бюрократическій порядокъ сильно укоренился въ Россіи; онъ давно уже привлекъ и постоянно привлекаетъ въ свою среду лучшія общественныя силы; нѣтъ сомнѣнія, что въ нашей бюрократіи гораздо болѣе способныхъ людей, чѣмъ въ нашемъ обществѣ. Это очень понятно, такъ какъ учрежденія бюрократическія—дѣло вѣковое, земскія—вчерашнее; притомъ первыя гораздо выгоднѣе вторыхъ. Пока бюрократизмъ былъ единственнымъ видомъ управленія, пока онъ завѣдывалъ, безъ исключенія, всѣми явленіями русской жизни, онъ необходимо долженъ былъ разростись до крайности; но когда разъ общество вызвано къ самоуправленію, то бюрократіи необходимо приходится постепенно сокращаться и войти наконецъ въ подобающіе ей размѣры чисто-государственнаго управленія. Совмѣщеніе нынѣшней административной сѣти съ полнымъ развитіемъ земской жизни не только было бы несообразнымъ, оно—немыслимо, потому что у населенія не станетъ для этихъ двухъ потребностей разомъ ни вещественныхъ, ни личныхъ силъ. Довольно мудрено развить земское дѣло, забирая всѣхъ способныхъ людей въ коронную службу; довольно мудрено также, при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи землевладѣльцевъ, предложить способнымъ людямъ промѣнять содержащую ихъ (хотя часто безполезно) коронную службу на земскую. Надобно однако же видѣть, что съ продолженіемъ такого порядка русская общественная жизнь заглохнетъ на вѣки, не смотря ни на какія ли-

беральныя, формальности. Сколько бы мы ни шли такимъ путемъ, мы дойдемъ имъ лишь *до самостоятельности съ разрѣшенія ближайшаго начальства*, до формъ, а не до сущности самоуправленія, будемъ либерально управляемы канцеляріей, почерпающею свои вдохновенія хотя бы изъ самыхъ сводомыслящихъ, зачастую даже нигилистскихъ источниковъ, но безъ малѣйшей заботы о томъ, что намъ нужно и чего мы сами желаемъ. Довольно взглянуть на примѣръ современныхъ французовъ, не говоря уже о нашемъ собственномъ, для убѣжденія, что даже осадное положеніе менѣе сокрушительно для самостоятельнаго общественнаго развитія, чѣмъ канцелярскій либерализмъ. Если земская дѣятельность, отданная въ руки, на которыя правительство можетъ положиться, не будетъ отодвигать у насъ постепенно, но достаточно быстро, всепоглащающую бюрократію въ законно принадлежащіе ей предѣлы, то изъ этой дѣятельности ничего не выйдетъ; она обратится въ формальность, формальность станетъ рутиною и тогда уже будетъ слишкомъ трудно призвать къ жизни русское общество, разочарованное однажды въ своихъ надеждахъ и силахъ; намъ останется въ будущемъ единственный способъ развитія — если онъ для кого нибудь желателенъ — совершенствовать до безконечности свой канцелярскій механизмъ, переименовавыя и перетасовывая должности, по образцу квартета Крылова. Есть только два выхода изъ нынѣшняго положенія, и оба они, думаемъ, должны быть открыты одновременно:

1) Сокращать постепенно бюрократическія учрежденія до предѣловъ, соотвѣтствующихъ *современной* ихъ цѣли,—служить орудіемъ общегосударственныхъ заботъ и надзора за мѣстнымъ самоуправленіемъ,—обращая экономію отъ упраздненія излишнихъ гражданскихъ штатовъ, порожденныхъ отживающими нынѣ порядками, на потребности земства. Самостоятельныя земскія должности, безъ сомнѣнія, должны быть безплатными, въ томъ смыслѣ, чтобы

содержаніе ихъ не ложилось прямо на мѣстное населеніе; но пособіе имъ отъ государства, въ умѣренныхъ размѣрахъ, совершенно соотвѣтствовало бы духу самодержавно-народной монархіи, какова наша, въ которой культурное сословіе есть преимущественно сословіе служилое. Для правительства можетъ существовать только одинъ вопросъ: какой видъ службы этого сословія и въ какихъ именно размѣрахъ полезнѣе въ настоящее время: земскій или канцелярскій?—такъ какъ русскіе дворяне остаются въ одинаковой степени его слугами и въ земствѣ и въ бюрократіи. Безъ прямаго пособія отъ государства никогда нельзя будетъ вызвать къ земскому дѣлу достаточное число способныхъ людей изъ нашихъ канцелярій, въ которыхъ четыре чиновника дѣлаютъ то же самое, на что въ Европѣ считается достаточнымъ одинъ; а безъ этихъ способныхъ людей, отрываемыхъ нынѣ отъ почвы и отрываемыхъ, вдобавокъ, больше чѣмъ на половину совершенно безполезно, земское самоуправленіе не станетъ живымъ дѣломъ, не облегчитъ народнаго развитія, не снимаетъ съ правительственной власти заботъ, несоотвѣтствующихъ ея прямой задачи. Отдѣленіе части государственнаго бюджета на мѣстныя потребности сознается въ настоящую пору всѣми и испрашивается тысячами голосовъ; но открыть нужныя для того средства можно только постепеннымъ сокращеніемъ бюрократіи, замѣняемой новою, призванною къ дѣятельности общественною силою. Сокращеніе это необходимо въ трехъ отношеніяхъ—чтобы не обременять народъ излишними добавочными налогами, чтобы не отрывать отъ мѣстнаго самоуправленія слишкомъ много способныхъ людей, и чтобы не обращать государственной службы въ архивный складъ должностей и званій, утратившихъ свое значеніе.

2) Замѣщать высшія начальническія должности гражданской службы земскими дѣятелями, начиная пока хоть съ областныхъ. При такомъ порядкѣ земское самоуправленіе не только оживится,—

оно выйдетъ изъ нынѣшняго неподходящаго положенія, придающаго ему часто видъ какой то глухой оппозиціи противъ административной власти, оно сольется съ общимъ государственнымъ управленіемъ, не только по формѣ и по наружной связи опредѣляемой закономъ, а въ самомъ духѣ своемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ коронная администрація перейдетъ къ людямъ, изучившимъ общественныя потребности на самой почвѣ, а не на одной казенной бумагѣ, къ людямъ пріученнымъ всею жизнію къ самостоятельной и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственной дѣятельности, серіозно понимающимъ свои обязанности передъ правительствомъ въ качествѣ сознательныхъ его слугъ, а не механическихъ орудій. Со временемъ эти люди станутъ лучшимъ разсадникомъ и для государственныхъ должностей. Съ тѣмъ вмѣстѣ кончится у насъ всевластіе бюрократическое въ прямомъ и дурномъ значеніи этого слова— то положеніе дѣла, въ которомъ воля столоначальника, глядящаго на все на свѣтѣ съ своей канцелярской и формальной точки зрѣнія, зачастую перевѣшиваетъ мнѣніе государственнаго сановника и даетъ направленіе самымъ важнымъ дѣламъ. У насъ будутъ вырабатываться люди, а не чиновники. Но для этого нужно, прежде всего, чтобы земское дѣло перешло въ руки, на которыя власть могла бы положиться. Для возможности какого либо дѣйствительнаго развитія въ современной Россіи, земское самоуправленіе, властныя гражданскія должности, судъ и военная служба должны находиться, думаемъ, въ рукахъ узаконеннаго культурнаго сословія, конечно не исключительно, такъ какъ самое это сословіе не исключительное, но болѣе чѣмъ преимущественно.

ГЛАВА VI.

Земское самоуправленіе, требующее прежде всего независимаго положенія, есть прямое дѣло цензоваго дворянства. Нецензовое необходимо для войска. Если наша армія не будетъ обезпечена корпусомъ офицеровъ, въ большинствѣ дворянскимъ, проникнутымъ дворянскимъ духомъ, то лучше не тратиться на ея содержаніе.

Пока въ Европѣ дворянство было особымъ сословіемъ, каждый дворянинъ родился солдатомъ; такъ осталось и теперь въ странахъ, сохранившихъ это учрежденіе—въ Германіи и Австріи. Въ современной Франціи, не смотря на ея революціонныя преданія, офицеры изъ низшихъ сословій, называемые «les officiers troupiers», мало цѣнятся. Ихъ много, по недостатку въ другихъ, но въ нихъ также состояла съ 1815 года слабая сторона французской арміи; всѣ видѣли въ послѣднюю войну превосходство прусскаго дворянскаго корпуса офицеровъ. Наполеонъ III много заботился о привлеченіи въ армію офицеровъ изъ хорошо-воспитаннаго класса общества; но тамъ прошла мода на военную службу, а разсыпавшееся образованное общество стояло внѣ всякаго правительственнаго вліянія, даже чисто нравственнаго,—усилія власти остались безплодными. Очень трудно найти средство поправить французскую армію въ этомъ отношеніи: общеобязательная военная повинность не достигаетъ подобной цѣли, такъ какъ нельзя заставить никого служить далѣе положеннаго срока; общая повинность ставитъ въ армію только солдатъ, а не офицеровъ. Какъ извѣстно,

въ Англіи законное дворянство состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ перовъ; высшее же земское сословіе, которое можно назвать дворянствомъ по обычаю (въ огромномъ большинствѣ также по происхожденію),—землевладѣльцы—дѣлится, по первородству, между общественною и государственною службою. Старшіе братья, наслѣдники имѣній, служатъ обществу; у нихъ довольно дѣла дома, такъ какъ все областное управленіе Англіи, за исключеніемъ короннаго суда, лежитъ на ихъ рукахъ. Младшіе братья служатъ въ арміи, — конечно не всѣ: имъ не было бы мѣста; но англійскіе офицеры поголовно джентельмены, даже болѣе чѣмъ въ Пруссіи, хотя не всѣ они люди старинныхъ родовъ, такъ какъ высшее англійское сословіе давно уже обратилось изъ кастоваго учрежденія въ политическое. По единодушному отзыву британской арміи, недавно установленная замѣна патента (доказывавшаго въ извѣстной мѣрѣ общественное положеніе лица) экзаменомъ—несомнѣнно понизитъ ея боевое качество; патентъ почти всегда былъ порукою за образованіе, а экзаменъ никогда не станетъ ручательствомъ за чувство личнаго достоинства, въ которомъ заключается девяносто девять сотыхъ качества офицера *). Въ демократической Америкѣ офицеры—поголовно джентельмены, всѣ люди высшаго класса, также точно какъ въ Англіи. Они выходятъ исключительно изъ Уэстъ-Пойнтскаго военнаго училища, куда воспитанники принимаются не иначе, какъ по рекомендаціи депутатовъ государствен-

*) Замѣтимъ для читателей, мало знакомыхъ съ бывшею системою производства англійской арміи, что въ ней никогда не покупался чинъ, какъ многіе думаютъ у насъ: на производство имѣлъ право только старшій по спискамъ, какъ вездѣ; но онъ уплачивалъ опредѣленную сумму тому лицу, на мѣсто котораго поступалъ, когда оно очищалось, до чина подполковника. Такимъ образомъ покупка патента была не чѣмъ инымъ, какъ цензовымъ условіемъ извѣстнаго вида для производства офицера. Система эта, на которой два вѣка держалась англійская армія, постоянно побѣждавшая, соотвѣтствовала всему общественному складу Англіи, но была разрушена подъ впечатлѣніемъ послѣдняго успѣха пруссаковъ, сбившаго съ толку, въ военномъ отношеніи, не однихъ англичанъ.

наго конгресса; при такомъ условіи получаютъ эполеты, разумѣется, только сыновья хорошо-поставленныхъ семействъ. Чисто-джентельменскій составъ корпуса офицеровъ составляетъ основное преданіе американской республики, современное ея основанію. Создатель ея, Джорджъ Вашингтонъ, принимая начальство надъ первою арміей Соединенныхъ Штатовъ, постановилъ правиломъ: «Въ выборѣ офицеровъ надобно болѣе всего остерегаться, чтобы они не выходили изъ сословій, слишкомъ близкихъ къ тѣмъ, изъ которыхъ набираются солдаты. Іерархія сословій переходитъ изъ гражданской жизни въ военную. За исключеніемъ очевидныхъ заслугъ, надобно держаться правила, чтобы кандидатъ въ офицеры былъ непремѣнно джентельменъ, знающій правила чести и дорожащій своею репутаціей». (Histoire de Wasshington par C. de Witt, страница 109). Можно выразить эту мысль, составляющую краеугольный камень въ дѣлѣ военнаго устройства, еще сжатѣе: офицеры должны быть изъ властныхъ сословій — тогда только они съумѣютъ держать власть.

На свѣтѣ бывали примѣры побѣдоносныхъ демократическихъ армій, не заимствовавшихъ свой корпусъ офицеровъ изъ общественной іерархіи, но выростившихъ его изъ своей собственной среды, — только такія явленія происходили въ обстановкѣ совершенно исключительной, во время долгаго періода непрерывныхъ войнъ, когда армія становилась какъ-бы отдѣльнымъ народомъ и складывала свою домашнюю аристократію, по общему закону всѣхъ народовъ. Такова была армія Наполеона I, очень похожая своимъ внутреннимъ характеромъ на старинныя варварскія ополченія, грабившія Европу и жившія на счетъ покоренныхъ. Каждый наполеоновскій полковникъ, не только генералъ, получалъ титулъ и становился владѣтелемъ какого нибудь имѣнія, конфискованнаго въ Германіи, Италіи или Испаніи; каждый ротный командиръ властвовалъ надъ побѣжденными въ районѣ расположенія своей роты

какъ феодальный баронъ; даже каждый солдатъ пользовался частичкою правъ завоевателя и если былъ молодцомъ, то мѣтилъ въ эсаулы своей шайки; а во всякой насильствующей шайкѣ, какъ извѣстно, ведется строгая дисциплина; даже въ сборищахъ Разина и Пугачева эсаулы были начальниками строгими и несговорчивыми, держали низшихъ въ повиновеніи. Когда Наполеонъ говорилъ о превосходствѣ своихъ солдатъ, сознающихъ, что въ ранцѣ каждаго изъ нихъ лежитъ въ зародышѣ маршальскій жезлъ,—онъ былъ совершенно правъ въ примѣненіи къ созданной имъ, вѣчно бьющейся завоевательной ордѣ; то же самое могъ сказать и Чингисъ-ханъ. Но кромѣ того что подобныя отношенія не примѣнимы къ обыденному устройству армій и вовсе не желательны, потому что войско такого образца властвуетъ надъ своею страной такъ же жестко, какъ надъ странами завоеванными—по примѣръ этотъ, въ сущности, подтверждаетъ еще лишній разъ правило Вашингтона: когда армія вынуждена, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, создавать свою собственную аристократію, оставляемую потомъ въ наслѣдство общему государственному строю, значитъ — она не можетъ безъ нея обойтись; въ обстоятельствахъ обыкновенныхъ, лишающихъ ее силы такого внутренняго творчества, ей остается только одно: заимствовать свое высшее сословіе изъ іерархіи общественной.

Особый закалъ людей, образующихъ корпусъ офицеровъ,—закалъ властности и личной чести, развиваемый исторически-воспитаннымъ обществомъ, но преимущественно наслѣдственнымъ политическимъ сословіемъ, — совершенно необходимъ арміи по той простой причинѣ, что солдаты, даже самые дисциплинированные и обстрѣленные, никогда и нигдѣ не идутъ и не пойдутъ въ огонь сами собой,—у нихъ нѣтъ для того достаточно внутреннихъ побужденій; они только слѣдуютъ за своими офицерами. Извѣстное дѣло, что часть, въ которой офицеры перебиты, считается

выбывшею изъ строя, сколько бы ни оставалось въ ней солдатъ. Офицеры же смѣло смотрятъ въ глаза смерти потому, что въ хорошо подобранномъ и воспитанномъ корпусѣ офицеровъ нужно сто разъ больше храбрости для того, чтобы струсить, чѣмъ для того, чтобы лѣзть на самую явную гибель. Всякій человѣкъ невольно поддается чувству самохраненія, если имъ не владѣетъ чувство еще сильнѣйшее—вліяніе среды и неотступный вопросъ: какъ потомъ стать передъ нею? Такого настроенія нельзя развить въ толпѣ: оно возникаетъ только въ отборныхъ общественныхъ слояхъ. Фридрихъ Великій говорилъ, что бываетъ побѣдоноснымъ только то войско, въ которомъ солдатъ больше боится палки капрала, чѣмъ непріятельской пули. Палка замѣнилась теперь другими средствами, но вполнѣ сохранила свое аллегорическое значеніе: солдата ведетъ капралъ, капрала офицеръ, который служитъ необязательно; а потому боится только самого себя и мнѣнія своей среды; онъ исполняетъ при своей части обязанность механика при машинѣ, въ немъ заключается единственный источникъ нравственной силы войска. Оттого, для боеваго качества арміи, большинство офицеровъ въ мирное время, особенно же закваска всего офицерскаго корпуса—должны неизбѣжно исходить изъ высшаго историческаго сословія, богатаго или бѣднаго—это все равно, для котораго исполненіе долга есть свободная, но тѣмъ самымъ еще несравненно болѣе принудительная обязанность. Съ другой стороны, такъ какъ вся сила войска—въ офицерахъ, то, для связности, подчиненные имъ люди должны находиться въ нѣмомъ повиновеніи. Это называется военною дисциплиной. Неодолимое превосходство постоянной арміи надъ ополченіемъ состоитъ именно въ томъ, что въ первой отдѣльныя части—полки, баталіоны, роты—срощаются заблаговременно въ одно цѣлое, такъ что каждая часть представляетъ не сборъ людей, а можно-сказать единичное лицо своего начальника, обладающаго, какъ индѣйское

божество, нѣсколькими стами паръ вооруженныхъ рукъ; къ такой арміи остается лишь подобрать надежныхъ начальниковъ. Но осуществить подобное сращеніе, управляя справедливо нѣмыми подчиненными, могутъ вообще только люди, сызмала пріученные къ извѣстной долѣ власти и къ превосходству надъ толпою, — люди, въ которыхъ солдатъ видитъ также не своихъ равныхъ, а лица, къ которымъ онъ привыкъ относиться съ почтеніемъ еще въ родномъ селѣ. Не очень давно во всей русской арміи нижніе чины называли офицеровъ не иначе *господами*; они почитали ихъ въ мирное время, вѣрили имъ въ военное — именно въ качествѣ господъ, то есть людей высшаго общественнаго порядка, постояннаго, а не случайнаго; послѣдній не имѣетъ для русскаго простолюдина никакого обаянія. Наши офицеры всегда, въ послѣднюю войну какъ и прежде, оправдывали довѣріе: они шли впереди всѣхъ. Даже непріятели единогласно отдавали имъ эту справедливость. Въ мирное время русскіе сословные офицеры, какъ люди свыкшіеся съ своими правами, поддержанные мнѣніемъ своей среды, знали ясно мѣсто, принадлежащее имъ въ военной іерархіи, никогда не поддавались растлѣвающимъ напускнымъ мнѣніямъ извнѣ и твердо держали власть въ рукахъ; они были начальниками дѣйствительно *властными*, не боявшимися, при исполненіи долга, ни законной отвѣтственности предъ старшими, ни беззаконнаго неудовольствія между младшими — въ томъ и состоитъ суть хорошаго воспитанія войска. Оттого русская армія такъ твердо сращалась въ мирное время, что на войнѣ непріятель могъ ее осилить, если ему удавалось, но никогда не могъ ея разсѣять, какъ не разъ случалось съ другими европейскими войсками; наши полки, на три четверти истребленные, все-таки не разсыпались. Всякій знаетъ, что офицеры, воспитывавшіе такую армію, набирались въ огромномъ большинствѣ изъ бѣднаго дворянства, изъ той именно части дворянства, которое называется теперь не цензовымъ. Между ними

всегда находилось не мало офицеровъ изъ разныхъ сословій, но офицерская среда была средою существенно-дворянскою (конечно, въ русскомъ, а не во французскомъ или нѣмецкомъ значеніи этого названія); всѣ вступавшіе въ нее заквашивались въ ея духѣ и сами становились господами, даже въ глазахъ солдатъ, потому что принадлежали къ военному сословію господъ.

Многолѣтній опытъ кавказской арміи (единственной въ свѣтѣ, въ которой можно было расцѣнивать офицеровъ не приблизительно, а съ совершенною точностью, такъ какъ война ставила ихъ ежедневно лицомъ къ дѣлу) доказалъ, что лучшіе оберъ-офицеры въ большинствѣ выходили изъ бѣдныхъ, часто мало образованныхъ юнкеровъ, зачастую приходившихъ въ полкъ пѣшкомъ. Не смотря на нищенское положеніе, эти молодые люди, привыкшіе еще на своемъ хуторѣ рѣзко отличать себя отъ толпы, выказывали безстрашную отвагу въ бою и твердую волю въ командованіи; потершись нѣсколько лѣтъ въ рядахъ, они становились почти поголовно надежными начальниками на низшихъ ступеняхъ службы. Большинство ихъ, конечно, кончали карьеру на этихъ ступеняхъ,—но они были драгоцѣнны на нихъ; наиболѣе одаренные выходили впередъ и считались, на основаніи несомнѣннаго опыта, отличными полковыми командирами и генералами. Въ полку же изъ нихъ образовывалось офицерство сословное, связное, проникнутое военнымъ духомъ. Нѣсколько офицеровъ хорошаго общества, всегда находившихся въ кавказскихъ полкахъ, передавали этому обществу даже внѣшнюю шлифовку.

Въ настоящее время просвѣщеніе достаточно распространено въ Россіи, чтобы наша армія не подвергалась недостатку въ образованныхъ людяхъ тамъ, гдѣ они необходимы; но намъ грозитъ страшный недостатокъ, именно теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь—въ оберъ-офицерахъ, подобныхъ прежнимъ, безъ которыхъ число и наилучшее обученіе солдатъ обращаются въ нуль. Тутъ

дѣло далеко не въ одномъ образованіи и даже не собственно въ образованіи. Странно было бы мечтать о немедленномъ наполненіи русскаго корпуса офицеровъ исключительно-образованными людьми, во-первыхъ потому, что это невозможно; во-вторыхъ потому, что въ этомъ нѣтъ надобности; въ-третьихъ потому, что наши экзамены, какъ ихъ понимаетъ военная канцелярія, не ручаются даже за одинъ процентъ качества, потребнаго офицеру. Поставить русскую армію на ноги можно только—не говоря о многихъ нравственныхъ мѣрахъ—посредствомъ установленныхъ закономъ особыхъ правъ и обязанностей дворянства къ военной повинности. Въ послѣднемъ отношеніи дворянство нецензовое, какъ самое многочисленное, выступаетъ на первый планъ.

Отъ правильнаго рѣшенія этаго вопроса прямо зависитъ наше «быть или не быть». Для оцѣнки того что намъ нужно, надобно прежде взвѣсить то, что у насъ есть; надобно выслѣдить, въ чемъ разошлась въ послѣднія 12 лѣтъ армія тысячелѣтней русской монархіи съ арміей демократической американской республики, которой Вашингтонъ положилъ зарокомъ: охранять, какъ зѣницу ока, корпусъ своихъ офицеровъ-джентельменовъ.

Хваля́сь русскимъ солдатомъ, подъ именемъ котораго подразумѣвается вся армія (какъ это происходитъ въ обыденномъ разговорѣ), надобно не забывать, что русскій солдатъ осуществлялъ свой историческій типъ подъ предводительствомъ русскаго офицера; что солдаты, сами по себѣ, взятые отдѣльно, даже солдаты Цезаря или Суворова, представляютъ не болѣе какъ машину безъ механика, не только умственно, но нравственно. Русскій солдатъ, какъ матеріалъ, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ; но русское войско, при иныхъ условіяхъ командованія, можетъ и даже необходимо должно оказаться уже не тѣмъ, какимъ мы его знали. Въ мирное время военныя качества людей не обозначаются достаточно явственно, чтобы можно было подобрать годный

корпусъ офицеровъ посредствомъ единичной расцѣнки каждаго. Такого чуда не могъ бы осуществить даже Наполеонъ I, не только военная канцелярія, всегда недалеко уходящая въ пониманіи боевого дѣла отъ всякой иной канцеляріи.

Между тѣмъ, у насъ произошло слѣдующее явленіе:

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, соотвѣтствовавшихъ времени реформъ, ежегодная убыль въ офицерахъ, производимыхъ на прежнемъ основаніи, противъ штатнаго числа, составляла среднимъ числомъ слишкомъ 600 и доросла въ 1868 году до цифры 2.880. Для пополненія корпуса офицеровъ изъ другихъ источниковъ, сообразно съ новыми взглядами новаго военнаго управленія, званію юнкера, съ которымъ дворяне вступали въ полки,—званію, служившему главнымъ разсадникомъ нашего офицерства, придано было совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, значеніе. Мѣра эта имѣла чрезвычайную важность, такъ какъ число офицеровъ, производимыхъ изъ юнкеровъ, всегда далеко превышало у насъ итогъ выпускаемыхъ изъ военно-учебныхъ заведеній. Прежніе юнкера изъ дворянъ переименованы въ вольноопредѣляющіеся на равнѣ съ лицами другихъ сословій, а названіе юнкера перенесено исключительно на воспитанниковъ вновь учрежденныхъ юнкерскихъ школъ, изъ которыхъ долженъ впредь набираться нашъ корпусъ офицеровъ, школъ, наполняемыхъ теперь безсословными вольноопредѣляющимися, раздѣленными на три разряда по происхожденію и образованію; причемъ всѣмъ вольноопредѣляющимся низшихъ сословій значительно сокращенъ срокъ службы до производства. Такимъ образомъ, вмѣсто ценса по происхожденію и выслугѣ, къ которымъ прежде приравнивалось въ правахъ только высшее образованіе, для производства въ офицеры поставленъ преимущественно *цензъ по образованію*, довольно низкій, съ нѣкоторою привилегіей для высшихъ сословій въ срокахъ службы передъ прочими (конечно, только при не-

имѣнія учебнаго свидѣтельства, уравнивающаго, какъ и слѣдуетъ, всѣхъ безъ изъятія). Въ сущности и на практикѣ, это новое положеніе было коренною передѣлкою русской арміи: оно замѣнило прежній сословный составъ офицеровъ составомъ всесословнымъ, или, лучше сказать, безсословнымъ.

Нельзя говорить объ общественномъ дѣлѣ въ Россіи, составляющемъ предметъ нашихъ статей, не отдавая себѣ отчета въ прочности основъ, на которыхъ у насъ все покоится. Во внутреннемъ порядкѣ, представляемомъ строемъ самого общества, мы обезпечены неопредѣленнымъ срокомъ времени для своего правильнаго развитія. Въ порядкѣ внѣшнихъ дѣлъ, въ настоящую полосу времени, такая обезпеченность зависитъ лишь отъ совершенства военнаго устройства—для каждаго изъ членовъ европейской семьи безъ исключенія, а для нашего отечества еще гораздо больше чѣмъ для всякаго другого. Не смотря на блескъ нынѣшняго государственнаго положенія Россіи, мы все-таки чужіе въ Европѣ; она признаетъ и будетъ признавать наши права на столько лишь, на сколько мы дѣйствительно сильны. Кто этого не знаетъ?

Если бы новый законъ могъ установить производство офицеровъ по цензу *дѣйствительнаго* образованія, о послѣдствіяхъ его нечего было бы и говорить; русская армія обладала бы корпусомъ офицеровъ, лучше котораго нельзя желать. Во-первыхъ, большинство образованныхъ людей имѣетъ достаточно понятія о правилахъ чести и достаточно соревнованія, чтобы нести это званіе съ должнымъ достоинствомъ,—мы полагаемъ, что молодые люди, окончившіе гимназическій курсъ, какого бы происхожденія ни были, удовлетворяютъ такому условію; во-вторыхъ, въ Россіи нѣтъ другаго образованнаго сословія, кромѣ дворянства и очень крупнаго купечества, стало-быть—цензъ серьознаго экзамена давалъ бы арміи офицерство почти исключительно дво-

рянское. Цѣль была бы достигнута, съ какой точки зрѣнія на нее ни смотрѣть. Но затрудненіе въ томъ именно и состоитъ, что осуществить подобную цѣль въ современной Россіи—нельзя прямымъ и открытымъ путемъ. Какъ замѣчено выше, такое многочисленное сословіе, какъ офицерское, нигдѣ не можетъ быть создано искусственными средствами, кромѣ періодовъ чрезвычайно долгихъ войнъ, позволяющихъ арміи выростить изъ себя собственную аристократію; въ обыкновенное же время іерархія ея необходимо должна воспроизводить гражданскій строй общества, почерпая изъ него то, что въ немъ есть. Въ послѣдніе полтора вѣка образованные русскіе люди становились поголовно дворянами; оттого ихъ неоткуда взять покуда, иначе какъ изъ дворянства. Затѣмъ, даже малообразованные дворяне проникнуты достаточною историческою закваскою, чтобы стать если не хорошими генералами, то надежными оберъ-офицерами, какъ достаточно доказано опытомъ. Этого послѣдняго свойства нельзя искать въ другихъ сословіяхъ; оно является тамъ въ видѣ личнаго исключенія. Для достиженія цѣли, имѣвшейся въ виду у сторонниковъ послѣдняго преобразованія, т. е. созданія русскаго безсословнаго корпуса офицеровъ по цензу образованія, — надобно было понизить этотъ цензъ до такой степени, чтобы онъ не представлялъ препятствія никому, то-есть, говоря прямо обратить его въ нуль; иначе некого было бы производить. Но какъ подобное пониженіе отозвалось бы дурно въ ушахъ людей, наиболѣе сочувствовавшихъ военнымъ реформамъ и безсословности,—въ ушахъ нашей, такъ-называемой либеральной партіи,—то надо было это сдѣлать иначе, а именно—поставить такую требовательную программу, чтобы ей никто не могъ удовлетворить, а затѣмъ, по невозможности отказывать всѣмъ,—всѣхъ напротивъ, удовлетворять. Мы сейчасъ увидимъ, такъ ли это дѣлается въ дѣйствительности.

Вышедшая въ прошломъ году книга генерала Бобровскаго объ юнкерскихъ училищахъ, показываетъ слѣдующее.

Всесословные вольно-опредѣляющіеся принимаются въ войска по экзамену; но эти вольно-опредѣляющіеся, присылаемые въ юнкерскія училища, — слѣдовательно лучшіе, — всѣ слабы въ русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ, а многіе изъ нихъ не знаютъ дѣйствій надъ простыми числами, не умѣютъ написать простой дроби, не могутъ разсказать прочитаннаго въ книгѣ два и три раза предложенія. Иные отвѣчаютъ, что Петербургъ — рѣка, впадающая въ Каспійское море, и т. д.

О нравственности всесословныхъ вольноопредѣляющихся, по крайней мѣрѣ многихъ изъ нихъ, даже поступившихъ въ юнкерскія училища, оффиціозная книга отзывается, что выдающіеся ихъ недостатки состоятъ въ отсутствіи сознанія собственнаго достоинства, въ изворотливой робости, неоткровенности, пьянствѣ, плутовскихъ продѣлкахъ разнаго рода и готовности пользоваться плохо-положеннымъ.

Объ ихъ знаніи службы говорится, что они не выучиваются ходить въ ногу, не знаютъ ни боевъ, ни сигналовъ, ни даже первыхъ началъ рекрутской школы; что въ кавалеріи они не умѣютъ подойти къ лошади; что *воспитанники*, прослуживніе предварительно нѣсколько лѣтъ въ канцеляріяхъ, не умѣютъ взяться за ружье.

Книга объясняетъ, что дѣти потомственныхъ дворянъ отличаются тѣмъ благороднымъ и приличнымъ отпечаткомъ, который всегда бываетъ слѣдствіемъ болѣе утонченнаго домашняго воспитанія. Это разумѣется само-собою, но число дворянъ-юнкеровъ рѣдѣетъ до крайности, какъ видно изъ слѣдующаго.

Сыновей хорошихъ семействъ, поступавшихъ прежде юнкерами, теперь вовсе нѣтъ. По признанію автора, теперь очень изрѣдка мелькнетъ между юнкерами какой нибудь блудный сынъ помѣщика или зажиточнаго купца, прервавшій свое воспитаніе и неимѣющій

возможности возобновить его ни въ какомъ общеобразовательномъ заведеніи. Кончившихъ курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ 1872 году было только 82 человѣка на 7,000 слишкомъ — 1,17%. Въ томъ же году, изъ числа вольноопредѣляющихся, служившіе по первому разряду, то есть потомственные дворяне, вмѣстѣ съ другими приравненными къ нимъ по закону лицами, составляли только 27%, съ выключенными изъ военныхъ училищъ можетъ быть до 30%. Въ цифрѣ дворянъ, приходившихся на эти 30% (что не показано) было, вѣроятно, достаточное число польскихъ — не пановъ, которымъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ открыть настежъ двери военной службы — а шляхтичей понадѣланныхъ въ недавнее время фабриками фальшивыхъ дипломовъ, охотно поступающихъ, за неимѣніемъ полковой вакансіи, въ трактирные маркеры. Сколько же осталось русскихъ дворянъ? Надобно помнить, притомъ, что и эта горстка дворянъ за исключеніемъ 82-хъ человѣкъ, состояла изъ мальчиковъ, не окончившихъ никакого курса, или даже нигдѣ не учившихся. Остальные вольноопредѣляющіеся, а слѣдовательно и юнкера окружныхъ училищъ — нынѣшняго разсадника нашихъ офицеровъ, дѣлятся на два разряда: одни — дѣти разночинцевъ, мѣщанъ и церковныхъ причетниковъ, возвратившіеся вспять отъ премудрости низшихъ классовъ уѣздныхъ и духовныхъ училищъ; другіе — писаря и фельдшера военнаго вѣдомства, число которыхъ въ трехъ юнкерскихъ училищахъ превышаетъ уже 30%. Не мудрено, что этотъ осадокъ всѣхъ сословій, настоящій фризовый пролетаріатъ, поступающій въ военную службу, можно сказать съ-горя, отличается качествами, никогда не отличавшими ни одно изъ русскихъ сословій отдѣльно взятое — изворотливое робостью и охотою пользоваться плохо-положеннымъ.

Что же дѣлать юнкерскимъ училищамъ со всесословными вольноопредѣляющимися, зачастную отмѣченными изворотливою ро-

бостью, не умѣющими взяться за ружье и полагающими, что Петербургъ есть рѣка? Какъ надѣяться приготовить изъ нихъ въ двѣ зимы офицеровъ, соотвѣтствующихъ своему званію? На этотъ вопросъ приводимая нами книга отвѣчаетъ совершенно удовлетворительно: «Если бы юнкерскія училища требовали отъ поступающихъ строгаго выполненія всѣхъ условій, то онѣ могли бы принять одну четверть, т. е. тремъ четвертямъ должно бы закрыть двери училища. Учебнымъ комитетамъ приходится снисходительно относиться къ неудовлетворительной подготовкѣ весьма многихъ, вслѣдствіе *значительнаго числа свободныхъ вакансій*».

Затѣмъ начинается въ училищахъ систематическое воспитаніе будущихъ безсословныхъ офицеровъ, на которое посвящается два зимнихъ курса — одинъ общеобразовательный, а другой преимущественно спеціально — военный. Такимъ образомъ, общее образованіе въ сущности довершается въ одну зиму, въ теченіе которой этимъ молодымъ людямъ, не умѣющимъ разсказать прочитанное три раза въ книгѣ простое предложеніе, преподается 15 предметовъ, въ томъ числѣ сравнительная анатомія и физіологія (для правильной пригонки аммуниціи), иппологія (для умѣнія водить лошадей на водопой), гигіена (вѣроятно для надзора надъ вентиляціей крестьянскихъ избъ, въ которыхъ разбросаны солдаты), педагогія (для преподаванія въ полковыхъ школахъ), общее законодательство съ приложеніемъ устава для мировыхъ судей, военная администрація (въ которой изъ юнкеровъ больше всѣхъ преуспѣваютъ военные писаря) и проч. Досихъ поръ въ Россіи не было ни одного главнокомандующаго, знавшаго всѣ эти науки. Кажется, система преподаванія въ юнкерскихъ училищахъ приложена къ системѣ военныхъ гимназій—и съ тѣми же результатами. Изъ общеобразовательнаго курса юнкера переходятъ въ спеціально-военный; но, къ сожалѣнію, этотъ послѣдній не вѣнчаетъ достойнымъ образомъ учености, пріобрѣтенной въ первомъ, такъ какъ,

по признанію книги, хотя портупей-юнкера (кандидаты въ офицеры) выходятъ изъ училища плохо-знающими русскую грамматику, слабыми въ ариѳметикѣ и географіи, но они оказываются всего слабѣе въ *практическомъ знаніи военныхъ предметовъ.*

Въ прошломъ году «Московскія Вѣдомости» (№№ 300 и 301) разоблачили своею опытною рукою подобную систему преподаванія и показали, что единственное послѣдствіе ея есть бросаніе казенныхъ денегъ въ воду. Дѣйствительно, можно сказать, нисколько не нарушая почтенія къ военному управленію, что такимъ образомъ обыкновенно обучаютъ попугаевъ, а не людей. И попугай можетъ заучить фразу изъ иппологіи или сравнительной анатоміи; только эта фраза не будетъ имѣть никакого отношенія къ его собственному сознанію. Но «Московскія Вѣдомости» разбирали дѣло съ одной педагогической точки зрѣнія, а дѣло это имѣетъ въ сущности смыслъ гораздо обширнѣйшій — смыслъ, который можно выразить двумя словами: «по Калинѣ или по Днѣпрѣ?»

Это либеральное преобразованіе, соотвѣтствующее всѣмъ прочимъ преобразованіямъ военной бюрократіи съ 1862 года, называется въ теоріи «подборомъ корпуса офицеровъ по цензу образованія». На дѣлѣ же оно оказывается, по крайней мѣрѣ въ значительной степени, подборомъ офицеровъ изъ робко-изворотливыхъ писарей, не умѣющихъ взять ружья въ руки. Надобно помнить, что этихъ послѣднихъ находилось уже въ 1872 г. свыше 30% въ трехъ юнкерскихъ училищахъ, между тѣмъ какъ число вольноопредѣляющихся изъ дворянъ сокращается до такой степени, что въ училищахъ, куда имъ легче поступать, чѣмъ другимъ группамъ, число это упало относительно, съ 1869 года по 1872, на 24%. Притомъ эти вольноопредѣляющіеся изъ дворянъ, какъ мы видѣли, принадлежатъ, за немногими исключеніями, къ осадкамъ сословія, къ личностямъ, которымъ закрыта всякая другая дорога. Внѣ гвардіи нѣтъ больше и помина объ образованныхъ юнкерахъ

хорошихъ семействъ, которыхъ такъ много встрѣчалось въ прежнихъ полкахъ. Вслѣдствіе старыхъ порядковъ, большинство офицеровъ нашей арміи до сихъ поръ—дворяне, такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ «Инвалидъ». Но мы очевидно идемъ къ тому близкому будущему, когда не только большинство, но даже поглащающее большинство русскихъ офицеровъ будетъ состоять изъ писарей, дополненныхъ изгнанными семинаристами, убоявшимися бездны премудрости.

Въ прежней русской арміи не было слышно ни объ одномъ офицерѣ изъ писарей; ихъ производили въ классный чинъ, но не давали имъ эполетъ. Генералъ Бобровскій говоритъ о разныхъ недостаткахъ писарской корпораціи въ юнкерскихъ училищахъ; можно дѣйствительно думать, что въ писарской корпораціи есть нѣкоторые недостатки. Военныхъ писарей, по духу, давно заведшемуся между этими людьми, презиралъ и презираетъ каждый солдатъ; но они привыкли рыться въ Сводѣ Законовъ, а потому преуспѣваютъ въ военной администраціи, —царицѣ наукъ нынѣшнихъ военныхъ курсовъ,—и становятся на первомъ планѣ.

Возможно ли оставаться въ такомъ положеніи и съ такимъ руководствомъ дѣла? Писаря и выгнанные семинаристы не только не поведутъ солдатъ въ бой,—объ этомъ нечего и говорить,—но они еще до боя совсѣмъ расклеятъ армію въ ея внутреннемъ составѣ, сдѣлаютъ ее неспособною къ бою. Если часть, въ которой всѣ офицеры перебиты, не можетъ идти въ огонь, то часть съ подобными офицерами не можетъ драться еще въ несравненно большей степени. При отсутствіи офицеровъ, хорошій фельдфебель, пожалуй, рѣшится еще на что нибудь—такіе примѣры бывали; но подъ начальствомъ робко-изворотливаго писаря, даже унтеръ-офицеры парализованы. Начальники такого подбора могутъ быть, конечно, наряжены въ офицерскій мундиръ, какъ и во всякое другое платье,

но они не могутъ командовать войскомъ ни въ боевое, ни даже въ мирное время.

Изъ распоряженій военнаго вѣдомства нисколько не видно, чтобы нравственный вопросъ объ офицерахъ считался серьезнымъ дѣломъ. Положеніе объ общей военной повинности также не имѣетъ его въ виду. Для канцеляріи, очевидно, такой вопросъ не существуетъ; она пополнила вышеприведенными средствами некомплектъ, оказавшійся въ офицерскомъ составѣ — чегожъ еще надо? Кромѣ того, наборъ офицеровъ по *цензу образованія* — мѣра либеральная; а наши военныя канцеляріи, какъ извѣстно, налиберальнѣйшія изо всѣхъ учрежденій имперіи. Иностранные офицеры не хотятъ вѣрить этому факту, на томъ основаніи, будто бы, что военное управленіе не можетъ быть ни либеральнымъ, ни консервативнымъ, такъ какъ оно — военное, стоящее испоконъ вѣку на однѣхъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ началахъ; но они забываютъ, что дѣло идетъ о бюрократіи, которая въ дѣйствительности военною никогда стать не можетъ. Соединеніе либеральнаго направленія въ русскомъ журнальномъ смыслѣ съ канцелярскимъ взглядомъ, для котораго существуютъ только списки, а не живые люди, привело насъ къ вышеозначеннымъ послѣдствіямъ. Вотъ какимъ образомъ чиноначаліе войска русской монархіи разошлось съ 1862 г. съ чиноначаліемъ демократической Америки и съ мнѣніемъ великаго республиканца Вашингтона.

Мы повторяемъ: въ отношеніи корпуса офицеровъ русская армія не находится еще, можетъ быть, въ дурномъ положеніи; но, по нашему мнѣнію, если продлится нынѣшняя система производства и если въ новой всеобщей военной повинности русское дворянство, какъ государственное служилое сословіе, не будетъ поставлено въ исключительное, строго-обязательное, но никакъ не всесословное отношеніе къ арміи, то мы неизбѣжно придемъ къ такому положенію въ близкомъ будущемъ.

Единственное объясненіе нововведеннаго безсословнаго состава офицеровъ, неоправдывающихъ себя никакимъ качествомъ — необходимость пополнить некомплектъ, образовавшійся вслѣдствіе постепеннаго устраненія дворянства отъ военной службы — ничего не объясняетъ. Въ самодержавномъ русскомъ государствѣ дворянство, сохраняющее свое мѣсто, не можетъ уклоняться отъ воли Монарха — это небылица. Дворянство осталось въ гвардіи потому, что гвардія также осталась почти тѣмъ же, чѣмъ была. То же самое оказывается во многихъ кавалерійскихъ полкахъ, потому что наша кавалерія имѣетъ свое отдѣльное *военное* начальство, высвобождающее ее нѣсколько изъ-подъ произвола бюрократіи. Въ настоящей же арміи произошло другое. Дворянство никогда отъ нея не устранялось, но оно было устранено рядомъ бюрократическихъ мѣръ, лишившихъ строевую службу ея прежняго, всемірнаго характера, — мѣръ въ томъ же духѣ, который внушилъ потомъ обращеніе массою писарей въ офицеровъ.

Причина, по которой русское дворянство, недавно еще служившее въ арміи почти поголовно, стало отъ нея отстраняться, объяснена нами косвенно, выше, въ разсужденіи о приказной службѣ. Никакое дворянство въ свѣтѣ не считало *своимъ* дѣломъ службу на низшихъ канцелярскихъ ступеняхъ, требующую отъ лица качествъ почти противоположныхъ тѣмъ, въ которыхъ состоятъ сила и значеніе высшаго государственнаго сословія. Въ канцелярскомъ чиновникѣ характеръ и самостоятельность не ставятся ни во что: онъ расцѣнивается исключительно съ точки зрѣнія мелочной аккуратности и знанія письменнаго дѣлопроизводства. Въ этомъ отношеніи каждый военный писарь, привыкшій рыться въ Сводѣ, перещеголяетъ самаго даровитаго, характернаго и образованнаго человѣка высшихъ слоевъ, — человѣка, изъ котораго могъ бы выйти современемъ, пожалуй, побѣдоносный главнокомандующій. Въ каждомъ подраздѣленіи общественной дѣятельности нужны свои,

а не чужія свойства: лавочный приказщикъ тщеславится умѣньемъ зазывать покупателей, дьяконъ—своимъ голосомъ, писарь — знаніемъ указнаго дѣлопроизводства; все это качества несомнѣнно нужныя для одного званія, но вовсе не лѣстныя для другого. Не многіе изъ насъ захотятъ поставить себя подъ расцѣнку по голосу, подобно дьякону. Для молодого человѣка съ порядочнымъ общественнымъ положеніемъ вовсе не желательно быть судимымъ, въ теченіе лучшихъ лѣтъ своей жизни, съ единственной точки зрѣнія канцелярской исправности, наравнѣ съ писаремъ; для молодого хуторскаго дворянина такое состязаніе съ военнымъ писаремъ даже невозможно: при нынѣшнихъ порядкахъ послѣдній перещеголяетъ его, оставитъ его въ тѣни, какъ офицера недостаточно исправнаго и полезнаго. Первый изъ названныхъ нами молодыхъ людей не хочетъ, второй не можетъ разсчитывать на успѣхъ такого поприща, а въ концѣ-концовъ выходитъ, что съ нѣкотораго времени русское дворянство поступаетъ въ армію только изъ крайности.

Кромѣ нѣсколькихъ другихъ условій, которыя мы перечислимъ ниже, главнѣйшая причина видимаго нынѣ устраненія дворянства отъ службы въ арміи именно эта — преобладаніе бюрократическихъ требованій, въѣвшееся въ наше войско съ 1862 года, никогда и нигдѣ еще не виданное, обращающее званіе офицера, особенно же ротнаго командира, въ канцелярское болѣе чѣмъ военное. Какъ неоднократно уже говорилось въ нашей газетѣ, для прекращенія нѣкоторыхъ безпорядковъ въ военно-хозяйственной части (въ дѣйствительности очень мелкихъ), военное управленіе прибѣгло не къ основнымъ мѣрамъ—не къ упраздненію солдатской работы по внутреннему полковому хозяйству и не къ приведенію въ точное соотвѣтстіе отпуска съ потребностью, а ввело непомѣрную, ничего недоказывающую и ни отъ чего неограждающую письменную отчетность въ частяхъ. Ротный командиръ съ

его 17-ю и болѣе шнуровыми книгами обратился изъ строевого начальника въ бухгалтера, полковое управленіе—въ гражданскій департаментъ, вслѣдствіе чего офицеры-писаки и счетчики стали въ арміи на первое мѣсто и совершенно заслонили боевыхъ. Кромѣ спеціальныхъ частей, надъ которыми сохраняются особыя военныя инспекціи, старающіяся всѣми силами поддерживать въ частяхъ боевое начало, во всѣхъ остальныхъ, т. е. почти во всей арміи, находящейся безконтрольно подъ рукой военной бюрократіи, строевые офицеры цѣнятся не только преимущественно, но можно сказать исключительно по ихъ письменной способности. Есть округа, въ которыхъ не признается никакой другой оцѣнки офицеровъ. Опытъ доказываетъ наглядно несовмѣстимость въ одномъ человѣкѣ двухъ душъ — строевой и письменной, или, говоря иначе, военной и канцелярской, невозможность соединить въ полку эти два элемента, не жертвуя однимъ другому. Немудрено, что многія окружныя юнкерскія училища приготовляютъ теперь къ офицерскому званію свыше 30% военныхъ писарей. При нынѣ существующихъ порядкахъ, эти офицеры-писаря, не смотря на свою очевидную несостоятельность во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, оказываются первою необходимостью для полковъ, становятся людьми дня. Какъ же русскому дворянству вступать въ невозможное соперничество съ ними по знанію табелей и положеній, по умѣнію составлять рапортички, по безмолвной покорности прихотямъ письменнаго начальства, по равнодушію къ требованіямъ настоящей строевой службы и дисциплины, отошедшимъ далеко на задній планъ? Кромѣ того, методическое обученіе грамотѣ солдатъ поставлено также въ одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ офицеру, для чего въ юнкерскія училища введенъ курсъ педагогіи. Въ этомъ отношеніи также, прилежный писарь всегда перещеголяетъ молодаго дворянина, и свѣтскаго, и хуторскаго. Замѣтимъ мимоходомъ, что хотя обученіе грамотѣ въ войскахъ — дѣло по-

лезное, но никакъ нельзя смѣшивать качествъ школьнаго учителя съ качествомъ боеваго офицера. Если есть еще люди, вѣрующіе афоризму, что прусскія побѣды одержалъ школьный учитель, то никто не повѣритъ, чтобы пруссаки могли побѣждать подъ начальствомъ этихъ самыхъ школьныхъ учителей. Въ сущности оказывается, что нынѣшняго армейскаго офицера цѣнятъ преимущественно по свойствамъ, можетъ быть и полезнымъ, но чуждымъ его прямому званію и его воспитанію. Очень понятно, что высшее сословіе не идетъ охотно на конкурренцію, въ которой его прирожденныя качества, тѣ именно, которыми оно сильно, имѣютъ мало значенія.

Кромѣ этой основной причины устраненія русскаго культурнаго сословія отъ службы въ арміи въ послѣдніе годы, существуютъ еще многія другія, достаточно уважительныя и явныя причины, снимающія съ него въ значительной степени отвѣтственность за кажущееся равнодушіе къ первой изъ своихъ обязанностей. Объ этомъ предметѣ было достаточно рѣчей, во время засѣданія военныхъ коммиссій; потому мы не станемъ разбирать его подробно, а укажемъ только для памяти главные факты. Нынѣшній армейскій офицеръ, кромѣ особенныхъ исключеній, не имѣетъ передъ собой карьеры, такъ какъ почти всѣ начальствующія лица не выростаютъ изъ арміи, а приходятъ въ нее извнѣ. Прежде одни офицеры гвардіи, въ силу своей привилегіи въ чинахъ, садились на голову армейскимъ—это было вредно; теперь же разсадникомъ начальства служитъ и генеральный штабъ (что было бы справедливо, если бы этотъ штабъ не былъ выдѣленъ въ особую нестроевую корпорацію), и вся безчисленная военная администртція, такъ что назначеніе армейскимъ командиромъ гвардейскаго офицера стало изъ вреднаго, какимъ было прежде, относительно полезнымъ, отбивая вакансію у какого нибудь столоначальника, еслибъ послѣднему вздумалось снизойти до строевой должности.

Затѣмъ званіе полковаго командира, стоявшее прежде очень высоко, теперь уже никого не прельщаетъ: какое значеніе имѣетъ полковой командиръ въ военномъ вѣдомствѣ, когда каждый начальникъ отдѣленія военныхъ канцелярій — генералъ, каждый столоначальникъ—полковникъ, и притомъ стоящій гораздо больше на виду, скорѣе подвигающійся въ службѣ, пользующійся значительно высшимъ содержаніемъ? Въ военной бюрократіи смѣются надъ людьми, имѣющими простоту переходить во фронтъ, хотя бы въ начальническія должности. Разумѣется, съ пониженіемъ званія командира на столько же понизилось и званіе подчиненнаго ему офицера, не имѣющее теперь никакого значенія, ни въ обществѣ, ни даже въ глазахъ его собственнаго высшаго начальства. Вниманіе бюрократическихъ управленій, между которыми подѣлено командованіе арміей, обращено преимущественно на своихъ же несчетныхъ сотрудниковъ, на свои хозяйственныя вѣдомства. Что значитъ для нихъ строевой офицеръ? Кромѣ того, при размноженіи военной бюрократіи въ такой степени какъ она размножилась съ 1862 года, въ числѣ, личномъ значеніи и стоимости, могло ли остаться много вещественныхъ средствъ на содержаніе армейскихъ офицеровъ? Содержаніе это было повышаемо, но далеко не соотвѣтственно чрезвычайному вздорожанію жизни, такъ что въ дѣйствительности офицеръ получаетъ теперь меньше чѣмъ получалъ прежде *). Мы не перечисляемъ общихъ недостатковъ, су-

*) Если бы можно было вывести стоимость каждаго мелочнаго распоряженія нашего военнаго управленія и каждаго ружья, не по цѣнѣ бумаги и чернилъ, и не по деньгамъ, уплачиваемымъ оружейному фабриканту, а по общему расходу на административный механизмъ, употребляемый для написанія этой бумаги и для заказа ружья,—добытая цифра оказалась бы баснословною. Къ сожалѣнію, такую работу можетъ совершить не частный человѣкъ, а только сама же администрація, которая, конечно, никогда ее не предприметъ. Въ этомъ отношеніи не помогутъ никакія повѣрочныя коммиссіи. Для избавленія русской арміи отъ такого непосильнаго и непроизводительнаго бремени, остается въ будущемъ только одно средство: взять военно-административные штаты какого либо экономнаго

ществующихъ по нашему мнѣнію въ нынѣ дѣйствующей военной системѣ, и говоримъ лишь о личномъ положеніи офицера. Въ этомъ отношеніи съ 1862 года произошло коренное измѣненіе, которое можно выразить немногими словами: армія и военная бюрократія помѣнялись мѣстами — бюрократія выдвинулась на первый планъ, армія отошла на второй планъ. Очень естественно, что большинство людей, желающихъ устроиться на службѣ и пользующихся какими либо преимуществами— способностью, знаніемъ, ловкостью, покровительствомъ — устремилось въ бюрократію, и арміи остался одинъ оборышъ. Этотъ приливъ людей не улучшилъ военную администрацію, потому что единственное улучшеніе ея можетъ состоять только въ упрощеніи, въ наложеніи на каждаго дѣйствователя личной отвѣтственности, чему усложненіе механизма явно противорѣчитъ; но оно чрезвычайно ослабило армію, не говоря о другихъ причинахъ, долженствовавшихъ понизить ея нравственный уровень подъ бюрократическимъ управленіемъ. Немудрено, что на званіе армейскаго офицера осталось нынѣ мало охотниковъ между людьми, имѣющими доступъ къ чему нибудь другому. Замѣна прежняго сословнаго состава офицеровъ безсословнымъ, неудовлетворяющимъ никакому цензу, ни въ какомъ отношеніи, безъ сомнѣнія

государства и ввести ихъ у насъ, на первый разъ буквально, не требуя отъ отдѣльныхъ вѣдомствъ и строевыхъ частей переписки и отчетности свыше тѣхъ, какія требуются, положимъ, въ Пруссіи. Исключеніе можетъ быть допущено только въ средѣ практической дѣятельности, для хозяйственныхъ коммиссіонеровъ, закупщиковъ и проч., такъ какъ тутъ дѣйствительно оказываются иныя мѣстныя условія; но для написанія канцелярской бумаги и сведенія счета требуется столько же труда и времени въ Пруссіи, какъ и въ Россіи. Пусть это буквальное подражаніе заключитъ подражательный періодъ нашей исторіи; оно будетъ полезнѣе многихъ другихъ. Безъ такого удара по Гордіеву узлу правительство никогда его не распутаетъ, не заставитъ тысячи людей искренно трудиться надъ преобразованіемъ, противорѣчащимъ ихъ прямымъ пользамъ; а между тѣмъ у государства видимо не станетъ средствъ на содержаніе разомъ двухъ армій—боевой и арміи мирныхъ воителей.

раздвинула еще болѣе промежутокъ, образовавшійся постепенно между русскимъ культурнымъ слоемъ и арміей.

Въ тоже время относительное положеніе нашего дворянства было глубоко потрясено преобразованіемъ 1861 года и рядомъ послѣдовавшихъ за нимъ мѣръ,—потрясено и въ общественномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Съ одной стороны дворянство почти утратило свое прежнее, явно очерченное мѣсто въ государственномъ строѣ, что не могло не отозваться въ извѣстной мѣрѣ на понятіяхъ его о служебной обязанности и о сродной ему карьерѣ; съ другой — имущественныя средства большинства значительно понизились, а военное дѣло вознаграждаетъ людей вещественно очень недостаточно—приманка его заключается совсѣмъ въ другомъ. Вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ, взятыхъ вмѣстѣ, число дворянъ, посвящающихъ себя военной службѣ, должно было необходимо оскудѣть у насъ. Еслибъ вліяніе такихъ условій обнаружилось у нашихъ занѣманскихъ сосѣдей, прусское юнкерство, составляющее всю силу побѣдоноснаго войска новой имперіи, которую оно сложило, можно сказать, своими руками, отшатнулось бы отъ арміи еще скорѣе и полнѣе, а главное сознательнѣе, какъ это произошло во Франціи. У насъ же оказался не разрывъ, а только временное охлажденіе. Тѣмъ не менѣе, дѣло не можетъ оставаться въ настоящемъ положеніи. Солдаты безъ офицеровъ вовсе не составляютъ силы, а дать офицеровъ русской арміи можетъ только дворянство, никакъ не юнкерскія училища, наполняемыя писарями и исключенными семинаристами.

Наше спасеніе заключается въ просторѣ, предоставляемомъ закономъ о всесословной военной повинности; но для такой цѣли нужны новыя постановленія. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ недавно вышедшій законъ, составленный въ духѣ всѣхъ прочихъ военныхъ преобразованій системы 1862 года, никакъ не спасетъ насъ, потому что содѣлаетъ возвратъ къ естественному, еди-

ственно-возможному и надежному іерархическому устройству русской арміи еще затруднительнѣе.

Всесословная военная повинность нужна была нашему отечеству какъ возстановленіе государственнаго права въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ безъ изъятія, но не какъ вещественная потребность; она никогда не можетъ стать вещественною потребностью въ громадномъ государствѣ, имѣющемъ возможность поставить подъ ружье, посредствомъ *всякаго* закона о наборѣ, большее число людей, чѣмъ ему нужно. Маленькая Пруссія выросла силою всесословной службы; но, обратившись въ Германію, она удержала только *право* ставить подъ ружье всѣхъ, въ дѣйствительности же не пользуется и не можетъ имъ пользоваться. Въ 1856 году у насъ состояло въ распоряженіи военнаго вѣдомства 2.600,000 человѣкъ; развѣ можетъ когда либо явиться потребность въ числѣ солдатъ еще высшемъ? Стало-быть *вещественно* прежній законъ о наборѣ вполнѣ удовлетворялъ нуждамъ государства. Надобно было покончить, ради справедливости, съ вопіющими исключеніями сословными и племенными, но въ тоже время не было повода смотрѣть на новыя положенія иначе какъ съ этой точки зрѣнія. По нашему мнѣнію, въ Россіи ничто не вызываетъ необходимости призывать каждаго, внѣ дворянства, къ лично-обязательной службѣ, воспрещая покупку зачетныхъ квитанцій, такъ какъ у насъ никакъ не можетъ оказаться недостатка въ солдатахъ; Пруссія удержала такой законъ, какъ существующій, но, по всей вѣроятности, не создавала бы его вновь для многолюдной Германской имперіи, еслибъ его прежде не было. *Положительное* значеніе новой военной повинности, внѣ вопроса о правѣ, можетъ состоять у насъ въ томъ лишь, чтобы пополнять посредствомъ ея русскую армію офицерами. Кажется, въ этихъ видахъ исключительно военное вѣдомство желало безусловно обязательной личной службы; какъ ни успокоиваться на бумажныхъ спискахъ, а

угрожающій намъ составъ офицерства изъ однихъ писарей рѣжетъ глаза всякому. Но только избранный для того путь не можетъ привести къ цѣли ни въ какой степени. При всесословности можно заставить всякаго, на кого упадетъ жребій, прослужить извѣстный срокъ нижнимъ чиномъ, но нельзя никого обязать оставаться строевымъ офицеромъ въ мирное время, а вся сила арміи — именно въ строевыхъ офицерахъ мирнаго времени; безъ нихъ она не станетъ ни кадромъ, ни школой, а останется только расходомъ. Извѣстными мѣрами очень легко принудить молодыхъ людей высшаго сословія дослуживаться до патента на званіе офицера резервныхъ войскъ, чтобы потомъ, съ объявленіемъ войны, не пасти воловъ въ качествѣ фурштатовъ: только что же мы станемъ дѣлать съ массою резервныхъ офицеровъ, безъ офицеровъ дѣйствующихъ? А первыхъ невозможно удерживать на дѣйствительной службѣ послѣ производства противъ воли, если условія этой службы ихъ отталкиваютъ. Въ настоящее же время, когда дворянство, особенно не богатое, стало уже утрачивать, можно сказать, привычку къ военной службѣ и понятіе, что въ ней заключается прямое его призваніе,—вопросъ состоитъ не только въ томъ, чтобы возвратить строевой службѣ прежній ея блескъ, а въ томъ еще, чтобы возстановить прежнія привычки и понятія сословія. Разглашенный законъ о *всесословной* военной повинности для такой цѣли совершенно безсиленъ.

Упроченіе качества русской арміи требуетъ той же развязки какая нужна для того, чтобы вдохнуть жизнь въ нашъ земскій строй, вызвать нашу общественную дѣятельность и сложить наше сборное мнѣніе, вывести наружу національную личность въ образованныхъ слояхъ, для того чтобы возстановить и окончательно сплотить нравственную и умственную силу русской народности,—требуетъ связнаго, самостоятельнаго, законно-установленнаго положенія культурнаго общества, призваннаго къ бытію

Петромъ Великимъ въ качествѣ политическаго и служилаго государственнаго сословія, внѣ котораго у насъ нѣтъ ничего, кромѣ стихійныхъ силъ. Надобно возложить отвѣтственность за гражданское развитіе и за армію на сознательныхъ людей — на русскихъ европейцевъ, сплоченныхъ въ одно нравственное цѣлое. Примѣръ арміи выказываетъ эту необходимость столь же убѣдительно, но еще рѣзче чѣмъ всѣ другія стороны нашей жизни. Петръ Великій создалъ русскую постоянную армію какъ европейскую, съ офицерами на образецъ европейскихъ, безъ которыхъ она не мыслима; для подбора такихъ офицеровъ, болѣе чѣмъ для чего нибудь другаго, онъ трудился всю жизнь надъ образованіемъ культурнаго европейскаго слоя въ Россіи. Эти офицеры сдѣлали русскую армію, до того времени бившуюся въ ровную противъ крымскихъ татаръ, тѣмъ, чѣмъ она была на нашихъ глазахъ — арміей, побѣждавшею Европу. Въ послѣднихъ бояхъ за Кавказомъ горсти русскихъ солдатъ противъ огромныхъ регулярныхъ армій турокъ, лично очень храбрыхъ и дисциплинированныхъ людей, не уступающихъ никому другому, вооруженныхъ лучше насъ мы достаточно видѣли, какимъ образомъ нравственная разница между офицерами той и другой стороны рѣшала бой, внѣ всякаго отношенія къ числу солдатъ. Наша армія была сильна тѣмъ же, чѣмъ можетъ быть силенъ весь нашъ государственный и общественный строй — тѣмъ, что силы могучаго отъ природы русскаго простонародья направлялись развитыми русскими людьми. Историческій духъ нашей арміи исчезнетъ невозвратно, если она перейдетъ въ руки писарей, разночинцевъ и псаломщиковъ допетровской эпохи. Неужели такой возвратъ возможенъ послѣ полутора вѣковой исторіи, потратившей всѣ свои силы безъ остатка на созданіе образованнаго русскаго общества?

Но, понятенъ или непонятенъ такой возвратъ, онъ неизбѣженъ при общеобязательной военной повинности *всесословной*, безраз-

личной для всѣхъ состояній. Послѣдствія его могутъ быть предотвращены только особыми законно опредѣленными обязанностями дворянства къ военной службѣ, что не мыслимо безъ рѣшенія вопроса объ общихъ отношеніяхъ русскаго культурнаго сословія къ государству: могутъ ли существовать исключительныя обязанности безъ исключительныхъ правъ? Въ этомъ случаѣ Пруссія, приравнивающая по военному закону свое дворянство къ прочему населенію, намъ не примѣръ по многимъ причинамъ: прусское дворянство издревле составляетъ касту, считающую военную службу своимъ правомъ, вслѣдствіе чего никакія особыя мѣры не нужны для привлеченія его въ армію; вступленіе же каждаго новаго офицера въ полкъ зависитъ тамъ отъ сословнаго полковаго офицерства, крайне ревниваго къ своему званію. Затѣмъ въ Пруссіи существуетъ многочисленное и очень образованное среднее сословіе, преимущественно дающее офицеровъ спеціальнымъ оружіямъ, безъ котораго прусская армія не можетъ обойтись, да и не къ чему, и котораго у насъ совсѣмъ нѣтъ. Не смотря на то, офицеры-недворяне до такой степени рѣдѣютъ въ прусской арміи, подымаясь кверху, что на высшихъ ступеняхъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ, т. е. законъ сравнивающій всѣхъ по буквѣ, просѣивается административно сквозь сито. Между тѣмъ нѣмецкое дворянство составляетъ только часть образованнаго общества, въ Германіи легко было бы подобрать офицеровъ и внѣ его. У насъ же наслѣдственное культурное сословіе заключаетъ въ себѣ все общество, внѣ котораго можно отыскать только писарей и семинаристовъ. Ясно, кажется, что если ужъ подражать, то надо подражать не формальному, а внутреннему, дѣйствительному порядку подбора прусскихъ офицеровъ, смотрѣть не на пріемы, вынуждаемые мѣстными условіями, а на цѣль, къ которой стремится берлинское военное управленіе. Наша отечественная потребность чистосердечнѣе прусской, мы не желаемъ просѣивать черезъ сито

офицеровъ, разъ допущенныхъ къ эполетамъ, откуда бы они ни вышли; но намъ нужно, какъ и всѣмъ другимъ, серьозно расцѣнивать источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ своихъ офицеровъ.

Съ признаніемъ русскаго дворянства (вмѣстѣ съ лицами, законно къ нему приравненными) государственнымъ сословіемъ въ прямомъ значеніи слова, оно должно стать сословіемъ обязательно служилымъ. Права безъ обязанностей такъ же невозможны, какъ обязанности безъ правъ, а наше дворянство, съ самаго начала своего бытія, особенно же послѣ Петра Великаго, никогда не имѣло самостоятельныхъ корней въ русской почвѣ, на образецъ привилегированныхъ европейскихъ кастъ; корни его исходили изъ верховной власти, оно существовало исключительно какъ правительственное орудіе; оно и теперь можетъ упрочить свое политическое бытіе только подъ условіемъ—нести посильную службу Государю и русской землѣ. Когда рѣчь идетъ о нашемъ дворянствѣ, то вопросъ заключается только въ размѣрѣ обязательной службы, требуемой современными нуждами, а не въ самой служилости, составляющей душу этого учрежденія. Думаемъ, что военная повинность должна быть обязательною у насъ на извѣстный срокъ для каждаго дворянина, достигшаго указнаго возраста, безъ малѣйшаго исключенія, безъ выкупа и замѣщенія, не по жребію, а поголовно, но только для дворянина. Какъ сказано прежде, мы не видимъ никакого понятнаго объясненія для распространенія такой же принудительности на прочія сословія. Мы считаемъ продажу зачетныхъ квитанцій изъ рукъ правительства полезнымъ дѣломъ, для удовлетворенія нѣкоторымъ нуждамъ арміи и для освобожденія торговыхъ и промышленныхъ людей отъ повинности, которую они считаютъ несродною себѣ; для развитія арміи ихъ деньги окажутся несомнѣнно полезнѣе ихъ личности; но въ такомъ случаѣ, цѣна квитанціи должна быть высока, примѣрно около

3,000 рублей: охотниковъ выкупаться окажется достаточно и выручка будетъ значительная.

Устанавливая обязательность личной военной повинности дворянства, нельзя, однакожъ, упускать изъ виду, что невольные офицеры, даже дворяне, не удовлетворяютъ цѣли. Значеніе офицера состоитъ именно въ томъ, что онъ *свободно* идетъ на опасность, а потому имѣетъ нравственное право *насильно* вести за собой другихъ; кромѣ того, обязанности офицера, даже въ мирное время, требуютъ чтобы онъ предавался имъ съ охотою. Дѣло не въ томъ, чтобы заставлять порядочныхъ молодыхъ людей служить офицерами, а въ томъ, чтобы дать имъ нетрудный доступъ къ этому званію и предварительную привычку къ военной службѣ; при этихъ условіяхъ, когда русское офицерство станетъ вновь дворянскимъ по духу, охотники польются въ него какъ и прежде.

Мы изложимъ свой взглядъ по этому предмету, конечно, какъ личное мнѣніе, но съ большею увѣренностью, чѣмъ излагали его по поводу практическаго устройства мѣстнаго самоуправленія. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя ступить шагу безъ всесторонняго обсужденія дѣла самими земскими людьми,—обсужденія, еще не высказавшагося; въ первомъ же, о которомъ идетъ теперь рѣчь, намъ давно извѣстно мнѣніе большей части русскихъ военныхъ людей, пользующихся и пользовавшихся въ наше время заслуженною извѣстностью.

Мы думаемъ, что прежде всего необходимо возстановленіе званія полковаго юнкера въ прежнемъ его видѣ, а затѣмъ нужно призывать на службу всѣхъ дворянъ подлежащаго возраста поголовно, не рядовыми, а юнкерами, съ обязанностью прослужить годъ; изъ прочихъ же сословій давать юнкерскіе галуны, также прямо со вступленіемъ въ строй, молодымъ людямъ, имѣющимъ гимназическій дипломъ или выдерживающимъ соотвѣтственный экзаменъ, если они предварительно согласятся на годовую службу; въ слу-

чаѣ же несогласія, оставлять ихъ рядовыми на срокъ, установленный нынѣшнимъ уложеніемъ. Независимо отъ военно-учебныхъ заведеній, разрядъ юнкеровъ станетъ разсадникомъ постоянныхъ офицеровъ добровольныхъ и также обязательныхъ офицеровъ ополченія; кто не захочетъ посвятить себя военной службѣ, тотъ выучится ей достаточно, по крайней мѣрѣ для того, чтобы командовать ополченскимъ взводомъ. Экзаменъ дворянъ на юнкера, при поступленіи ихъ въ строй, долженъ соотвѣтствовать не какимъ либо произвольнымъ взглядамъ канцелярской эрудиціи, пробивающейся заголовками пышныхъ и несостоятельныхъ программъ, а дѣйствительной потребности,—тому, что прямо необходимо для оберъ-офицера, также какъ дѣйствительному уровню образованія въ Россіи; для этого нужно немного, но это немногое молодой дворянинъ пополнитъ качествами, придаваемыми ему закаломъ нѣсколькихъ поколѣній. Готовить же просвѣщенныхъ людей—дѣло общества, а не военнаго вѣдомства, которое тогда только и начинаетъ заниматься общимъ просвѣщеніемъ, когда сознаетъ себя недостаточно военнымъ. Въ настоящее время русская армія не почувствуетъ уже недостатка въ серьозно-образованныхъ людяхъ, не прилагая къ тому собственныхъ стараній.

Останется приготовить къ военному дѣлу юнкеровъ, желающихъ продолжать службу офицерами. Для этой цѣли нынѣшнія юнкерскія училища не годятся: онѣ могутъ приготовлять только ипологовъ. Даже преобразованныя онѣ не удовлетворятъ потребности потому, что соотвѣтствуютъ не военному, а административному подраздѣленію, стоятъ подъ рукою бюрократіи и навсегда останутся проникнутыми вложенною въ нихъ закваскою. Ихъ можно только закрыть а не переобразовать. На мѣсто ихъ нужны корпусные классы, временные, зимніе, для каждаго корпуса отдѣльно, съ преподаваніемъ исключительно военныхъ предметовъ и, пожалуй, математики. Преподаваніе, думаемъ, должно быть серьозное,

но не обширное, не педантское,—соотвѣтствующее потребностямъ строеваго офицера, а не главнокомандующаго или профессора. Главнокомандующіе выростают на иной почвѣ, кромѣ случаевъ необычайнаго дарованія, которое само умѣетъ пополнить недостающее ему. Однимъ словомъ, пріемный экзаменъ долженъ въ точности соотвѣтствовать среднему уровню образованія небогатаго дворянства; выпускной военный экзаменъ—средней мѣрѣ спеціальныхъ знаній, нужныхъ оберъ-офицеру. Тогда громадное большинство поступающихъ удовлетворитъ тому и другому.

Поступленіе въ военные классы, равносильное желанію остаться на службѣ, должно зависѣть, конечно, отъ воли каждаго. Нежелающій имѣетъ право, по прослуженіи года, быть перечисленнымъ въ ополченіе. Но звать дворянъ въ военную службу, особенно на первое время, еще недостаточно; надобно ихъ привлечь къ ней. Какъ большинство дворянства, на которое можно разсчитывать для арміи—не богатое, не цензовое, то людей, изъявляющихъ желаніе посвятить себя военной службѣ, слѣдуетъ обезпечить съ перваго же дня сообразно ихъ положенію—назначить имъ содержаніе, кромѣ общаго казеннаго довольствія, которое они также могутъ получать деньгами. Содержаніе должно идти имъ съ того дня, когда они изъявятъ желаніе слушать военный курсъ,—хотя бы съ перваго же дня службы; но въ такомъ случаѣ они обязуются оставаться въ рядахъ до производства въ офицеры. Затѣмъ они вольны располагать собою; но огромное большинство, привыкши къ службѣ, несомнѣнно останется въ ней послѣ производства. Средства на содержаніе обязавшихся юнкеровъ не составляютъ вопроса. Если число ихъ будетъ равняться числу всѣхъ нынѣшнихъ вольноопредѣляющихся—$7\frac{1}{2}$ тысячамъ, и если каждому положатъ примѣрно по 200 руб. въ годъ, то и тогда сумма эта будетъ гораздо ниже той, которая расходуется покуда на разныхъ сверхштатныхъ и состоящихъ около военныхъ канцелярій. Можно

надѣяться, что у насъ никогда не окажется затрудненія въ денежныхъ средствахъ на необходимыя потребности арміи, какъ только окончательно выяснится вопросъ, кто для кого существуетъ: военная ли администрація для арміи, или наоборотъ?

Затѣмъ всѣмъ юнкерамъ, не желающимъ продолжать военную службу, слѣдуетъ предоставить право оставить ее черезъ годъ, со званіемъ офицера ополченія, разумѣется, при одобреніи ихъ начальствомъ; меньше года службы положить нельзя, если человѣкъ въ это время долженъ чему нибудь выучиться. Одна изъ главныхъ силъ Россіи состоитъ въ возможности, ей только свойственной, выставить многочисленное и устроенное ополченіе. Потому офицеры ополченія должны существовать не на одной бумагѣ; даже въ мирное время безъ нихъ, вѣроятно, не обойдется, хотя на самые короткіе сроки, какъ это происходитъ въ Швейцаріи и Англіи. Съ другой стороны, офицеры изъ дворянъ-юнкеровъ еще необходимѣе въ ополченіи, чѣмъ въ арміи. Въ постоянномъ войскѣ солдатъ привыкаетъ повиноваться офицеру, какъ офицеру, независимо отъ его происхожденія. Ополченіе же состоитъ изъ крестьянъ, обученныхъ владѣть оружіемъ (въ чемъ и должно состоять ихъ подготовленіе), но не срощенныхъ дисциплиною. Начальствовать съ какимъ нибудь толкомъ надъ этими людьми можетъ тотъ лишь, кого они признаютъ за высшее лицо еще въ родномъ селѣ— мѣстный дворянинъ. Не выработанная между ними дисциплина можетъ замѣняться только естественными отношеніями старшинства и почтенія. Для годности ополченія необходимо, чтобы всѣ наши уѣздные дворяне были нѣсколько знакомы съ военною службою: иначе оно останется вовсе безъ офицеровъ, или выступитъ съ такими офицерами, которыхъ лучше ужь не безпокоить.

Сущность вышеозначенныхъ мѣръ, которыя мы считаемъ неизбѣжными въ настоящемъ положеніи дѣла, состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы замѣнить нынѣшнюю мало-состоятельную, не-

кусственно-высиживаемую іерархію русскихъ силъ, постоянныхъ и резервныхъ, — іерархіею естественною. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы замѣнить прежнюю рекрутскую армію устроеннымъ для боя русскимъ народомъ, то исполнимость такого плана зависитъ прямо отъ условія, чтобы каждый русскій дворянинъ обратился въ прирожденнаго офицера народной силы (кромѣ личностей совершенно неспособныхъ). Это необходимо и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніи. Но въ такомъ случаѣ ясно, почему въ дворянствѣ не могутъ быть допущены ни замѣщеніе, ни выкупъ, почему отъ дворянства должна требоваться *въ основаніи* поголовная военная служба: дворянину пришлось бы откупаться не отъ солдатства, что еще понятно, но отъ офицерства.

Мы сказали *«въ основаніи»* потому, что на практикѣ нельзя, конечно, не допустить многихъ исключеній какъ въ сокращеніи срока службы, такъ и въ полномъ освобожденіи отъ нея по опредѣленнымъ категоріямъ и лично, для окончанія образованія, по особымъ семейнымъ обстоятельствамъ и проч. Люди не могутъ установить никакого непреложнаго правила, что не колеблетъ, однако же, необходимости общихъ правилъ.

Установленіе твердаго военнаго чиноначалія дастъ возможность поставить вооруженныя силы Россіи на подобающую имъ нравственную высоту, обезпечивая ихъ потребнымъ числомъ и качествомъ офицеровъ, но не достигаетъ еще этой цѣли прямо. Цѣль достигнется вполнѣ, когда кончится преобладаніе бюрократіи въ военномъ вѣдомствѣ, когда устройство и воспитаніе нашей арміи станетъ исключительно боевымъ. Самый лучшій подборъ офицеровъ, вводимыхъ въ полки, еслибъ даже онъ былъ осуществимъ при нынѣшнихъ условіяхъ, не поправитъ дѣла, если офицеры не захотятъ продолжать службу или окажутся безсильными противъ общаго теченія. Мы только указали на этотъ вопросъ и

не станемъ входить въ его подробности: онъ достаточно разъясненъ уже въ другихъ трудахъ, чтобы «имѣющій очи могъ видѣть».

Кромѣ того, для осуществленія всей мощи, къ какой способна, русская армія, для возвращенія ей духа суворовскихъ войскъ, нужно измѣненіе не только многихъ нововведенныхъ порядковъ, но и нѣкоторыхъ прежнихъ. Мы говоримъ о той лишь сторонѣ дѣла, которая прямо касается качества офицеровъ. Нужна отмѣна внѣшнихъ привилегій по родамъ войскъ. Пока каждый русскій офицеръ не будетъ имѣть въ глазахъ правительства, если не общества, того же значенія, какъ кавалергардскій или преображенскій, пока эполеты не будутъ возведены въ Россіи въ такой же почетъ, какимъ пользуется портупея въ Австріи,—у насъ не возникнетъ цѣльнаго и связнаго корпуса офицеровъ. Высшее дворянство стоитъ въ головѣ низшаго—это неизбѣжно и правильно; но во-первыхъ, эта ступень можетъ принадлежать ему только нравственно; во-вторыхъ, оно должно быть разлито по всему тѣлу государства и арміи, а не скопляться заурядъ въ одномъ мѣстѣ; тогда только оно принесетъ свою пользу. Устройство русскаго служилаго сословія, какъ верхняго, обдумано-сложеннаго пласта земскаго царства, несовмѣстно съ порядкомъ, существовавшимъ за столомъ Карла Великаго, гдѣ графы служили герцогамъ, бароны — графамъ, простые дворяне—баронамъ. Призвать русское культурное сословіе къ поголовно-обязательной военной службѣ, затѣмъ чтобы распредѣлять его потомъ на искусственные и неравномѣрные по правамъ разряды,—было бы противорѣчіемъ русской исторіи и лишило бы это учрежденіе жизненности въ самомъ началѣ.

Неотстранимая потребность времени ведетъ насъ къ одному общему исходу: и въ общественномъ устройствѣ, и въ арміи дѣло не обойдется безъ исторически-развитаго русскаго слоя, вызваннаго къ совокупной дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Мы высказали свой взглядъ на отдѣльныя стороны вопроса, съ которымъ обратились къ читателямъ въ началѣ этого труда: какимъ образомъ мы, русскіе люди, выходящіе изъ воспитательнаго періода своей исторіи, обязанные отнынѣ стоять на своихъ ногахъ, можемъ способствовать сложенію нынѣшняго и нарождающагося поколѣній, обезличенныхъ сверху и стихійныхъ снизу, безсвязныхъ умственно и нравственно, въ органическое общество. Намъ остается еще свести эти отдѣльныя изысканія вмѣстѣ и подвести къ нимъ итоги. Каковъ бы ни былъ личный взглядъ на лучшій исходъ изъ такого состоянія, трудно усомниться, что мы дѣйствительно въ немъ находимся, что, не смотря на громадную силу статистическую, на довольно распространенное образованіе, на великія народныя качества, наша сознательная сила нравственная еще вовсе не сложилась; а главное, въ настоящее время у насъ не видно даже органовъ, способныхъ выработать и установить ее. Трудно отрицать въ современной Россіи полный разбродъ мнѣній и отсутствіе какой-либо общественной дѣятельности, что отражается на всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни — на печати, на самоуправленіи, на нашемъ безсиліи оказать нравственное вліяніе на окраины. Мнѣніе о современной нашей скудости, сравнительно съ недавнимъ возбужденіемъ русскаго общества, можно назвать общепризнаннымъ, хотя каждый объясняетъ его по-своему. По нашему понятію, объясненіе этого явленія представляется само собою. Двадцать лѣтъ тому назадъ, русская мысль дѣйствительно

высказывала рѣзкія мнѣнія, и эти мнѣнія отчасти группировали людей; но тогда она только пережевывала въ послѣдній разъ запасъ чужихъ идей и знаній, занесенныхъ къ намъ въ теченіе воспитательнаго періода, работала надъ ними окончательно и болѣе сознательно чѣмъ прежде, откуда и происходило это кажущееся оживленіе. Когда же на мѣсто голой теоріи намъ открылась и практика, когда мы стали на свою собственную почву ногами а не головой, какъ стояли на ней прежде, когда для насъ явилась неотложная потребность говорить *свое*, а не чужое—мы всѣ замолчали разомъ, такъ какъ *своего* намъ покуда сказать нечего. Свое мнѣніе складывается только жизнью, и притомъ жизнью не отдѣльныхъ личностей, а общественныхъ группъ, которыя и прежде у насъ были слабы, а при новой перепашкѣ русской почвы были совсѣмъ выполоты. Каждому русскому, желающему сказать что либо путное, пришлось теперь додумываться до всего своимъ одноличнымъ умомъ—трудъ непосильный. Переводить же какую-либо мысль въ общественную дѣятельность одналично—уже совершенно немыслимо. Въ такомъ состояніи, при отсутствіи общественной организаціи, ни умственная, ни дѣятельная жизнь Россіи не сложится не только въ пятнадцать, но и въ полтораста лѣтъ; сухой песокъ никогда не сростется самъ собою въ камень. Природное различіе въ лѣстницѣ существъ состоитъ именно въ развитіи организаціи; только организаціей самое маленькое позвоночное явно превосходитъ самаго большаго моллюска. Въ этомъ отношеніи всѣ образованные народы—позвоночные, всѣ они заключаютъ въ своемъ общественномъ устройствѣ твердый остовъ, прочно установленный культурный слой, дающій опредѣленную форму всему общественному тѣлу, — всѣ, кромѣ современной Франціи и насъ Франція умудрилась утратить свою основную, историческую организацію; мы же не только не сложили ее до сихъ поръ явственно (вслѣдствіе тяготѣвшихъ надъ нашею народною жизнью условій),

но въ послѣднее время разбросали собственными руками зачатки, готовые сложиться въ организованное цѣлое, — растворили въ массѣ свое петровское культурное сословіе, а потому и остаемся покуда въ видѣ тысячелѣтняго студня.

Мы видѣли въ послѣднихъ статьяхъ, посвященныхъ военному вопросу, что намъ нельзя обойтись безъ твердо-установленнаго образованаго сословія, не только для того чтобы жить хорошо, развиваясь самостоятельно, но для того даже чтобы жить какъ нибудь, просто для того чтобы жить. Безъ дворянства у насъ не будетъ арміи, а безъ арміи не долго простоитъ нынѣшняя Россія. Уцѣлѣетъ, можетъ быть, московская и петровская Русь, принятая въ наслѣдство Екатериной II (да и тутъ еще надо подумать о Прибалтійскомъ краѣ), но не устоитъ Русская имперія, перешагнувшая за предѣлы чисто-русскаго племени, со всѣмъ, что ей намѣчено еще судьбою впереди. Мы вѣдь въ Европѣ непрошенные гости. По доброй волѣ, невынужденно, она не потерпитъ насъ не только на Вислѣ, но и на Нѣманѣ, и на Припети. Всякая неотложная историческая потребность выражается не въ одномъ только отношеніи, а во всѣхъ отношеніяхъ; такимъ образомъ высказывается и наша потребность въ политически-признанномъ, поставленномъ на своемъ мѣстѣ русскомъ культурномъ сословіи, не только въ виду ожидаемой отъ него пользы, но по необходимости. Какой смыслъ имѣла бы наша исторія, если бы, потративши полтора вѣка на созданіе слоя русскихъ европейцевъ, затормозивши изъ-за этого дѣла всякое общественное развитіе въ Россіи, по окончаніи своей задачи она обошла бы ее какъ ненужную?

Конечно, вопросъ идетъ собственно не о потребности для Россіи въ образованномъ обществѣ, о чемъ никто не споритъ, а о политическихъ правахъ этого общества,—о томъ, должно ли оно входить въ составъ русской организованной жизни въ качествѣ

частныхъ людей, какъ теперь во Франціи, или же на правахъ признаннаго закономъ высшаго сословія. Прежде всего надобно замѣтить, что сущность вопроса состоитъ не въ томъ,—какъ иные ставятъ его,—демократична ли русская исторія и демократиченъ ли русскій народъ,—хотя онъ несомнѣнно не демократиченъ во французскомъ смыслѣ, не зараженъ завистію къ высшимъ слоямъ и больше вѣритъ въ мѣстныхъ помѣщиковъ, чѣмъ въ своихъ выборныхъ людей или въ чиновниковъ, — а совсѣмъ въ другомъ: можетъ ли обойтись восьмидесятимилліонная Россія безъ организаціи, безъ постоянныхъ зрѣлыхъ и благонадежныхъ руководителей, связанныхъ въ одно цѣлое. вмѣсто случайныхъ, незрѣлыхъ и шаткихъ, — шаткихъ именно вслѣдствіе своей незрѣлости и несвязности? Слѣдуетъ ли предоставить общее руководство дѣломъ, даже при довѣріи народа къ просвѣщенному мѣстному слою, одному настроенію толпы, которую завтра же какое нибудь случайное теченіе можетъ сбить съ толку и направить въ противоположную сторону, что значило бы, въ сущности, дать въ руководство русскимъ областямъ, заглазно отъ правительства, не сознательность, а инстинктъ? Не только для прочности общественнаго порядка, но для добра самого народа ему нужны зрѣлые руководители. Если бы мы могли обойтись безъ общественной организаціи, установленной на исторической сознательности,—мы были бы единственнымъ исключеніемъ въ свѣтѣ. Эта установленность существуетъ вездѣ, конечно въ разныхъ видахъ, за исключеніемъ Франціи, расплачивающейся теперь за свою напускную безсословность. Пруссія не могла отдать, по новому положенію, земской власти юнкерству, такъ тщательно оберегаемому ею во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ какъ это юнкерство—исключительная каста, далеко не представляющая всего развитаго и богатаго класса страны; она также не могла отдать власти и прямо среднему сословію, совмѣстно съ дворянствомъ, такъ какъ это сословіе не имѣетъ тамъ никакого закон-

наго опредѣленія, кромѣ ценса; но прусское положеніе такъ обставило выборы въ новомъ земскомъ законѣ, что власть и направленіе остаются исключительно въ рукахъ исторически зрѣлыхъ слоевъ общества, очень близко къ англійскому образцу. Извѣстна охранительность прусскаго государственнаго устройства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Можно быть спокойнымъ на счетъ воздержности теоретическаго либерализма въ этой державѣ. Объ англійской безсословности странно даже говорить, хотя для иныхъ нашихъ публицистовъ и такой выводъ ни по чемъ. Англичанинъ, конечно, всегда можетъ вступить во властное сословіе своего отечества и стать полноправнымъ земскимъ лицомъ (даже внѣ городовъ) независимо отъ своего происхожденія,—но не въ русскомъ смыслѣ, не заслугою, а пріобрѣтеніемъ значительнаго поземельнаго состоянія, которое пріобрѣсть въ Англіи не только дорого, но даже довольно трудно. Для полученія полноправія, онъ долженъ стать на дѣлѣ членомъ весьма немногочисленнаго и богатаго полноправнаго сословія—вотъ что называется англійскою безсословностью. Отсюда до избранія земскихъ дѣятелей изъ батраковъ оказывается еще достаточно далеко, а потому разговоръ объ англійской всесословности, примѣнительно къ Россіи, можетъ быть только игрой словъ, а не серьознымъ разсужденіемъ. Суть англійскаго устройства состоитъ въ томъ, что тамъ политическія права даются однимъ богатствомъ, а богатство поземельное находится преимущественно въ рукахъ древнихъ завоевателей страны. При такомъ положеніи *дѣла*, можно дать названіямъ какой угодно просторъ. Въ одной Америкѣ безсословность царитъ по закону, но, какъ извѣстно и какъ мы оговорили прежде, только по закону, а не на дѣлѣ. Но кромѣ того, что Америка выдѣлываетъ въ себѣ какую-то новую общественную закваску, еще недостаточно опредѣлившуюся и которая не можетъ служить намъ примѣромъ, существенная организація этой страны, исправляющая и

ограничивающая всякій недостатокъ общественнаго устройства, дающая ему жизнь, самостоятельность и разнообразіе, состоитъ въ дѣленіи на штаты,—маленькія государства, почти независимыя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ; земская жизнь развивается тамъ подъ глазами мѣстной верховной власти, а не заглазно отъ нея, какъ у насъ. Затѣмъ, хотя весь простой американскій народъ можетъ быть приравненъ по образованію и благосостоянію къ среднему европейскому сословію невысокихъ ступеней, по самоуправленіе простонародное кончается тамъ деревнею; американскіе нравы допускаютъ въ управленіе графствомъ, равняющимся нашему уѣзду, только политикановъ, естественно принадлежащихъ къ образованному классу. При такомъ общественномъ закалѣ, когда нравы пополняютъ законъ,—безсословность возможна. Но въ Европѣ она еще никого не доводила до добра. Въ безмѣрной же Россіи, лишенной всякой живой организаціи областной, управляемой за глазами отъ правительства, можно сказать, лишь оффиціально, толпою кое-какъ набранныхъ чиновниковъ, въ большинствѣ совершенно равнодушныхъ къ общему дѣлу, безсословность значитъ—хаосъ, отсутствіе всякой организаціи, то-есть обезпеченности, послѣдовательности и сознательности въ управленіи мѣстною жизнью. И если бы еще хоть кому нибудь было отъ того лучше! Но, напротивъ, всѣмъ стало хуже: народу, поставленному подъ руководство плутоватыхъ писарей—хуже; дворянству, лишенному своего прежняго значенія—хуже; серьезно-образованнымъ людямъ другихъ сословій, которые правомѣрно, хотя лично, примкнули бы къ дворянству и нашли бы почву для обширной дѣятельности—хуже, такъ какъ они теперь стираются, вмѣсто того чтобы выдвигаться; купечеству, не имѣющему покуда возможности занять подобающее его дѣйствительному значенію мѣсто въ общественномъ строѣ и примкнуть къ политическому слою—хуже; русской военной силѣ—гораздо хуже; всѣмъ мѣст-

нымъ населеніямъ, платящимъ вдвое дороже прежняго за мосты, по которымъ нельзя ѣздить, и вчетверо дороже за больницы, въ которыхъ никто не лѣчится—также хуже; всего же хуже для преуспѣянія Россіи, сначала какъ общества, а впослѣдствіи даже какъ государства, — безсиліе общественное не можетъ не отозваться современемъ на могуществѣ государственномъ. Хорошо только однимъ обще-либеральнымъ принципамъ, которые, къ сожалѣнію, какъ существа метафизическія, наслаждаясь одни, не могутъ даже чувствовать своего благополучія.

А между тѣмъ наше шатаніе происходитъ только отъ недоразумѣнія, отъ той игры словъ, о которой мы говорили выше, занесенной къ намъ воспитательнымъ періодомъ и заставившей насъ подразумѣвать подъ русскими названіями явленія чужеземной жизни. Такъ именно случилось съ понятіемъ о нашемъ дворянствѣ, приравненномъ во мнѣніи къ европейскимъ завоевательнымъ кастамъ. Устанавливая всесословность въ гражданскомъ строѣ и въ арміи, согласно съ призрачными русскими идеалами шестидесятыхъ годовъ, было упущено изъ виду, что наше послѣ-петровское дворянство — не только не каста, но даже не самостоятельное сословіе, а лишь правительственное и общественное орудіе для просвѣщенія и благоустройства Россіи. Петръ Великій обновилъ его преимущественно для арміи и правительства, отчего оно и удержало на вѣки свой характеръ прямыхъ слугъ верховной власти, — слугъ надежныхъ и сознательно вѣрныхъ гораздо болѣе всякаго чиновничества. Протекшіе затѣмъ полтора вѣка придали петровскому дворянству еще новое значеніе, не разрушая прежняго,—значеніе русскаго культурнаго общества. Съ недавнимъ выходомъ нашей исторіи на широкую дорогу, не стѣсняемую больше никакими исключительными обстоятельствами, тормазившими наше самобытное развитіе цѣлую тысячу лѣтъ, русская монархія находилась въ такихъ выгод-

ныхъ условіяхъ, какія еще нигдѣ не осуществлялись. Все народное культурное сословіе вмѣстѣ взятое, со всѣми притоками снизу, которыхъ оно могло ожидать въ будущемъ, проникнутое преданіями своей служилости, пользовавшееся почтеніемъ и довѣріемъ народа, принадлежало правительству въ собственность, составляло въ буквальномъ смыслѣ совокупность *его людей*, къ которымъ власть могла всегда, по всякому поводу, отнестись со всякимъ разумнымъ требованіемъ, въ полной увѣренности, что это требованіе будетъ исполнено немедленно и съ сочувствіемъ, хотя бы вынуждало къ большимъ жертвамъ. Отношенія русскаго высшаго сословія къ власти, его создавшей, были совсѣмъ иныя, чѣмъ феодальная вѣрность западнаго дворянства, смотрѣвшаго на короля какъ на главнаго дружиннаго начальника и твердившаго ему при всякомъ удобномъ случаѣ: sinon non. Изъ этого «sinon non», не имѣющаго у насъ никакой почвы, выросъ весь современный европейскій порядокъ, выросли всѣ конституціи и революціи. Насколько такія условныя отношенія были вмѣстѣ полезны и вредны западнымъ обществамъ—это до насъ не касается, потому что къ намъ непримѣнимо. Со служилымъ культурнымъ обществомъ, ведущимъ за собой народъ, русская верховная власть располагала и можетъ располагать всемогуществомъ, благотворнымъ и невиданнымъ въ исторіи. Съ другой стороны учрежденіе общедоступнаго политическаго сословія было въ такой же мѣрѣ пригодно для развитія и благоустройства Россіи. Наслѣдственный культурный слой, пользующійся довѣріемъ народа, обязанный службою правительству и открытый снизу, представлялъ самое подходящее, даже единственно-подходящее орудіе какъ для выработки и сосредоточенія національной умственной и нравственной силы, такъ и для направленія народной массы по должному пути; орудіе это было исторически-выработанною организаціей земской всесловной монархіи, каково наше отечество. Такого учрежденія не существовало еще

нигдѣ, кромѣ Россіи, потому что въ одной Россіи впервые осуществилась истинная народная монархія, — народная въ смыслѣ всесословности верховной власти, одинаково безпристрастной и доброжелательной ко всѣмъ разрядамъ подданныхъ, — народная по отсутствію какихъ-либо насильственныхъ формъ, навязанныхъ извнѣ завоеваніемъ, развивавшаяся исключительно изъ самой себя, а потому смотрѣвшая на каждаго своего члена какъ на кровнаго. Дѣйствительная и упроченная монархія, представляющая не переходную форму отъ феодальнаго порядка къ республикѣ, анархіи или военному деспотизму, каковы всѣ нынѣшнія европейскія государства, — а монархія въ себѣ, по сущности, какъ Россія, не можетъ обойтись безъ высшаго сословія, потому что вѣковѣчная и наслѣдственная верховная власть можетъ преслѣдовать вѣковыя цѣли только чрезъ вѣковѣчное же, сроднившееся съ нимъ историческое орудіе. Въ народной русской монархіи это орудіе правительственнаго дѣйствія и государственной организаціи вполнѣ соотвѣтствовало всему ея складу, кромѣ одного безобразнаго нароста крѣпостнаго владѣнія. Открываясь для каждой созрѣвшей снизу силы, по праву, а не въ видѣ исключительной милости правительства, какъ на Западѣ, наше высшее сословіе не могло колоть глаза никакому серьезному честолюбію изъ подполья; напротивъ, оно представляло ему законное, соотвѣтственное мѣрѣ его способностей повышеніе въ общественномъ положеніи, а въ то же время собирало въ пучокъ, въ одинъ общій слой, всѣ русскія культурныя силы, устраняя поводъ ко всякому сословному раздѣленію въ будущемъ. Нашъ высшій классъ былъ всегда классомъ наслѣдственнымъ; онъ остается и долженъ оставаться такимъ. Въ наслѣдственности все его значеніе. Безъ нея онъ никогда не сложился бы, не сталъ бы ядромъ русской сознательной жизни; безъ нея онъ не можетъ быть ни орудіемъ государственнаго, ни орудіемъ общественнаго русскаго развитія. Для этихъ цѣлей нужна

не бывшая ценсовая французская буржуазія, павшая отъ перваго толчка, а устойчивый и связный слой преемственно-образованныхъ родовъ, уважаемый народомъ, неразрывно скрѣпленный съ правительствомъ, выработавшій вѣковымъ существованіемъ твердое сознаніе своихъ правъ и обязанностей. Надобно помнить также, что самое условіе, при которомъ складывалось петровское высшее сословіе, было условіемъ исключительнымъ, требовавшимъ времени для полнаго созрѣнія. Высшее сословіе, тождественно равняющееся у насъ итогу образованнаго общества, не развивалось изъ народа непосредственно, но должно было пройти предварительно, можно сказать, черезъ чужую почву, объевропеиться, что и налагало на него особый, рѣзко отличавшій его отъ народа отпечатокъ. Находясь въ такомъ состояніи, оно до сихъ поръ еще невыработало своей окончательной формы и не совсѣмъ еще соотвѣтствуетъ своему историческому назначенію, которые осуществятся вполнѣ тогда лишь, когда, съ самостоятельнымъ развитіемъ взятаго напрокатъ чужого умственнаго капитала, русскому человѣку, переростающему народный уровень, надобно будетъ не объевропеиться, а окультуриться въ своемъ природномъ обществѣ (просимъ у читателей извиненія за это послѣднее выраженіе, но другого мы не нашли). Тогда совсѣмъ исчезнетъ промежутокъ, отдѣляющій у насъ высшій слой русскаго народа отъ низшаго; вліяніе перваго на массу возрастетъ вдвое и станетъ непоколебимымъ. Такой переходъ былъ неизбѣженъ по духу нашего воспитательнаго періода, а потому, покуда, надо смотрѣть на историческія отношенія культурнаго слоя къ народу, на окончательное ихъ сочетаніе—можно сказать—въ ожиданіи, а не черезъ продолжающійся еще туманъ переходнаго состоянія. Тѣмъ не менѣе, даже покуда, даже съ нерусскимъ внѣшнимъ обликомъ, наше культурное дворянство постоянно доказывало своими дѣйствіями, что оно—не отрѣзанный ломоть, не аристократія въ за-

падномъ смыслѣ, а верхній слой русскаго народа; оно постоянно выражало и свое происхожденіе, и свою неразрывность съ почвой, какъ положительною готовностью приносить тяжелыя жертвы обще-народнымъ пользамъ, такъ даже своими ошибками и своимъ увлеченіемъ въ этомъ отношеніи. Происходило это не отъ вѣянія нашего національнаго склада, какъ говорятъ нѣкоторые, а отъ исключительнаго духа, свойственнаго одному только русскому дворянству—духа не аристократическаго, а чисто-культурнаго, всенароднаго, не допускающаго его оторваться отъ массы. Противъ подобнаго, однокровнаго, постоянно подновляемаго снизу культурнаго сословія русскія населенія не имѣли и никогда не будутъ имѣть надобности въ трибунахъ, въ довѣренныхъ выборныхъ людяхъ для своего огражденія; оттого русское простонародье гораздо больше вѣритъ порядочному мѣстному помѣщику, чѣмъ излюбленному волостному головѣ. Наконецъ, наше культурное сословіе, постоянно принимавшее въ себя всѣ силы, выростающія на русской почвѣ, и связывавшее ихъ въ одно цѣлое, въ одну обще-русскую нравственную силу, представляло для будущности нашего политическаго развитія еще то несравненно-выгодное и намъ однимъ свойственное условіе, что, внушая власти полное довѣріе къ себѣ, какъ къ своему творенію, оно могло надѣяться получить отъ нея доказательство искренняго довѣрія гораздо скорѣе и полнѣе какой-либо всесословности. А какъ дворянство вело народъ и совмѣщало въ себѣ всѣ созрѣвающіе его притоки, то политическія льготы дворянства оказались бы прямо и непосредственно льготами всероссійскими, въ такомъ же прямомъ смыслѣ, какъ льготы класса англійскихъ государственныхъ избирателей суть льготы Англіи. Во второй половинѣ текущаго столѣтія всѣ эти историческія условія, выросшія на русской почвѣ, безпримѣрно выгодныя и для власти, и для общества, и для населеній, уже вполнѣ развились и устоялись, но только какъ ма-

теріалъ, не распредѣлившись еще между собой въ должномъ порядкѣ и взаимодѣйствіи. Въ такомъ положеніи находились мы къ началу шестидесятыхъ годовъ. Срѣзывая случайный наростъ крѣпостнаго права, можно было дать всѣмъ бытовымъ чертамъ русской жизни, выращеннымъ петровскимъ періодомъ, если не окончательную форму, то по крайней мѣрѣ форму имъ соотвѣтствующую, приближавшую ихъ къ окончательной. Сплоченіе высшаго сословія становилось тѣмъ необходимѣе, что, при одновременномъ упраздненіи крѣпостнаго права и воззваніи страны къ самодѣятельности, прежнее оффиціальное мѣстное управленіе, посредствомъ чиновниковъ (далеко не отожествляющихъ у насъ своихъ личныхъ стремленій съ правительственными), теряло значительную долю своей прежней дѣйствительности—какъ вслѣдствіе того, что ему приходилось отнынѣ вѣдаться съ нравственными интересами, непосильными для него и до тѣхъ поръ ему чуждыми, такъ и потому, что оно лишалось содѣйствія мѣстныхъ помѣщиковъ, наиболѣе охранявшихъ порядокъ. Сознательныя и дисциплинированныя земскія силы становились во сто разъ нужнѣе для нашего будущаго, чѣмъ онѣ были въ прошедшемъ; потребность въ культурномъ сословіи выдвигалась съ удвоенною настоятельностью и для новаго гражданскаго строя, и для новаго краткосрочнаго войска. Но кто не помнитъ, въ какомъ болѣзненномъ состояніи находилось русское общество послѣ крымскаго потрясенія, поколебавшаго нашу старинную вѣру въ себя, открывшаго временно доступъ къ намъ самымъ неестественнымъ, самымъ напускнымъ возбужденіямъ? Кромѣ того, наше историческое національное сознаніе, хотя уже нѣсколько созрѣвшее къ тому времени, было еще лишено всякаго опыта, пришедшаго уже послѣ, а вслѣдствіе того держалось въ насъ очень слабо, какъ всякая теорія. Почти всѣ мы, отъ мала до велика, поддались искушенію новизны и завопили о всесословности чисто-теоретической и

выгодной развѣ для горстки разночинцевъ и для бюрократіи, такъ какъ народъ нашъ не выказывалъ, даже смутно и инстинктивно, какъ и теперь не выказываетъ никакого влеченія къ подобному нововведенію. Мы были удовлетворены, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ. Неимѣя возможности питать полнаго довѣрія къ неизвѣстному и неизвѣданному учрежденію, какимъ представлялось всесословное самоуправленіе, власть была нравственно вынуждена придать ему характеръ частнаго, общественнаго, а не государственнаго учрежденія, приставить земскую дѣятельность къ системѣ общаго управленія, какъ особую заклѣть, а не ввести его въ государственный строй какъ составную часть, — въ чемъ мы, конечно, не выиграли. Но, тѣмъ не менѣе, безсословность стала въ нашей текущей практикѣ руководящимъ началомъ, причемъ дворянство, очень естественно, отстранилось добровольно отъ многаго, и за это нельзя его винить. Одновременно съ освобожденіемъ крѣпостныхъ руками ихъ же помѣщиковъ, были приняты мѣры для огражденія освобожденнаго народа отъ прямого вліянія послѣднихъ. А какъ нашъ народъ безграмотенъ (да и какое же простонародье политически не безграмотно!) и какъ никакого средняго состоянія у насъ не существуетъ, то съ отстраненіемъ оффиціальнаго культурнаго класса, руководство, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ гражданскомъ обществѣ такъ и въ войскѣ, стало переходить въ руки одной бюрократіи. Призракъ всесословнаго земства повелъ исключительно къ усиленію бюрократическаго начала вездѣ и во всемъ, то есть, въ сущности, къ большей еще несостоятельности общества чѣмъ то было прежде. Личное участіе людей культурнаго слоя, какъ единицъ, по ихъ доброй волѣ, въ какомъ бы то ни было количествѣ, въ отправленіяхъ русской общественной жизни не улучшаетъ дѣла и нисколько не можетъ помѣшать новой безсословности, т. е. безсознательности, разыграться на просторѣ. Во Франціи наслѣдственно образованныхъ людей несравненно боль-

ше чѣмъ у насъ, но съ тѣхъ поръ какъ тамъ былъ разбитъ культурный *политическій* слой, осколки его оказываются совершенно безсильными для управленія обществомъ; maximum ихъ напряженія достигалъ только той цѣли, чтобы передать власть изъ рукъ уличной анархіи въ руки военной диктатуры. Совершившаяся у насъ передача направленія изъ сознательныхъ рукъ въ безсознательныя оказала свое вліяніе не только появленіемъ на сцену новыхъ личностей, какихъ у насъ прежде не было видно, но еще новымъ тономъ, напущеннымъ на русское общество; даже многіе люди культурнаго слоя, одни по неволѣ, другіе по разсчету, третьи по модѣ, стали подъ него поддѣлываться. Такого крутого нравственнаго перелома нигдѣ еще не случалось. Въ Европѣ, даже въ революціяхъ, на смѣну падающихъ общественныхъ пластовъ всегда бывали уже готовы новые, достаточно подросшіе. Оттого-то царствованіе французской демократіи не удается, не смотря на растолченіе культурныхъ слоевъ, что у нея нѣтъ еще своихъ собственныхъ созрѣвшихъ силъ. Намъ же, за неимѣніемъ никакихъ перегородокъ, даже нравственныхъ, въ массѣ, лежащей подъ культурнымъ слоемъ, пришлось свалиться, не въ примѣръ прочимъ, не на ближайшую перегородку и не съ перегородки на перегородку, а прямо на дно. Съ увѣковѣченіемъ этого новаго порядка дѣлъ, ничѣмъ не вынужденнаго, не принесшаго никому личной пользы, вызваннаго не какою либо созрѣвшею потребностью, а лишь временнымъ общественнымъ увлеченіемъ — Россія не станетъ демократичною болѣе чѣмъ прежде, потому что она была всегда чисто-народною и земскою, что составляетъ переводъ того же понятія, словомъ и дѣломъ, только въ русскомъ смыслѣ; но она станетъ изъ монархіи организованной—неорганизованною, стихійною, а современемъ и анархическою. Всякое положеніе приводитъ неизбѣжно къ послѣдствіямъ, которыя оно въ себѣ содержитъ. Отвергать этотъ выводъ можетъ только тотъ, кто вѣритъ

выростанію созрѣвшихъ историческихъ слоевъ на подобіе грибовъ, разомъ, послѣ перваго дождика и первой реформы.

Законъ поступательнаго движенія обществъ нынѣ достаточно опредѣленъ и извѣстенъ, хотя эта извѣстность нисколько не облегчаетъ выработки сборной человѣческой жизни, какъ знаніе законовъ небесной механики не даетъ вліянія на ходъ свѣтилъ. Пониманіе общественнаго закона, примѣненнаго съ приблизительною точностью къ отечественной исторіи, даетъ только возможность смотрѣть отчетливѣе на явленія своего прошлаго и настоящаго, понимать сущность этихъ явлений, не подымая завѣсы будущаго. Ни въ какомъ народѣ культурный слой, заключающій въ себѣ историческую жизнь племени и государства, не движется всею массою разомъ, не идетъ впередъ, если можно такъ выразиться фронтомъ, ровняясь по всей линіи, но выдвигается исключительно оконечностями, сначала лѣвою, потомъ правою, причемъ второй оконечности приходится по большей части догонять первую, затормазивъ предварительно ея бѣгъ настолько, чтобы та не зарвалась слишкомъ далеко, до чистой теоретичности, до полнаго разъединенія съ привычными взглядами и обычаями массы. По счастливому, хотя не совсѣмъ точному выраженію Маколея, сегодняшніе тори суть не что иное, какъ вчерашніе виги. Неточность выраженія состоитъ въ томъ, что сегодняшніе тори все-таки остаются нравственно торіями, что они мирятся лишь съ нѣкоторыми практическими выводами, провозглашенными ихъ соперниками и принятыми обществомъ, но вѣрятъ преимущественно въ исторію, то-есть въ опытъ, между тѣмъ какъ виги, даже благоразумнѣйшіе, не отрывающіеся прямо отъ исторической почвы, всегда слишкомъ склонны къ теоріи. Кромѣ того, тори вносятъ въ управленіе и въ нравы совсѣмъ иной духъ, чѣмъ виги. Характеръ тѣхъ и другихъ остается при нихъ, идетъ впередъ только время. Очевидно, что и тѣ, и другіе, держась исключительнаго направленія

во всемъ и всегда, не могутъ не быть односторонними, не могутъ не обнаруживать извѣстной узкости взгляда, непримѣнимаго цѣликомъ, по своей исключительности, къ разностороннимъ бытовымъ потребностямъ общественной жизни. Но въ узкости воззрѣнія и состоитъ сила партій; одна только узкость позволяетъ имъ сложить законченную, безъ изъятную житейскую теорію, доступную, по своей простотѣ, всякому уму, которую потому легко и проповѣдывать. Всякая рѣка въ тѣсныхъ берегахъ течетъ стремительно. Въ срединѣ, между двумя оконечностями, находится громадное большинство культурнаго слоя, не принадлежащее ни къ правой, ни къ лѣвой, но стоящее между ними какъ судья и посредникъ, примыкающее то къ той, то къ другой, смотря по потребностямъ времени и по выясняющейся необходимости поправить перевѣсомъ одной изъ оконечностей излишекъ и односторонность, напущенные на общество перевѣсомъ другой. Потому-то дѣйствительно единодушныя партіи складываются лишь на двухъ оконечностяхъ; партіи же среднія бываютъ только условными и временными соглашеніями. Тѣмъ не менѣе отъ этихъ среднихъ партій главнѣйше зависитъ правильное развитіе и благосостояніе общества, такъ какъ онѣ однѣ передѣлываютъ крайности обѣихъ оконечностей на бытовыя понятія, способныя войти въ общественную практику. Если крайнія партіи вліяютъ преимущественно одна на другую — лѣвая на правую тѣмъ, что не даетъ ей заснуть, а правая на лѣвую тѣмъ, что не даетъ ей улетучиться до фантазіи, то вліяніе центровъ состоитъ въ уравновѣшеніи партій съ обществомъ взятымъ вмѣстѣ, съ мнѣніемъ и потребностями людей, составляющихъ вездѣ огромное большинство, которые не увлекаются особенно никакими общими цѣлями, а хотятъ благополучно прожить на свѣтѣ, безъ притѣсненія свыше и безпорядковъ снизу. Вожаками этихъ спокойныхъ гражданъ, т. е. предводителями среднихъ, практическихъ группъ, бываютъ обыкновенно

истинные государственные люди, рѣдко выставляемые крайними сторонами, потому именно, что сила замкнутыхъ партій состоитъ въ страстности и односторонности. Въ то время какъ сторонники обѣихъ оконечностей возводятъ свои личные взгляды до идеаловъ,—одни представляютъ прошлое, а другіе будущее въ такомъ радужномъ цвѣтѣ, какимъ ни это прошлое, ни это будущее никогда въ дѣйствительности не окрашивались и не окрасятся,—центры руководятъ обыденною жизнью. Оттого въ крайнихъ партіяхъ заключается сила, движущая обществомъ, въ срединѣ—его равновѣсіе, дѣйствительность текущаго часа.

Извѣстное дѣло, что чѣмъ народъ развитѣе, тѣмъ значеніе центровъ съуживается въ политическихъ сферахъ, хотя въ самомъ обществѣ (или, говоря парламентскимъ языкомъ, въ избирателяхъ) все таки остается главною силою—и на оборотъ. Въ Англіи и Америкѣ всего только двѣ преобладающія политическія партіи—правая и лѣвая; во Франціи же, какъ и на всемъ материкѣ, настоящая правая и настоящая лѣвая, вмѣстѣ взятыя, образуютъ меньшинство, всѣ же остальныя представляютъ не цѣльное мнѣніе, а лишь оттѣнокъ мнѣнія, легко переливающійся въ сосѣдній оттѣнокъ, смотря по обстоятельствамъ и настроенію, какъ обыкновенно бываетъ въ бытовой жизни. Потому-то эти средніе союзы нельзя назвать партіями въ прямомъ значеніи слова; они—не болѣе какъ группы людей, сближаемыхъ не принципами, а настроеніемъ, связываемыхъ и раздѣляемыхъ текущими вопросами. Если бы, для опыта, вздумалось собрать сегодня русскій земскій соборъ, то наша правая и наша лѣвая выставили бы каждая, надо думать, по десятку человѣкъ; всѣ же прочіе не высказали бы никакого сборнаго мнѣнія, а развѣ показали бы одно беспристрастіе, готовность принять все хорошее изъ всякихъ рукъ. Расширеніе крайнихъ партій на счетъ центровъ въ политически-развитыхъ государствахъ (которыхъ лишь два на свѣтѣ) объясняется не только зрѣ-

лостью, а слѣдовательно и большею опредѣленностью личныхъ мнѣній, но зрѣлостью самихъ партій, обдуманныхъ, дисциплинированныхъ, ограничивающихъ увлеченія своихъ членовъ, заставляющихъ ихъ подчиняться рѣшенію *своего*, партійнаго большинства. Въ каждой изъ двухъ большихъ англійскихъ и американскихъ партій есть своя правая, лѣвая и центръ, но только въ мнѣніяхъ, а не въ политическихъ заявленіяхъ, производящихся тамъ. какъ въ хорошо устроенной арміи, по командѣ. Политически-взрослый человѣкъ знаетъ, что одиночныя усилія не ведутъ ни къ чему, что для полученія прямо-достижимаго надо умѣть жертвовать трудно-достижимымъ, какъ бы оно ни было дорого сердцу. Кромѣ того обѣ большія партіи Англіи и Америки устоялись на дѣйствительной почвѣ—на почвѣ высказывающихся общественныхъ потребностей; онѣ давно обрѣзали съ обоихъ своихъ концовъ увлеченія чисто теоретическія, а потому между ними и людьми, озабоченными больше интересами дня, чѣмъ идеями, нѣтъ ощутительнаго промежутка: тѣмъ легче онѣ втягиваютъ въ себя лицъ всякаго рода на счетъ центровъ. И, со всѣмъ тѣмъ, даже въ такихъ государствахъ мнѣнія скопляются въ двѣ главныя группы только на парламентскомъ полѣ; въ обществѣ же большинство остается все-таки въ видѣ текучей середины, дающей перевѣсъ то той, то другой партіи: развитіе и благоустройство націи все-таки зависятъ отъ зрѣлости и сознательности этой середины, не сростающейся надолго ни съ какою оконечностью. Свобода дѣйствій среднихъ политическихъ группъ не означаетъ отсутствія въ людяхъ установленнаго мнѣнія, а только отсутствіе увлеченія и самомнѣнія—отрицательное качество, необходимое для всякаго практическаго дѣла. Она истекаетъ не столько изъ склада ума. какъ изъ разсудительности и примирительнаго характера, отчасти изъ безстрастія; въ ней нѣтъ увлекающей силы, но весь устой заключается въ ней одной. Оттого именно, кромѣ часовъ взрыва и

реакцій, почти всѣ государственные люди выходятъ изъ среднихъ партій.

Крайнія мнѣнія существуютъ вездѣ и всегда, по той же причинѣ, по которой у всякой палки два конца; за ними дѣло никогда не станетъ, но благоустройство обществъ и политическая ихъ зрѣлость зависятъ исключительно отъ развитія среднихъ, можно сказать, нейтральныхъ мнѣній, какимъ бы образомъ онѣ ни выражались—закваշивая ли своимъ примирительнымъ духомъ двѣ преобладающія партіи, или же образуя между ними самостоятельный устой. Способность народа къ правильной политической жизни измѣряется преимущественно численностью, просвѣщеніемъ и связностью этихъ среднихъ группъ, заботящихся болѣе о практикѣ жизни, чѣмъ о теоріяхъ. Гдѣ имъ недостаетъ одного изъ названныхъ условій, тамъ правильное развитіе общества замѣняется очередными потрясеніями въ ту и другую сторону. О численности ихъ нечего заботиться: людей умѣреннаго мнѣнія и житейскихъ практиковъ вездѣ несравненно больше, чѣмъ несговорчивыхъ, изъ которыхъ набираются горячія партіи. Но отсутствіе связности между средними политическими группами гибельно: оно свалило Францію; отсутствіе связности и просвѣщенія въ общественныхъ центрахъ явно губитъ южно-американскія республики.

Перевѣсъ середины самого тѣла надъ крыльями составляетъ такое же условіе правильнаго организма для общества, какъ и для птицы. Безъ крыльевъ народъ не можетъ двигаться, какъ Китай, но безъ средины онъ вовсе не можетъ жить. Слѣдуетъ потому сказать съ увѣренностью, что тамъ, гдѣ середина не подаетъ признаковъ явной самостоятельной жизни, гдѣ она еще не сложилась,— тамъ нѣтъ и крыльевъ, а то, что наивные люди принимаютъ за крылья, есть не что иное, какъ вѣялки изъ накладныхъ перьевъ, нѣчто вродѣ *партій*, складываемыхъ между малолѣтними единомысліемъ нѣсколькихъ журнальныхъ сотрудниковъ или салонное

собраніе немногихъ собесѣдниковъ безъ послѣдователей, какъ у насъ. Ростъ крыльевъ, образованіе партіи или партій на оконечностяхъ безъ живого общественнаго тѣла, безъ ясно-высказывающейся середины—возможны, но это—явленіе болѣзненное и скоропреходящее. Такимъ болѣзненнымъ явленіемъ было у насъ распространеніе нигилизма въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, хотя онъ былъ не партіей, а только разливомъ полусознанной новизны.

Этотъ законъ общественнаго развитія поочереднымъ движеніемъ съ двухъ оконечностей, умѣряемымъ и приноравливаемымъ къ жизни серединою, есть законъ всемірный и вѣчный, законъ древняго какъ и новаго міра,—сознается ли онъ обществомъ, или нѣтъ. Разница оказывается лишь въ томъ, что въ первомъ случаѣ, при сознаніи, выдвигаются настоящія, устроенныя партіи; во второмъ — движеніе выражается однимъ напоромъ мнѣнія, безформеннымъ, но тѣмъ не менѣе приводящимъ въ цѣли. Можетъ случиться и при сознательности что партіи не смыкаются, не представляются глазамъ наружнымъ образомъ, а дѣйствуютъ только силою и распространенностью мнѣнія. Такое явленіе возможно лишь въ странѣ, гдѣ общество не привыкло къ самодѣятельности и союзы частныхъ людей для какой либо общей цѣли не обычны, но гдѣ въ то же время правительство сращено съ народомъ въ одно органическое цѣлое, гдѣ оно не имѣетъ надобности отстаивать какіе либо личные свои интересы, и гдѣ вслѣдствіе того укореняется убѣжденіе, что созрѣвшему мнѣнію достаточно быть услышаннымъ, чтобы перейти въ жизнь. Иначе не изъ чего было бы хлопотать: турецкимъ райямъ и негосподствующимъ австрійскимъ народностямъ нѣтъ пользы доводить свои сердечныя желанія до свѣдѣнія ихъ повелителей—нѣмецкаго цезаря и мусульманскаго султана, вынужденныхъ поддерживать старые порядки для собственнаго самосохраненія.

При дѣйствіи одного мнѣнія, также какъ и при явныхъ партіяхъ, въ странѣ самодержавной (но такой, гдѣ власть органически соединена съ народомъ), также какъ и въ странахъ конституціонныхъ, позывъ къ движенію въ ту или другую сторону всегда созрѣваетъ въ оконечныхъ, теоретическихъ мнѣніяхъ, раньше, чѣмъ въ самомъ тѣлѣ общества, въ его серединѣ, но становится потребностью и явно заявляетъ о себѣ тогда лишь, когда принимается срединою, то-есть силою, преобладающею въ этой серединѣ, взвѣсившею предварительно теорію партій со своею практикою. Исторія всѣхъ развивающихся народовъ шла однимъ изъ этихъ путей. Она складывалась организованными партіями въ республикахъ классическаго міра, въ средневѣковой Италіи и въ англо-саксонскомъ племени, и напоромъ неорганизованнаго мнѣнія во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Еслибъ можно было забыть исторію и судить о прошломъ лишь по нынѣшнему состоянію народовъ, то и въ такомъ случаѣ эти черты ихъ истекшей жизни обозначились бы явно: въ обществахъ, давно знакомыхъ съ сомкнутыми партіями, эти партіи слились въ двѣ главныя, почти поглотившія центръ, проявляющійся теперь въ нихъ самихъ, а не внѣ ихъ; въ прочихъ европейскихъ странахъ партіи дробятся чрезвычайно, и самостоятельные центры господствуютъ, хотя непрочно. Подводя нашу исторію и наше современное общественное состояніе подъ мѣрку, данную этимъ всеобщимъ закономъ, мы видимъ несомнѣнно, что Россія принадлежитъ къ числу государствъ, развивавшихся подъ напоромъ мнѣнія безформеннаго, хотя всегда достигавшаго своихъ цѣлей; но нельзя не видѣть и того, что въ настоящую пору мы значительно отстали отъ другихъ европейцевъ, какъ въ опредѣленности, и главное, въ практичности своихъ мнѣній, такъ и въ способахъ ихъ выраженія, не вслѣдствіе нашихъ политическихъ началъ, но по неорганизованности самаго общества. У насъ не существуетъ покуда не только

партій, но даже явно обозначившихся сборныхъ мнѣній. Можно думать, что настоящія партіи у насъ никогда не возникнутъ, а при дальнѣйшемъ развитіи сложатся только опредѣленныя группы одномыслящихъ людей, — группы болѣе сплоченныя, какъ вездѣ, на оконечностяхъ, но болѣе многочисленныя въ центрѣ. Неосуществимость въ Россія сомкнутыхъ партій, дѣйствующихъ на народное развитіе и на законодательство не мнѣніемъ, а прямымъ, самодѣятельнымъ напоромъ — очевидна. Имъ нѣтъ у насъ мѣста, пока русскій народъ сохраняетъ свои основныя историческія понятія, т. е. на неопредѣленно долгое время въ будущемъ.

Россія представляетъ единственный въ исторіи примѣръ государства, въ которомъ весь народъ безъ изъятія, всѣ сословія, вмѣстѣ взятыя, не признаютъ никакой самостоятельной общественной силы внѣ верховной власти и не могутъ признавать, не могутъ даже мечтать объ ней, потому что такой общественной силы не существуетъ въ зародышѣ. Въ исторіи нельзя ничего сочинять; въ ней живетъ только то, что ею же призвано къ жизни. Общество, какъ и всякое твореніе въ природѣ, можетъ пользоваться только дѣйствительными, развившимися изъ него самого орудіями, — въ такомъ же смыслѣ какъ птица крыльями и звѣрь лапами, — а не какими либо присочиненными; на накладныхъ крыльяхъ никто не летаетъ. Съ другой стороны, въ одной лишь Россіи осуществилась верховная власть всесословная, не связанная особыми личными отношеніями ни съ какою гражданскою группою, такъ какъ всѣ отдѣльныя сословія созданы ею же, почему она внушаетъ одинаковое довѣріе людямъ всѣхъ общественныхъ подраздѣленій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы составляемъ единственное исключеніе изъ категоріи европейскихъ государствъ, развивавшихся какъ и мы, безъ явно-обозначавшихся органовъ народной самодѣятельности, безъ партій, однимъ повышеніемъ уровня нерасчлененнаго общественнаго мнѣнія. У насъ

однихъ только мнѣніе, разъ вызрѣвшее, никогда не оставалось безъ удовлетворенія, между тѣмъ какъ тамъ, т. е. по всей материковой Европѣ, самыя распространенныя мнѣнія, желавшія измѣненія установленныхъ порядковъ, рѣдко признавались властью добровольно; власть, взросшая не на всенародной, а на условной и сословной почвѣ, смотрѣла непріязненно на всякую новизну и уступала только необходимости. Нашъ государственный складъ никакъ не препятствуетъ развитію какихъ бы то ни было политическихъ формъ и органовъ мнѣнія, соотвѣтствующихъ народному росту, но заранѣе и неотвратимо опредѣляетъ ихъ внутреннее содержаніе—совѣщательное, а не самостоятельное, даетъ мѣсто только группамъ единомышленниковъ, а не сомкнутымъ политическимъ партіямъ, что, однакожъ, нисколько не умаляетъ ихъ значенія въ нашемъ будущемъ; съ возвышеніемъ уровня общественной сознательности, при давнишнемъ, полномъ довѣріи русской верховной власти къ своему народу, взаимныя отношенія ихъ могутъ быть гораздо искреннѣе, нравственная сила созрѣвшаго мнѣнія гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ въ бумажныхъ конституціяхъ европейскаго материка. Дѣло только въ томъ, чтобы вызрѣли, наконецъ, наши—не разговорныя, а практическія, сборныя мнѣнія и сложились соотвѣтствующія сборные органы для ихъ выраженія, чего можно ждать, конечно, не на завтрашній день.

Внутреннее содержаніе русской исторіи опредѣлилось разъ навсегда, въ самомъ зародышѣ московскаго государства, тѣмъ исключительнымъ оборотомъ дѣла, что не русскій народъ выростилъ изъ себя свою верховную власть, какъ всегда происходило и происходитъ на свѣтѣ, а напротивъ, верховная власть создала русское государство и русскій народъ изъ распавшагося, уничиженнаго и погибавшаго племени. Можно провести такое сравненіе: еслибъ черногорскіе владыки въ XVII и XVIII столѣтіяхъ собственными силами вытѣснили турокъ изъ Европы и собрали бы раіевъ,

стонущихъ подъ варварскимъ игомъ, въ сильное и однородное государство, которому они дали бы все, отъ независимости до послѣдняго гражданскаго учрежденія,—государство, въ которомъ не оказывалось бы ничего, что не было бы дѣломъ ихъ рукъ,—то имъ, неизбѣжно, выпало бы на долю всемогущество русской верховной власти; въ народномъ понятіи не существовало бы никакой самостоятельной силы, кромѣ династіи, а всѣ сословія и учрежденія, ею созданныя, считались бы только формами, орудіями, подлежащими передѣлкѣ сообразно потребностямъ времени. Таковъ смыслъ русской исторіи. У насъ существуютъ самостоятельно только русская народность и русская верховная власть, какъ органическая ея голова; кромѣ церкви, все прочее, каково бы ни было его относительное значеніе, не живетъ въ себѣ, не располагаетъ никакою собственною силой, не имѣетъ никакихъ признанныхъ корней въ народномъ сознаніи, а потому и не можетъ говорить отъ себя лично, хотя и можетъ быть допущено властью къ самому широкому развитію во имя же власти, для удовлетворенія потребностямъ русскаго народа. Одни фантастическіе умы могутъ мечтать объ измѣненіи этой коренной основы нашей жизни, внѣ которой у насъ ничего нѣтъ, которою мы только и держимся, обезпечивающей намъ стройное и спокойное развитіе, покоющееся, не въ-примѣръ европейскому материку, на правдѣ, на дѣйствительности бытовыхъ отношеній, а не на фикціи. Наши общественныя формы выростутъ сами собою, когда предварительно подъ ними возникнутъ сознательныя и опредѣленныя мнѣнія и потребности. Надобно помнить, что въ Англіи, кромѣ одной magna charta, не было ни клочка писанныхъ условій между властью и обществомъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что мы никогда не сложимъ англійскаго парламентаризма. Это недостижимо не только для склада русскаго общества, а даже для склада русской личности, въ томъ видѣ, какъ она заквашена исторіей—но дере-

стемъ до всего, что нужно Россіи, сохраняя въ то же время незыблемо-прочную почву подъ ногами. Иного пути передъ нами нѣтъ и не будетъ никогда.

Наша коренная народная основа, замѣнившая разнообразіе общественнаго склада невиданнымъ въ исторіи единствомъ его, не содержитъ и никогда не содержала въ себѣ ничего азіатскаго; въ ней очевидно осуществился новый, послѣдній по времени и, надо думать, исключительно устойчивый типъ чисто-европейской, но не феодальной монархіи, глубоко отличный, въ этомъ отношеніи, отъ всѣхъ западныхъ образцовъ. Прочность основъ обѣщаетъ русскому всесословному царству многовѣковое правильное развитіе, въ виду начавшагося разложенія феодальныхъ монархій европейскихъ. Несмотря на то, при невыработанности нашихъ понятій, у насъ очень часто еще повторяется мнѣніе объ азіатствѣ московской, а стало быть и нынѣшней Руси, такъ какъ государственныя основанія ихъ тождественны; ученые люди недавно еще пытались выводить наши политическія формы изъ наслѣдства Золотой Орды. Читатели позволятъ намъ небольшое отступленіе для разъясненія такого взгляда, необходимо вліяющаго на сужденіе о нашей современности, на вопросъ: чѣмъ намъ быть? Верховная власть азіатская—не развивающее начало, а механическое объединеніе населеній, давно окаменѣвшихъ въ данной формѣ, утратившихъ способность измѣняться, чуждыхъ потому живыхъ нравственныхъ интересовъ и почти безъ исключенія лишенныхъ всякой народности, замѣненной у нихъ религіознымъ единствомъ, — по крайней мѣрѣ недорожащихъ народностью. Надъ мертвымъ обществомъ можетъ стоять только мертвая же, нерасчисленная, а оттого и безпредѣльная власть. Въ азіатскомъ застоѣ конецъ столѣтія ничѣмъ не отличается отъ его начала, общество остается тѣмъ же, чѣмъ и было, а если движется, то лишь вслѣдствіе механическихъ толчковъ, наносящихъ на него порою новые слои завоевате-

лей; никакое новое царствованіе не вноситъ въ это общество новизны и отличается отъ предшествовавшаго только личнымъ характеромъ царствующаго лица. Слово «Азія» въ этомъ отношеніи употребляется неправильно; оно должно бы имѣть не географическій, а историческій смыслъ, означать всякія отжившія общества, оказывавшіяся не въ одной Азіи; отжившимъ міромъ, въ такой же степени какъ нынѣшній Китай и нынѣшнее мусульманство, былъ весь міръ классическій, отъ вѣка Антониновъ до взятія турками Константинополя. Кто имѣетъ ясное понятіе о такихъ отжившихъ народахъ, кто видѣлъ ихъ своими глазами, тому нечего объяснять, что между ними и московскою, также какъ и нынѣшнею Русью нѣтъ и никогда не могло быть ничего общаго, кромѣ нѣсколькихъ наружныхъ формъ. Единственный образчикъ въ Россіи, могущій идти въ сравненіе съ Азіею, это—наши старообрядцы, и то лишь въ смыслѣ религіозной общины, такъ какъ въ своемъ обыденномъ быту они такіе же живые русскіе люди, какъ и всѣ прочіе; между тѣмъ какъ нынѣшніе азіатскіе народы, также какъ и отживавшій классическій міръ, были старообрядцами во всемъ, во всякой чертѣ своей умственной, гражданской и политической жизни, своей науки и своего искусства, безъ исключенія. Они считали и считаютъ предковъ безусловно умнѣе и ученѣе себя; чтили и чтутъ только внѣшнюю форму, утратившую свое первоначальное значеніе; полагаютъ въ ней всю святость; наслѣдственно выростаютъ въ этихъ понятіяхъ, а потому становятся неспособными къ оцѣнкѣ всякаго мнѣнія и дѣла внѣ формы, что̀ не позволяетъ имъ ступить шагу впередъ. Надъ подобными окаменѣлыми обществами: очевидно, можетъ стоять только механическая власть, такая же старообрядческая, какъ они сами. Ничего подобнаго не бывало и не могло быть въ Россіи ни въ какомъ періодѣ ея исторіи: Россія всегда жила жизнью органическою. Ни въ одномъ изъ прожитыхъ нами столѣтій конецъ его не похожъ на начало: въ тече-

ніе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ постоянно оказывалось значительное видоизмѣненіе какъ въ государственныхъ вопросахъ, такъ и въ общественномъ настроеніи, въ явленіяхъ собственно-народной жизни. Конечно, задачи времени сочинялись не властью — такое сочиненіе нигдѣ на свѣтѣ не было ея дѣломъ; сознаніе ихъ проникало въ правительственный кругъ изъ постоянно растущаго и складывающагося общественнаго мнѣнія, то разливавшагося на всѣ слои населенія, — какъ было въ первое время, когда русскій народъ, потоптанный татарами, самъ бросился въ объятія возникавшей верховной власти, или въ эпоху междуцарствія, при избраніи дома Романовыхъ,—то принимавшаго мѣстный характеръ, какъ оказалось при отстаиваніи Москвою правильнаго престолонаслѣдія во времена Василія Темнаго,—то съуживавшагося въ русло небольшой, но сильной своею связностью передовой партіи, какъ происходило при нововводительныхъ попыткахъ начала царствованія Іоанна Грознаго, при исправленіи церковнаго устава Никономъ, при уничтоженіи мѣстничества, и такъ далѣе. Самое преобразованіе Петра Великаго было только ускореніемъ, а не починомъ стремленія, возникшаго во мнѣніи передовыхъ людей, къ сближенію съ Европой; надо помнить, что еще до Петра было заведено регулярное войско, въ Москвѣ появились иновѣрческія церкви, а при дворѣ Софьи Алексѣевны игрались трагедіи Корнеля. Кромѣ того, петровская реформа стоитъ въ самой тѣсной связи съ предшествовавшею ей нѣсколькими годами отмѣной мѣстничества, не допускавшаго созданія народнаго культурнаго сословія, главной задачи, главнаго орудія и главнаго смысла нашего воспитательнаго періода. Одно вытекло изъ другого. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ отечественной жизни несомнѣнно дѣйствовало постоянно развивающееся, незнавшее застоя мнѣніе; стало быть русскій народъ жилъ органически, и никакого сравненія между Россіею и окаменѣвшими странами Азіи быть не можетъ. Починъ

дѣйствія, претвореніе созрѣвавшихъ мнѣній въ бытовыя формы, всегда принадлежалъ у насъ исключительно верховной власти, безъ видимаго проявленія общественной самодѣятельности, потому что во власти, создавшей Россію, заключалась и заключается единственная самостоятельная сила нашей почвы, единственное орудіе дѣйствія. По вслѣдствіе той же самой причины русская власть, не имѣющая никакихъ внутреннихъ соперниковъ, никогда не имѣла также никакихъ личныхъ интересовъ, кромѣ общенародныхъ; она не только никогда не ставила преградъ возникавшему напору мнѣнія, но, напротивъ, скорѣе упреждала его, переносила въ бытовую жизнь то, что требовалось небольшимъ, иногда даже увлекающимся меньшинствомъ развитаго слоя. Такъ продолжается и до днесь — мы видѣли это на современныхъ намъ преобразованіяхъ; такъ будетъ продолжаться и впредь, хотя подъ другими, болѣе опредѣленными формами. Находить сходство между русскою верховною властью, живою головою русскаго народа и механическимъ ханствомъ Золотой Орды, также какъ между Россіей, какого бы то ни было періода ея исторіи, и азіатскими обществами, можно только посредствомъ остроумія, а не историческаго разума. Мы всегда жили какъ народъ и шли впередъ, подъ управленіемъ власти, столько же, если еще не болѣе прогрессивной чѣмъ мы сами; тѣ живутъ какъ единицы, не какъ общество, подъ произволомъ безъ содержанія и впередъ не идутъ. Вотъ коренная разница, которой не можетъ ослабить сходство никакихъ внѣшнихъ обрядовъ. . . .

Мы принадлежимъ къ христіанской, постоянно развивающейся, незнающей покуда застоя половинѣ человѣчества; мы народъ европейскій, прогрессивный въ своей сущности, — а прогрессъ состоитъ именно въ безпрерывномъ наростаніи имѣнія и потребностей, періодически требующихъ обновленія общественныхъ формъ, сообразнаго ихъ росту. Такъ и происходило во все продолженіе

нашей тысячелѣтней исторіи. Но мы постоянно жили въ заколдованной обстановкѣ, тормозившей развитіе общества—сначала въ обстановкѣ международной, заставлявшей насъ жертвовать внутренними задачами внѣшнимъ, домашнимъ успѣхомъ — государственному бытію; потомъ въ обстановкѣ нравственной, затрачивавшей всю силу народнаго роста на созданіе орудія будущаго, нашего культурнаго сословія, и погрузившей насъ въ среду чуждыхъ, не усвоенныхъ, нераспредѣлившихся въ нашихъ головахъ, непримѣненныхъ къ нашей почвѣ чужеземныхъ понятій. Только вчера выбились мы на открытую дорогу и можемъ, наконецъ, понимать себя, сознательно оглядываться на пройденный путь, разумно пользоваться содержаніемъ, даннымъ намъ исторіей — умственнымъ, нравственнымъ, и политически-общественнымъ. Въ чемъ же состоитъ это содержаніе? Что вынесли мы изъ этого тысячелѣтняго бытія? Можно отвѣчать безъ запинки: государственное величіе, крѣпчайшій народный складъ, непоколебимую верховную власть, доброжелательство всѣхъ русскихъ сословій между собою и наше культурное петровское сословіе. Это—очень много, какъ руководящее начало и какъ матеріалъ, но недостаточно, можно даже сказать несоотвѣтственно потребностямъ текущей эпохи, какъ форма. Поэтому предстоящая намъ задача заключается именно въ сложеніи формъ, точно соотвѣтствующихъ нашимъ дѣйствительностямъ во всѣхъ отношеніяхъ. Безформенное содержаніе нашего развитія, выростанія нашихъ мнѣній, и домашнихъ и заимствованныхъ, и образъ ихъ взаимодѣйствія между собою, съ верхомъ и съ низомъ, исчерпано уже до конца. Но такая нравственная и законодательная задача не можетъ, конечно, выработаться въ одинъ день. Для нея нужны прежде всего опредѣленныя орудія—если можно такъ выразиться—расчлененіе общества по росту его слоевъ; а для того нуженъ еще предварительный шагъ: признаніе съ обѣихъ сторонъ нашей дѣйствительности во

всей ея полнотѣ и отреченіе, какъ отъ неподходящихъ къ намъ идеаловъ чужой жизни, такъ и отъ собственныхъ увлеченій.

Покуда же наше общественное мнѣніе и наша общественая дѣятельность въ самомъ дѣлѣ безформенны, выражаются полусознательно и то лишь въ часы крайняго напряженія, что вело насъ постоянно, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, или къ недовершенію, или къ переверщенію цѣлей, но никогда къ прямому ихъ достиженію. Нашему сборному мнѣнію не только негдѣ выработаться, но невозможно ни сосчитать, ни взвѣсить различныхъ своихъ оттѣнковъ, еслибъ даже оно выработалось; наша печать высказываетъ не его, а только самое себя, личныя понятія нѣсколькихъ пишущихъ людей. Плодотворной общественной дѣятельности также нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ милліоны людей, сознательныхъ и несознательныхъ, но вообще непривычныхъ къ какому либо дружному дѣйствію, слиты въ одну безразличную массу. Кромѣ эпохъ всенароднаго потрясенія, подобныхъ 1612 или 1812 годовъ, какое единство взглядовъ и стремленій, какое большинство можетъ выработаться въ этой массѣ? Кто возьмется говорить отъ имени всего народа, даже одной губерніи, даже одного уѣзда, а если возьмется, не будетъ ли такая рѣчь явною ложью? Какая личная сила, какое частное начинаніе можетъ дать толчокъ, въ какомъ бы то ни было направленіи, всему населенію хотя бы только уѣздному? При гражданской безсвязности культурнаго сословія, утопленнаго въ стихійной массѣ, современная Россія совершенно лишена органовъ, слагающихъ и выражающихъ сборное мнѣніе, способныхъ вызывать сборную дѣятельность. Для того чтобы жить вполнѣ человѣческою жизнью, намъ приходится или ждать отдаленныхъ вѣковъ, когда все русское простонародье уподобится развитому населенію маленькаго швейцарскаго кантона, или же выдѣлить изъ него и сомкнуть вмѣстѣ слои, способные къ исторической жизни. Объ этомъ мы говорили въ цѣлой книгѣ

А между тѣмъ время бѣжитъ, и намъ нѣкогда засиживаться въ своемъ безформенномъ состояніи. Если Европа пойдетъ къ обновленію, намъ будетъ худо — она слишкомъ опередитъ насъ; если она идетъ къ растлѣнію, что гораздо вѣроятнѣе, намъ будетъ еще хуже — мы останемся одни и намъ предстоитъ почерпать все изъ самихъ себя, не говоря объ упорной борьбѣ, которую намъ доведется выдерживать противъ нея по противоположности началъ. Потому, думаемъ, выдѣленіе и организація культурнаго слоя, какъ орудія русской мысли и дѣятельности, составляютъ насущную задачу текущаго времени, — задачу, безъ разрѣшенія которой мы не ступимъ шагу далѣе. Ничто у насъ не сложится безъ зародыша, безъ твердаго ядра, совокупляющаго въ себѣ историческія силы русской земли, дающаго всей массѣ надлежащее направленіе и подымающаго ее понемногу на свой уровень.

Только организація культурнаго сословія можетъ создать у насъ ту общественную середину, тѣ связныя группы умѣренныхъ и практическихъ мнѣній и дѣятелей, безъ которыхъ немыслимо не только правильное, но даже какое нибудь дѣйствительное развитіе. Мы не полетимъ, махая крыльями безъ тѣла, упражняясь въ однихъ крайнихъ и теоретическихъ мнѣніяхъ прогресса и охранительности, а только измахаемся понапрасну. Даже для этихъ оконечныхъ мнѣній необходимо сложеніе и оживленіе нашей середины, самого тѣла образованнаго русскаго общества; тогда только они будутъ въ состояніи жить и дѣйствовать, вмѣсто того чтобы толковать пустое и по-пустому, какъ нынѣ. Изъ общества безформеннаго, лишеннаго связныхъ руководящихъ слоевъ, особенно въ такую пору, когда оно еще не привыкло въ самодѣятельности, не могутъ явно выдѣлиться группы, изъ которыхъ должно слагаться развитіе всякаго зрѣлаго и даже созрѣвающаго народа — лѣвая, средняя и правая; въ такомъ состояніи существуютъ

лишь безличныя мнѣнія, не подлежащія ни счету, ни оцѣнкѣ, становящіяся осязательными только въ рѣдкихъ случаяхъ особеннаго напряженія. Прежде всего намъ надо выйти изъ безформеннаго состоянія и сложиться, посвятивъ этой задачѣ хотя бы жизнь цѣлаго поколѣнія; слѣдующее успѣетъ сосчитаться по своимъ направленіямъ. До тѣхъ же поръ намъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, некуда бѣжать впередъ, какъ и нечего охранять.

Бѣжать впередъ намъ пока рѣшительно некуда. Въ ожиданіи будущаго поколѣнія, нашему передовому направленію неизбѣжно приходится сложить руки *). Послѣдніе его идеалы, къ которымъ оно рвалось въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, были — можно надѣяться, послѣдній разъ въ нашей исторіи — безъ исключенія заимствованные, не-русскіе. Замѣненіе какими бы то ни было либеральными идеалами, хотя бы самыми чуждыми народному сознанію, такихъ явныхъ отступленій отъ правильной общественной жизни, какъ крѣпостное право и наше прежнее безсудіе, всегда сходитъ съ рукъ; отъ него все таки становится легче. Но пора голаго отрицанія для насъ прошла, приходится засѣвать вновь перепаханную и переполотую русскую почву, а для такой цѣли экзотическія сѣмена, примѣры и теоріи, вычитанныя въ чужихъ книгахъ, никуда не годятся. Въ нашемъ же обновленномъ обществѣ вызрѣло съ тѣхъ поръ лишь сознаніе необходимости безпредѣльной, по самой обыденной, самой мелочной практики для улучшенія и установки на новыхъ началахъ всенароднаго и всесословнаго быта; но не вызрѣло никакихъ явно очерченныхъ идеаловъ русской жизни, къ осуществленію которыхъ можно

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что лѣвую сторону мнѣній обыкновенно называютъ передовою не потому, чтобы она въ самомъ дѣлѣ опережала кого нибудь въ пониманіи дѣла, какъ думаютъ мальчики, а потому только, что она всегда рвется впередъ, становится ближе къ концу, каковъ бы онъ ни былъ, хорошій или дурной. Доброкачественность ея стремленій зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ эпохи и отъ возраста народнаго развитія.

было бы стремиться сознательно, въ согласіи съ массою или хоть частью массы. Они и не могутъ — не только вызрѣть, но даже пустить ростокъ при нынѣшнемъ безформенномъ общественномъ складѣ. Потому людямъ передоваго направленія приходится у насъ или тянуть чужую пѣсню, что уже слишкомъ всѣмъ надоѣло, или же благоразумно отойти на второй планъ, въ ожиданіи будущаго, предаваясь покуда практической, полезной, но невыдающейся дѣятельности словомъ и дѣломъ, мѣшая ее, какъ можно меньше съ теоретическими направленіями. Нигилисты, вѣроятно, останутся нигилистами, но ихъ никто не причисляетъ къ либераламъ лѣвой группы: они принадлежатъ совсѣмъ иному направленію — безбородому.

Нашей правой въ ея чистомъ видѣ, нашему охранительному направленію — нельзя совѣтовать даже того, что мы совѣтовали лѣвому; ему незачѣмъ отходить на второй планъ, такъ какъ ни на второмъ, ни на первомъ у него, какъ у опредѣленнаго мнѣнія, не оказывается покуда никакого дѣла. Это направленіе имѣло немалое значеніе въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, но проиграло сраженіе (мы говоримъ не о крѣпостномъ правѣ, сохраненія котораго желало очень небольшое число людей, а объ остальномъ). Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ охранители поднялись вновь, но проницательнѣйшіе изъ нихъ поняли, что на перепаханномъ русскомъ полѣ нѣтъ уже старыхъ корней и нѣтъ еще новыхъ всходовъ, такъ что охранять на немъ въ настоящее время рѣшительно нечего; скорѣе надо заботиться о слѣдующемъ посѣвѣ. Въ такомъ положеніи дѣлъ всякая партія, мнѣніе или группа единомысленныхъ людей, одаренная политическимъ чутьемъ, должна непремѣнно видоизмѣнить свое знамя. Умные изъ нашихъ охранителей дѣйствительно видоизмѣнили его. Они стали думать о созданіи подходящихъ формъ будущей русской жизни, органически привитыхъ къ преобразованіямъ нынѣшняго царствованія, отказываясь

отъ никуда неведущаго охраненія одних воспоминаній. Что намъ охранять въ текущій часъ? Наши основныя начала — православная вѣра, государственное единство, русская народность, историческая верховная власть — не только не просятъ охраненія со стороны общества, но, напротивъ, сами насъ охраняютъ; мы живемъ только ими и безъ нихъ разсыпались бы прахомъ. Одна только изъ этихъ четырехъ основъ — религіозная — допускаетъ съ своей внутренней стороны охранительныя усилія частныхъ людей. Мы не станемъ развивать покуда этотъ вопросъ, но не можемъ не замѣтить, что, при нынѣшней безсвязности русскаго общества, подобныя усилія хотя и возможны, но въ сущности безплодны; въ этомъ отношеніи болѣе даже чѣмъ во всякомъ другомъ, нужна предварительная организація культурнаго слоя, чтобы цѣлыя группы людей могли мыслить и дѣйствовать сообща. О прочихъ основахъ нечего и говорить: мы сильны ими, а не онѣ нами. Не станемъ разыгрывать лицъ басни „Муха и проѣзжіе" и помогать взбираться на гору колесницѣ, которая насъ же везетъ на себѣ. Никакой человѣкъ со смысломъ не возьмется за охраненіе народнаго духа и его органическихъ проявленій въ теченіе временъ; можно охранять только сложившіяся формы. Между тѣмъ, именно подлежащихъ охраненію формъ теперь у насъ почти вовсе нѣтъ. Мы станемъ оберегать ихъ въ то время, когда онѣ дѣйствительно возникнутъ. Покуда же, вслѣдъ за только-что совершившеюся передѣлкою всего русскаго быта, нашъ консерватизмъ въ своемъ чистомъ видѣ есть самое заносное изъ заносныхъ, самое неподходящее изъ неподходящихъ къ намъ чужеземныхъ понятій... Нынѣшнему русскому охранителю — во что бы ни стало — приходится дѣлать одно изъ двухъ: или охранять то именно, чего онъ не любитъ — нашу нынѣшнюю безформенность и безсословность, — или же играть роль часового, поставленнаго, говорятъ, въ Лѣтнемъ саду императрицею Екатериною II у куста посаженныхъ ею розъ и

выведеннаго только недавно, сторожившаго цѣлое столѣтіе мѣсто давно изчезнувшаго куста.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что люди нашей охранительной группы, по своему развитію и нравственнымъ качествамъ, стоятъ въ большинствѣ очень высоко и могутъ быть чрезвычайно полезными общественными деятелями; тѣмъ не менѣе дѣятельность ихъ станетъ плодотворною тогда лишь, когда они употребятъ ее не на охраненіе того, чего уже нѣтъ, а на созданіе того, что намъ будетъ необходимо охранять въ будущемъ.

Полагаемъ, что для нашихъ прогрессистовъ и нашихъ охранителей покуда нѣтъ положительнаго дѣла; когда же настанетъ вновь время ихъ дѣятельности,—оно наступитъ для тѣхъ и для другихъ разомъ. Покуда намъ нужна преимущественно живая середина, нужно связное, организованное, практически дѣятельное тѣло общества, осуществимое только правильною постановкою культурнаго слоя. Наше общество достаточно впитало въ себя законченныхъ теорій съ обѣихъ оконечностей, правда, больше съ лѣвой, чѣмъ съ правой; но таково было повѣтріе времени; нынѣ даже оконечности нашихъ мнѣній почти заглохли и могутъ ожить тогда лишь, когда наберутся содержанія для новой дѣятельности изъ нѣдръ общественнаго большинства, не увлеченнаго никакими теоріями, изъ практической жизни русской середины.

Однимъ словомъ, наши великіе народные вопросы все еще впереди: рѣшеніе ихъ принадлежитъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ. Потому мы почти вовсе не касались ихъ По нашему пониманію, задача нынѣ живущаго поколѣнія заключается преимущественно въ созданіи общественнаго устройства, способнаго, подъ рукою верховной власти, двинуть современемъ эти вопросы.

ГЛАВА VIII.

Остается подвести итоги предшествующему и взвѣсить возраженія, противопоставленныя нашимъ заключеніямъ — возраженія вполнѣ естественныя если смотрѣть на предметъ не съ нашей точки зрѣнія, и съ какой либо иной. Такихъ же точекъ зрѣнія можетъ быть много, вслѣдствіе чрезвычайной сложности самаго предмета: общественнаго устройства, наилучше соотвѣтствующаго духу многочисленнаго народа и направленію, данному ему исторіей, при извѣстной степени его зрѣлости. Не говоря уже о томъ, что для правильнаго обсужденія такого вопроса нужно прежде всего полное безпристрастіе, отреченіе отъ личныхъ вкусовъ въ пользу чисто логическихъ выводовъ; но кромѣ того, различіе во взглядѣ даже на одну какую либо сторону вопроса — на духъ нашего народа, на степень его зрѣлости или на смыслъ русской исторіи — должно непремѣнно отозваться на общемъ выводѣ. Мы знаемъ возможность сильныхъ возраженій противъ высказанныхъ нами заключеній, потому что эти возраженія возникали въ нашемъ собственномъ умѣ; оттого мы и не считаемъ своихъ выводовъ ни единственно осуществимыми, ни единственно разумными; съ измѣненіемъ принятаго основанія измѣняется и вся перспектива. Но мы стоимъ на томъ, что эти выводы истекаютъ неизбѣжно изъ нашихъ основаній, когда разъ основанія приняты. Значитъ, мы обязаны прежде всего оправдать свою точку зрѣнія, показать, почему мы считаемъ ее исключительно правильною.

Самый разговоръ о такомъ предметѣ какъ общественное пере-

устройство, основанное не на теоріи, а на чистой практикѣ, примѣняемо не къ отвлеченному, а къ опредѣленному народу, представляетъ то чрезвычайное затрудненіе—что такого разговора еще никогда и нигдѣ не бывало, что его приходится вести въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ стоитъ свѣтъ. Для того чтобы могла возникнуть возможность подобнаго обсужденія нужно соединеніе условій, осуществившееся только у насъ и только теперь: зрѣлые общественные матеріалы, не сложившіеся еще ни въ какую явную форму и стоящіе подъ рукой всесильной верховной власти, могущей дать имъ—вѣроятно уже въ послѣдній разъ въ нашей исторіи—тотъ или другой исходъ. Говоримъ—въ послѣдній разъ, потому что въ теченіи полувѣка мы должны наконецъ устояться въ какомъ нибудь опредѣленномъ видѣ. Иными словами: у насъ осуществились разомъ—неотложная необходимость принять окончательное рѣшеніе, вмѣстѣ съ полной свободой этого рѣшенія.

Всѣ другіе народы развивали одновременно и параллельно свои общественныя и государственныя формы, большею частію полусознательно, не заглядывая въ будущее. Мы же сложились въ могучее и образованное государство—безъ всякаго опредѣленнаго общественнаго склада, заготовивъ только матеріалъ для его будущаго содержанія; намъ приходится слагать свое общество въ пору возмужалости и совершенно сознательно—задача, одновременно и облегченная и непомѣрно трудная. Каково бы ни было личное мнѣніе каждаго изъ насъ о нынѣшнемъ состояніи русскаго общества, т. е. о совокупности нашихъ сознательныхъ силъ умственныхъ и нравственныхъ, въ какой бы мѣрѣ ни былъ каждый доволенъ или недоволенъ лично настоящею общественною средою, едва ли кто нибудь признаетъ за этою средою способность къ самодѣятельности въ европейскомъ смыслѣ,—способность правильно вершить ту долю задачъ, которая вездѣ въ образованномъ мірѣ лежитъ теперь уже на самомъ обществѣ. Голосъ большинства—

какъ людей мыслящихъ, такъ и людей живущихъ непосредственною жизнью, выражающихъ одни только ежедневныя впечатлѣнія, прямо указываетъ на коренной недостатокъ, мѣшающій развитой части русскаго народа стать на свои ноги — на нашу безсвязность, не допускающую сложиться сколько нибудь установленному мнѣнію; общество же есть ни что иное, какъ живое мнѣніе. Въ послѣдніе годы у насъ стала также слышаться жалоба на недостатокъ въ людяхъ,—но скудость эта явно проистекаетъ изъ того же первоначальнаго источника—изъ безсвязности. Кромѣ личностей, одаренныхъ необычайными силами, всякій человѣкъ силенъ гораздо болѣе сборнымъ, чѣмъ своимъ личнымъ сознаніемъ общественныхъ потребностей; въ этомъ смыслѣ всѣ люди—хамелеоны, всѣ отражаютъ цвѣтъ общей подкладки, съ тою только разницею, что одни, болѣе даровитые и ревностные, отражаютъ ее ярче, опредѣленнѣе другихъ, а потому становятся вожаками толпы. При безцвѣтности же подкладки, при отсутствіи установленныхъ мнѣній, всѣ, кромѣ геніевъ безцвѣтны. Кромѣ того, можетъ ли несвязное общество выставлять сознательныхъ и послѣдовательныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ бы оно ни было богато лично способными людьми? Кто будетъ расцѣнивать этихъ людей? Неустроенная толпа къ такому дѣлу непригодна. Оттого, при нескладности образованныхъ слоевъ, заключающихъ въ себѣ весь разумъ націи, личности дѣйствительно сильныя непремѣнно остаются въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ въ обыкновенное, спокойное время; между ними и обществомъ нѣтъ посредствующей связи. Если они что нибудь дѣлаютъ, то дѣлаютъ про себя и оцѣниваются только впослѣдствіи; руководство же толпою въ дѣлѣ жизни и мысли достается людямъ, наименѣе изъ нее выдѣляющимся, несдерживаемымъ, притомъ, никакими установленными условіями,—такъ какъ при общемъ разбродѣ надъ ними не оказывается никакого надзора, никакого требовательнаго мнѣнія, стѣсняющаго

ихъ произволъ. Конечное послѣдствіе такого общественнаго состоянія у всѣхъ передъ глазами: русская образованная среда не руководитъ ничѣмъ, даже въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Она не можетъ выяснить власти своихъ потребностей, предоставляя ей догадываться объ нихъ; въ этомъ отношеніи намъ не поможетъ никакое дальнѣйшее развитіе учрежденій, не помогутъ никакіе новые органы, пока само общество безсильно, вслѣдствіе своего разброда. Русская образованная среда не можетъ надзирать надъ своими, ею же выбранными дѣятелями и не умѣетъ пользоваться данными ей правами — не только для постепеннаго развитія впередъ, но даже для обыденнаго примѣненія ихъ къ своимъ нуждамъ. Также точно она не даетъ покуда никакой прочной основы выраженію русской мысли, вслѣдствіе чего наша періодическая печать, какъ сказалъ недавно одинъ извѣстный писатель, за очень немногими исключеніями, пляшетъ въ присядку, служитъ не дѣлу, а потѣхѣ праздной публики. Безъ опоры твердой середины, безъ установленнаго сборнаго мнѣнія, для котораго въ настоящее время у насъ нѣтъ почвы, люди могутъ только играть въ свободу, злоупотреблять ею во всѣхъ видахъ, но не могутъ ею пользоваться. Наше общественное безсиліе выражается однимъ словомъ: «разбродъ».

Нравственная сила всякаго народа заключается въ связности его образованныхъ слоевъ, въ извѣстномъ единствѣ ихъ воззрѣній и дѣятельности; она никогда не переживаетъ этого единства. Не смотря на богатство накопленнаго умственнаго капитала, преданій и политической опытности, современное французское общество впало въ состояніе, довольно близкое къ русскому, съ тою, однакожъ, громадною разницею въ нашу пользу, что тамъ это состояніе есть вмѣстѣ общественное и государственное, нашъ же государственный порядокъ упроченъ тверже чѣмъ гдѣ нибудь, стало быть намъ есть время поправиться. Между нами и францу-

зами лежитъ еще то коренное различіе, что у нихъ общественный разбродъ показываетъ упадокъ, обозначившійся склонъ книзу, у насъ же—только невыработанность. Наше нынѣшнее общественное межеуміе, какъ послѣдствіе особыхъ обстоятельствъ и естественнаго роста, а не какихъ либо насильственныхъ потрясеній и разрушеній, есть состояніе переходное—но лишь при условіи, чтобы оно не затянулось слишкомъ надолго и не стало привычнымъ; въ послѣднемъ случаѣ изъ него будетъ слишкомъ трудно выбратъся.

Мы впали въ нынѣшнее состояніе не по своей винѣ, какъ французы, и не по чьей либо личной винѣ; оно стояло на нашемъ историческомъ пути, какъ опасное мѣсто въ скачкѣ съ препятствіями,—а наша исторія была именно самою головоломною скачкой съ постоянными препятствіями. Отдавъ всѣ свои силы, безъ остатка, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, на созданіе государства и народа, прочно закрѣпивъ, напослѣдокъ, свое національное бытіе, мы по неволѣ должны были пойти въ науку къ Европѣ, потому что неумѣли ни развѣдывать собственныя руды, ни отливать собственныя пушки, и вынесли изъ полутора-вѣкового обученія то, что должны были вынести изъ него—образованность и науку, но въ тоже время полное обезличеніе и полную безсвязность взрощенныхъ на русской почвѣ европейцевъ, всего нашего культурнаго слоя. Обезличеніе явилось необходимымъ послѣдствіемъ умственнаго состоянія, въ которое такъ долго было погружено русское общество, заимствовавшее всякое знаніе изъ чужихъ рукъ безъ возможности провѣрить его на собственномъ дѣлѣ и собственномъ опытѣ: свое дѣло и свой опытъ были пріостановлены у насъ петровскимъ преобразованіемъ, замѣнившимъ стремленіе къ общественному развитію—развитіемъ личности. Русское правительство воспитательнаго періода учило своихъ подданныхъ, а потому не могло ни въ какой мѣрѣ учиться отъ нихъ, не могло

допустить общественной самодѣятельности школьниковъ; оно воспитывало русскихъ европейцевъ не для общественныхъ, а для государственныхъ цѣлей, для арміи и администраціи, вслѣдствіе чего эти люди, представлявшіе собой все русское культурное сословіе безъ остатка, были связаны взаимно только отношеніями служебными, но были совершенно разобщены и между собою, и съ народомъ какъ граждане. Мы воспитались въ общественной безсвязности, прикрытой наружно екатерининскими губернскими учрежденіями. Обезличеніе и безсвязность — самыя явныя черты современнаго русскаго общества, хотя вовсе не коренныя его свойства, потому что истекаютъ не изъ народнаго характера, а изъ чисто-школьнаго воспитанія. Тѣмъ не менѣе онѣ составляютъ нашу главную, даже единственную болѣзнь, въ нихъ корни всѣхъ нашихъ частныхъ болей. Мы нуждаемся именно въ томъ лекарствѣ, которое способно вылѣчить насъ отъ обезличенія и безсвязности.

Какъ ни слабо было спаяно образованное русское общество, выросшее по одиночкѣ, человѣкъ за человѣкомъ, изо всѣхъ народныхъ слоевъ русской земли въ продолженіе воспитательнаго періода, оно находило еще недавно нѣкоторое, хотя наружное объединеніе въ своемъ сословномъ значеніи. Вызванное къ самодѣятельности съ окончаніемъ школьнаго періода, оно непремѣнно срослось бы, и довольно скоро, въ нѣчто цѣльное, не мѣшая развитію русской жизни ниже, подъ собою, такъ какъ оно было по существу сословіемъ не кастовымъ, а политическимъ, открытымъ снизу. Въ то время, когда совершались наши послѣднія преобразованія, всемірный опытъ достаточно уже выяснилъ условія правильнаго общественнаго развитія: можно было уже не сомнѣваться въ истинѣ, что эта правильность зависитъ исключительно отъ связности и постепеннаго, естественнаго, а не искусственнаго разростанія образованныхъ слоевъ, воспитанныхъ историческою жизнію; что право на непрерывное развитіе, не подверженное ни-

какимъ колебаніямъ. осталось только за народами, умѣвшими оградить себя отъ вторженія толпы въ непринадлежащую ей область — за Англіей, въ силу твердаго закона и укорененныхъ обычаевъ, за Америкой, въ силу однихъ твердыхъ политическихъ нравовъ; что существованіе полноправныхъ общественныхъ слоевъ, руководящихъ народною жизнью и способныхъ къ извѣстной долѣ единодушія, невозможно безъ прочной сердцевины — по крайней мѣрѣ у насъ, въ старомъ свѣтѣ, слишкомъ опутанномъ своимъ прошедшимъ. Все это было уже доказано опытомъ, только не для насъ, заинтересованныхъ европейскою жизнью въ смыслѣ — не историческаго урока, а занимательнаго романа, роли котораго давно уже нравились многимъ нашимъ. Когда созрѣло мнѣніе, руководимое правительствомъ, о необходимости срѣзать съ Россіи болѣзненные наросты, порожденные нашимъ прошлымъ — крѣпостное право, безсудіе и безусловную чиновничью опеку, мы не умѣли провести явной черты между своими собственными, русскими потребностями и чужими стремленіями, привившимися къ намъ во время нашего сидѣнья за европейскою азбукой. Передъ тѣмъ только что разыгралась крымская война, поколебавшая временно нашу давнюю увѣренность въ себя — вслѣдствіе чего руские культурные люди стали на извѣстный срокъ еще болѣе школьниками, еще болѣе несостоятельными существами въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ были прежде. Такое настроеніе должна было очень естественно открыть настежь двери разливу нигилистскаго пустословія. Прежде чѣмъ прошло это повѣтріе между взрослыми людьми, передѣлка нашего общественнаго строя уже совершилась, — передѣлка, несомнѣнно необходимая, осуществившая великій и благотворный поворотъ въ нашей исторіи и безупречная съ своей отрицательной стороны, устранившая все что должно было устранить, — но не замѣнившая устраняемаго, во многихъ отношеніяхъ, ничѣмъ существеннымъ. На счетъ этого существеннаго въ ту

пору было еще слишкомъ трудно согласиться; намъ не доставало даже самаго начальнаго обще-житейскаго опыта, мы еще слишкомъ довѣрчиво относились къ своимъ, принятымъ на вѣру идеаламъ. Духъ проникавшій преобразованіе шестидесятыхъ годовъ, соотвѣтствовалъ настроенію времени; выдвигавшіеся на сцену дѣятели той эпохи, были почти всѣ, какъ извѣстно, представителями такъ называемыхъ «передовыхъ стремленій», все содержаніе которыхъ начерпалось не изъ жизни, а изъ заемной науки нашего воспитательнаго періода; стремленія эти находили себѣ поддержку и въ недовольствѣ большинства, разочарованнаго крымскою неудачею, и въ обаяніи свободнаго русскаго слова, впервые прорвавшаго плотину и не знавшаго предѣловъ своему дѣтскому увлеченію. Правительство съ своей стороны затруднялось установленнымъ преобладаніемъ высшаго сословія для того времени, когда приходилось изъять изъ подъ рукъ его двадцать милліоновъ крѣпостныхъ. Хотя самый трудный шагъ въ этомъ дѣлѣ — личное освобожденіе — былъ совершенъ самимъ дворянствомъ, мѣстными помѣщиками (чему, сказать мимоходомъ, западные сосѣди наши почти отказываются вѣрить) но тѣмъ не менѣе понятно, что въ тѣ годы считалось болѣе удобнымъ разъединить сословія, чтобы окончательно упрочить самостоятельный бытъ освобожденныхъ. Жертвовать основными историческими началами, особенно когда ихъ нечѣмъ замѣнить, удобству минуты — едва ли можно считать выгоднымъ; но для каждой полосы времени интересъ текущаго часа почти всегда перевѣшиваетъ все остальное. Сила однакожъ въ томъ, что эта мѣра — разъединеніе сословій и между собою, и въ самихъ себѣ, имѣвшая нѣкоторое значеніе въ смыслѣ мѣры переходной, установилась на долго и обратилась въ руководящее начало, — на которомъ были воздвигнуты дальнѣйшія преобразованія. Весь этотъ итогъ разнообразныхъ теченій повліялъ прямо на исходъ дѣла. Оттого, смѣемъ думать, великія преобразованія

шестидесятыхъ годовъ, вполнѣ вѣрныя духу русской исторіи съ своей отрицательной стороны и въ своей современности, неоспоримо вѣрныя также въ коренномъ основаніи—въ освобожденіи народа съ землей, оказались теоретическими, не совсѣмъ русскими, со стороны положительной—въ задуманномъ ими новомъ общественномъ устройствѣ, очевидно *сочиненномъ* людьми того времени.

Вопреки примѣрамъ, стоявшимъ передъ нашими глазами, мы сдѣлали опытъ, никому еще не удававшійся въ Европѣ и шедшій въ разрѣзъ всему содержанію нашей послѣпетровской исторіи: окунулись въ полную безсословность, растворили въ массѣ свое, еще не достаточно связное, еще не созрѣвшее культурное сословіе, требовавшее времени и самодѣятельности для того чтобы стать на ноги —и теперь вкушаемъ уже первые плоды начавшагося всеобщаго нравственнаго разброда, но только первые—далеко еще не послѣдніе плоды. Въ настоящее время у насъ, какъ во Франціи, не набирается четырехъ человѣкъ для выраженія одного и того же мнѣнія, и нельзя связать вмѣстѣ даже двухъ человѣкъ для проведенія какого нибудь общественнаго дѣла, внѣ личныхъ интересовъ; за то, не въ примѣръ Франціи, гдѣ, по старой привычкѣ, надъ человѣкомъ стоитъ еще нѣкоторый надзоръ мнѣнія, у насъ нравственное своеволіе личности ограничивается только чертой, за которою начинается вмѣшательство власти. Связность общества, внутренняя его дисциплина, подчиняющая лицо большинству съ тѣхъ сторонъ жизни, къ которымъ оффиціальный законъ не имѣетъ доступа—безъ чего свобода невозможна—не успѣвшая окрѣпнуть до эпохи преобразованій, расшаталась совсѣмъ, какъ только съ нашего юнаго культурнаго общества была снята прежняя обстановка, хотя бы искусственная, поддерживавшая его цѣльность; общество наше подверглось участи всякаго кирпича, съ котораго снимутъ рамку прежде чѣмъ онъ затвердѣетъ.

Слѣдуя нынѣшнимъ путемъ, мы неизбѣжно придемъ къ исходу слишкомъ явному, чтобы можно было въ немъ усомниться: къ тому исходу, что русское общество, т. е. вся наша историческая культурная сила, разсыпется сухимъ пескомъ, утратитъ всякую способность къ какому либо сборному дѣлу, къ какому либо умственному или практическому почину, утратитъ всякое опредѣленное сознаніе о различіи между нравственно-должнымъ и не-должнымъ, всякую мысль объ общемъ дѣлѣ, сохраняя почтеніе къ одной только истинѣ—къ практической истинѣ личныхъ интересовъ. Вѣнцомъ такого общества станетъ видимо выростающая у насъ еврейская биржевая аристократія, какъ подательница единственнаго блага, сохраняющаго свою цѣну одинаково и въ глазахъ потомковъ Пожарскаго и въ глазахъ семьи Минина. Наше общество будетъ въ состояніи производить, можетъ быть, лично способныхъ людей, но не выработаетъ ничего изъ самаго себя, не сложится ни во что опредѣленное. Намъ придется или дожидаться того счастливаго часа, когда весь русскій народъ поголовно обратится въ американскій въ отношеніи политической зрѣлости, конечно, по вдохновенію свыше, потому что нынѣшнимъ путемъ мы не придемъ къ такому концу,—или же оставаться на вѣки народомъ, способнымъ жить только подъ строгимъ полицейскимъ управленіемъ; наша будущность ограничится одною постоянною перекройкою административныхъ учрежденій. Нечего и говорить, что на такомъ основаніи русская мысль и самобытная закваска, вложенная въ русскій народъ его исторіей, пропадутъ даромъ, не разовьются ни во что осмысленное. Нашъ упадокъ совершится постепенно, не вдругъ, но совершится непремѣнно. Кто тогда будетъ правъ?—Рѣшаемся выговорить вслухъ: одна изъ двухъ силъ—или русская полиція, или наши цюрихскіе бѣглые съ ихъ будущими послѣдователями. Судьба Россіи, лишен-

*

ной связнаго общества, будетъ со временемъ поставлена на карту между этими двумя партнерами.

Если наша насущная потребность, наше спасеніе, заключается въ общественномъ объединеніи, то мы можемъ спастись только возвращеніемъ на свой историческій путь, явно начертанный всѣмъ нашимъ прошлымъ — можемъ найдти объединеніе лишь въ единственной гражданской группѣ, нѣсколько привыкшей къ связности—въ наслѣдственномъ культурномъ сословіи, заключающемъ въ себѣ покуда итогъ русской сознательной силы, составляющемъ единственное наслѣдство, полученное нами отъ петровскаго періода, а не въ сочиненіи чего-либо новаго и произвольнаго, еще никогда не удавшагося въ исторіи. Мы далеки отъ мысли о какой либо кастовой исключительности по крови и породѣ; мы считаемъ, вмѣстѣ съ большинствовъ, русскую монархію—монархіей чисто-народой въ своей сущности; мы хорошо понимаемъ, что Россія, созданная, одна изъ всѣхъ государствъ свѣта, не завоеваніемъ, а обще-народною потребностью единства, не имѣетъ никакого повода предпочитать одну группу гражданъ другой, независимо отъ личной способности людей; мы вполнѣ вѣримъ въ русскій народъ, не миѳологическій народъ славянофиловъ, обладающій небывалыми на свѣтѣ качествами, а въ дѣйствительный народъ, доказавшій много разъ свои великія свойства—и въ пору созданія московскаго государства, и въ 1612, и въ 1812 годахъ,—въ народъ, который нынѣ, распущенный и оставшійся почти безъ надзора, ведетъ себя все-таки лучше европейской черни, у которой стоятъ по двѣ пушки надъ душой; наконецъ, мы чистосердечно вѣримъ въ будущность самобытно-развившейся всесословной Россіи. Но мы не вѣримъ тому, чему исторія не представляетъ примѣра, что отвергается разумомъ и самыми законами природы: возможности развитія безчисленнаго населенія, еще не выработавшаго себѣ окончательныхъ формъ, но уже заранѣе приведеннаго въ состояніе не-

разчлененнаго, безсословнаго студня; населенія, надъ которымъ не стоитъ явно очерченное, самодѣятельное, исторически-воспитанное культурное общество, скрѣпленное въ одно цѣлое чѣмъ бы то ни было: закономъ, обычаемъ или интересами; населенія, въ которомъ неразвитая масса предоставлена на произволъ ея инстинктовъ, а правительственное дѣйствіе—единственная живая у насъ сила—проводится исключительно посредствомъ наемниковъ—казеннаго чиновничества, въ сущности столь же чуждаго видамъ власти, какъ и мѣстнымъ пользамъ, а главное—чуждаго русскому народу, всѣмъ нравственнымъ сторонамъ его жизни, болѣе чѣмъ какое либо изъ нашихъ сословій. Несмотря на наружное сходство административныхъ формъ нынѣшняго времени и недавно окончившейся эпохи, между ними легла бездна. Пока русское дворянство составляло связное сословіе, какъ ни слабо оказывалось его политическое воспитаніе, оно все-таки было проникнуто чувствомъ своей обязанности къ престолу и Россіи; оно вносило это чувство въ государственную службу, военную и гражданскую; дворяне, получавшіе жалованье, были служилыми людьми своего отечества, а не простыми наемниками; мелкіе исполнители стояли подъ ихъ рукой; въ русскую службу вносился духъ не какихъ либо личностей только, а духъ сословія. Немного времени прошло со дня растворенія нашего отборнаго слоя въ массѣ, растворенія далеко еще не полнаго, а послѣдствія его сказались уже яркими чертами въ арміи, въ администраціи, а болѣе всего въ самомъ обществѣ, утрачивающемъ со-дня-на-день всякую нравственную дисциплину. Отдѣльный человѣкъ, какъ членъ общества, есть ничто, если онъ не какой нибудь исключительный герой; онъ силенъ и предпріимчивъ только взаимною поддержкою, онъ благонадеженъ только взаимнымъ ограниченіемъ: гдѣ нѣтъ связнаго общества, тамъ нѣтъ и надежныхъ людей. Оставаться въ нынѣшнемъ положеніи значитъ—не жить совокупною жизнію. Чѣмъ же, въ чемъ же, около

чего же мы можемъ связаться? Единственный общественный слой въ Россіи, не только достаточно образованный, не только проникнутый въ извѣстной мѣрѣ историческими преданіями, но единственный, сохранившій хотя нѣкоторую привычку къ связности, къ подчиненію себѣ своихъ членовъ—есть дворянство, и только оно. Сознавая очень хорошо временное обезличеніе, политическую нестройность, малую привычку къ дружному дѣйствію, еще усиленную отвычкою послѣднихъ годовъ, признавая всю недозрѣлость русскаго дворянства, воспитаннаго, можно сказать, не сословно, а въ одиночку, разсыпавшагося на половину, вдобавокъ, во всѣ стороны со времени преобразованій, мы все-таки не знаемъ въ Россіи никакого другого общества, кромѣ дворянскаго, не видимъ никакого другого матеріала, который могъ бы послужить основаніемъ связному, мыслящему и политическому русскому обществу, кромѣ дворянства. Всѣ знаютъ, что наше дворянство — не самостоятельное сословіе въ государствѣ и не можетъ быть такимъ, потому что оно есть твореніе верховной власти; что оно — не каста, а учрежденіе чисто-политическое, первый приступъ къ организаціи Россіи, не успѣвшей еще вполнѣ организоваться; даже менѣе того: оно покуда только можетъ стать политическимъ учрежденіемъ въ пособіе самой власти, до сихъ же поръ было лишь сословіемъ служилымъ, а потому оно никакъ не въ состояніи злоупотребить своимъ положеніемъ для собственныхъ сословныхъ цѣлей; но зато оно одно можетъ дать намъ то, чего у насъ теперь положительно нѣтъ и безъ чего нельзя жить: стройность и совокупность русскаго общества, обязательное мнѣніе и способность къ общественному почину, не стѣсняя никакого проявленія жизни внизу, принимая въ себя всѣ притоки выростающихъ изъ почвы силъ, служа сознательно верховной власти и направляя народъ въ свойственномъ ему духѣ, а не въ духѣ канцелярскаго прогресса. Русское дворянство, организованное и от-

крытое, составляющее союзъ образованныхъ русскихъ родовъ, какого бы они происхожденія не были, тѣсно сплоченное съ верховною властью, надолго обезпечитъ правильное развитіе Россіи, обезпечитъ его до тѣхъ поръ, пока не воспитаетъ народъ до всесословности—не на словахъ, а на дѣлѣ. Конечно, нужно время, вѣроятно даже цѣлое поколѣніе, для того чтобы сложить въ связное сословіе наше дворянство и все, что должно прирости къ нему въ настоящемъ и будущемъ; разомъ ничего не дѣлается, а теперь, когда нашъ культурный слой распался и расплылся, для сращенія его требуется еще больше времени, чѣмъ понадобилось бы въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; но у насъ нѣтъ другого выхода изъ нынѣшняго нескладнаго и ничего не обѣщающаго впереди положенія. Ни наше общество, ни наша армія, ни наши учрежденія не могутъ поправиться и развиться безъ новой склейки, ядромъ которой можетъ служить только то, что дѣйствительно у насъ есть—петровское дворянство съ крупнымъ купечествомъ. Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Обращаясь къ образованнымъ кругамъ, несущимъ на своихъ плечахъ житейскія тягости, некого, кажется, убѣждать въ той истинѣ, что мы находимся въ полномъ нравственномъ разбродѣ и что въ такомъ положеніи нельзя оставаться. Громадное большинство нашихъ развитыхъ людей сознаютъ необходимость организовать русскую жизнь, дать ей средоточіе. Но если большинство пришло къ сознанію этой потребности, то взгляды его на причины нашего общественнаго разобщенія, а стало быть и на средства къ излеченію, очевидно еще не объединились. Наше образованное и и даже просто практическое большинство, оффиціальное и частное, видитъ необходимость устроить нынѣшній непорядокъ, поставить объединеніе на мѣстѣ разлада и предоставить управленіе мѣстною жизнію, вершеніе чисто общественныхъ задачъ, благонадежнымъ рукамъ, но чьимъ именно рукамъ—это вопросъ еще

колеблющійся. Онъ колеблется потому именно, что на него смотрятъ почти исключительно съ одной только стороны, формальной и внѣшней—со стороны задачъ мѣстнаго самоуправленія, между тѣмъ какъ въ немъ заключается еще внутренняя и гораздо важнѣйшая сторона, чисто нравственная—вопросъ о нашей общественной цѣльности, о развитіи и организаціи русскаго мнѣнія, русскихъ направленій и русской сборной дѣятельности, которыя могутъ сложиться и явно высказаться только въ твердо установленномъ кругѣ людей сознательныхъ, понимающихъ другъ друга и свои права, привыкшихъ къ совокупному дѣйствію, идущихъ къ одной цѣли, хотя бы различными путями. Безъ этихъ условій у насъ никогда не сложатся большія, дисциплинированныя группы единомышленниковъ и не окажется господствующаго мнѣнія, т. е. Россія никогда не станетъ нравственно организованною страной. Извѣстно, что никакое тѣло, растворенное въ слишкомъ большомъ количествѣ жидкости, не кристаллизуется. Вотъ важнѣйшая сторона вопроса. Время требуетъ (надо прибавить—всегда требовало) объединенія русскаго историческаго слоя, выросшаго и выростающаго изъ слоевъ стихійныхъ, способнаго осуществить въ себѣ самостоятельную умственную жизнь Россіи и стать сознательнымъ, отвѣтственнымъ во всемъ своемъ объемѣ орудіемъ верховной власти, для развитія нашего будущаго. Эта вторая потребность очевидно господствуетъ надъ первою—надъ пригодностію тѣхъ или другихъ формъ мѣстнаго самоуправленія, хотя въ тоже время даетъ и ей самый правильный исходъ. Въ русскихъ уѣздахъ существуетъ только то разумное общество, которое существуетъ въ русскомъ государствѣ; устройство швейцарскаго кантона въ такой же степени не соотвѣтствуетъ состоянію нашего уѣзда, въ какой общее устройство швейцарскаго союза не соотвѣтствовало бы состоянію русской имперіи. Задача текущаго времени рѣзко отличается отъ той, которую большинство нашего об-

щества радостно привѣтствовало въ началѣ шестидесятыхъ годовъ: тогда, выйдя въ первый разъ на волю изъ полуторавѣковой школы, мы желали прежде всего осуществленія своихъ завѣтныхъ, хотя напускныхъ идеаловъ; теперь же намъ приходится думать объ удовлетвореніи нашимъ вопіющимъ потребностямъ. Мы пожили съ тѣхъ поръ и понабрались опытности.

Можно спокойно ожидать часа, когда мнѣніе о необходимости общественной связности, такъ же какъ о невозможности оставить народную толпу безъ просвѣщеннаго руководства, станетъ всеобщимъ между нашими образованными людьми. Но какимъ путемъ достигнуть этихъ цѣлей? Въ этомъ отношеніи, на сколько можно оглядѣться въ нынѣшней пестротѣ взглядовъ, существуютъ три главныя мнѣнія: одни думаютъ что дѣло обойдется само собою, безъ законодательныхъ мѣръ, и что нашъ культурный слой собственною силою всплыветъ на верхъ, что мы сростемся потихоньку; другіе, сознающіе потребность объединенія безъ проволочки и не вѣрящіе быстрому торжеству однѣхъ нравственныхъ началъ въ неустроенномъ обществѣ, хотятъ исключительнаго господства ценза, съ устраненіемъ всякой сословности; третьи, наконецъ, и мы въ томъ числѣ, довѣряютъ также мало спасительному дѣйствію ценза въ самомъ себѣ, какъ и самобытному торжеству разума, и думаютъ, что въ человѣческомъ обществѣ, какъ и въ вещественномъ мірѣ, ничто не слагается безъ центра тяготѣнія.

Первое мнѣніе — о самородномъ и безъискусственномъ возстановленіи русской цѣльности — не выдерживаетъ критики. Всякая сила, конечно, имѣетъ вѣроятность восторжествовать рано или поздно, если она сила совокупная, растущая; но въ томъ и дѣло, что у насъ существуютъ только запасы общественной силы, а связаться имъ не на чемъ. Подъ щитомъ сильнаго правительства, обезпеченные въ сохраненіи наружнаго порядка, мы можемъ долго прожить въ состояніи безпорядка внутренняго, такъ долго, что на-

конецъ по привычкѣ утратимъ вѣру во все на свѣтѣ, кромѣ одной полиціи; тогда будетъ уже поздно поправляться. Тамъ, гдѣ есть привычка къ общественному объединенію, препятствія не страшны. Еслибъ Англія была вдругъ погружена въ анархію какимъ либо нежданнымъ переворотомъ, то все-таки нечего было бы опасаться за ея общество, за ея владычествующую и связующую силу: англійское общество могло бы утратить свои историческія формы, но оно не утратило бы ни своего нравственнаго господства въ странѣ, ни своей стойкости и цѣльности, какъ не утратили ихъ англійскіе культурные классы на американской почвѣ. Дѣйствительная сила всегда возьметъ свое; но у насъ вопросъ идетъ не о проявленіи силы существующей, а о томъ, чтобъ эта сила могла сложиться на нашей бездѣйственной почвѣ сама собой, не только безъ поддержки закона, но вопреки закону, недавно упразднившему завязи ея, начавшія было складываться. Мы всѣ видимъ своими глазами какъ русское общество стало съ тѣхъ поръ расшатываться, терять всякое единство; но не видимъ никакой причины, даже въ будущемъ, которая могла бы сама собой породить обратное движеніе. Если бы даже такое движеніе могло возникнуть само собою когда нибудь, что вовсе невѣроятно, то, въ ожиданіи этого счастливаго дня, мы на столько отстали бы нравственно отъ всего свѣта, въ такой вѣкъ, когда всякій слабый виноватъ, что поплатились бы за внутреннее неустройство даже своимъ международнымъ положеніемъ.

Разбирая вышеприведенное мнѣніе, мы не касались двухъ разрядовъ людей: тѣхъ, которымъ всесословность мила по вкусу, которые любятъ ее какъ учрежденіе *либеральное* и видятъ въ ней обезпеченіе воображаемыхъ правъ народа противъ захвата высшихъ сословій—однимъ словомъ, людей, смотрящихъ на безсословность какъ на плодотворное начало въ самой себѣ и ожидающихъ отъ нея неизвѣстныхъ имъ самимъ, но во всякомъ случаѣ хоро-

шихъ послѣдствій; тѣхъ также, для которыхъ безсословность составляетъ средство, а не цѣль. Первые у насъ очень многочисленны, но наклонность ихъ нельзя назвать прямо мнѣніемъ,—это больше вкусъ, а о вкусахъ не спорятъ. Въ другихъ земляхъ иначе. Правильно или утопически понимаетъ европейское фабричное населеніе свои пользы, силясь оторваться отъ культурныхъ слоевъ страны, но на западѣ это движеніе существуетъ, оно было достаточно сильно чтобы привести законъ о всеобщемъ голосованіи, оно вызвало не мало печальныхъ, но тѣмъ не менѣе крупныхъ явленій въ народной жизни; тамъ оно дѣйствительность, а потому естественно находитъ въ образованныхъ кругахъ сторонниковъ и вожаковъ. Въ нашемъ народѣ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ стремленій къ обособленію по множеству причинъ, давно уже указанныхъ, между прочимъ указанныхъ и въ нашей книгѣ. Русскій народъ—земледѣльческій, осѣдлый до такой степени, что даже въ Петербургѣ онъ не разрываетъ связи съ родною деревнею, не скученный въ городахъ, всегда бывшій собственникомъ на дѣлѣ, а теперь ставшій имъ и по праву; онъ, правда, не устроенъ еще вполнѣ въ качествѣ собственника, но не устроенъ потому, что бюрократическая опека, взявшая его на свое попеченіе, не въ силахъ идти далѣе наружнаго устройства; есть надежда весьма сбыточная, что у насъ можетъ широко развиться артельное производство и что вслѣдствіе того преобладаніе капитала не станетъ въ Россіи такимъ гнетомъ какъ въ Европѣ; но даже этотъ вопросъ, при слабомъ развитіи русской промышленности, принадлежитъ еще будущему, а не настоящему и не можетъ покуда вызывать никакихъ практическихъ мѣръ. Затѣмъ, сословной борьбы въ Россіи не было и не будетъ, по той простой причинѣ, что у насъ нѣтъ сословій въ западно-европейскомъ смыслѣ, а есть только два слоя—образованный и необразованный,—изъ которыхъ первый, по необходимости, служилъ, служитъ и будетъ служить орудіемъ правительствен-

наго дѣйствія. Вопросъ въ томъ, какой видъ службы этого слоя наилучше соотвѣтствуетъ условіямъ времени — чисто казенный, какъ нынѣ, или земскій? Рѣчь идетъ не о передвиженіи властнаго положенія изъ одного общественнаго пласта въ другой, что дѣйствительно отзывалось бы переворотомъ; оно остается неизбѣжно въ томъ же самомъ слоѣ, способномъ его нести; дѣло въ томъ, чтобы сложить образованныхъ русскихъ людей, имѣвшихъ до сихъ поръ лишь значеніе казенныхъ чиновниковъ, въ связную, по возможности самостоятельную гражданскую группу, остающуюся, какъ и прежде, прямымъ орудіемъ верховной власти. Эта потребность вызывается не теоріею, а дѣйствительностію, такъ какъ нашъ разрозненный культурный слой, объединяемый только механически государственною службою, оказывается съ каждымъ днемъ все безсильнѣе передъ возникающими общественными задачами. Онѣ становятся не по плечу ему, не только по отчужденности его отъ почвы и дѣйствительной жизни, но также вслѣдствіе въѣвшагася въ него, очень понятнаго равнодушія и къ общему дѣлу и къ кореннымъ государственнымъ основамъ; большинству всякаго чиновничества все равно отъ кого получать жалованье, лишь бы получать его; характеръ наемничества вытравляетъ изъ него все болѣе гражданское чувство, а между тѣмъ для земской дѣятельности остается лишь оборышъ людей. Для собственнаго обезпеченія, правительству выгодно обратить созданный имъ культурный слой изъ слугъ наемниковъ въ вѣрноподданныхъ гражданъ, повѣряющихъ другъ друга передъ лицомъ всей земли. При безформенности, какъ и при общественной сомкнутости, значеніе остается за тѣмъ же самымъ сословіемъ, народъ находится подъ его же управленіемъ, но мѣра пользы, приносимая имъ, будетъ совсѣмъ иная. Исключительное значеніе остается за тѣмъ же самымъ сословіемъ, только лучше приспособленнымъ къ потребностямъ времени. Спорить о та-

комъ приспособленіи можно лишь въ смыслѣ политическихъ, а не соціальныхъ видовъ, которые остаются тутъ не причомъ. Наконецъ наша верховная власть, общенародная по своему происхожденію, никогда не допуститъ преобладанія одной группы русскихъ людей надъ другою, въ ея личную пользу, независимо отъ пользъ государственныхъ. При такомъ національномъ складѣ, мы смѣло можемъ сосредоточить помыслы на потребностяхъ текущей эпохи, не принимая въ расчетъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ западную Европу, и не пробуя кроить себѣ политическаго платья съ запасомъ, для неизвѣстныхъ нуждъ отдаленныхъ поколѣній. По самой сущности единственныхъ нашихъ русскихъ дѣйствительностей, образуемыхъ двумя полюсами—историческою верховною властію и духомъ народа, — потребное намъ, осмысленное современное устройство, есть только форма, организація общества, соотвѣтствующая его росту; она не заковываетъ жизнь будущихъ поколѣній въ какой либо неизмѣнный типъ, не предрѣшаетъ нисколько того, что окажется нужнымъ Россіи черезъ сто или двѣсти лѣтъ. Наша исторія послѣдовательно мѣняла орудія, посредствомъ которыхъ правительство проводило свое дѣйствія въ страну; стало быть ей и теперь нѣтъ надобности стѣснять себя изъ за фантастическихъ соображеній о потребностяхъ грядущихъ поколѣній, тѣмъ болѣе, что человѣку не дано заглядывать такъ далеко въ будущее. «Нѣсть бо ваше вѣденіе времена и вѣки», сказалъ всемірный учитель. Современныя же нужды—не только общества, но простонародья, требуютъ у насъ прежде всего совокупности, взаимодѣйствія и просвѣщеннаго руководства, невозможныхъ безъ связности образованнаго слоя. Такое руководство необходимо болѣе всего самому же народу, для того чтобы развить врожденныя ему способности; самъ по себѣ въ цѣлую тысячу лѣтъ онъ развился лишь до того состоянія, въ которомъ пре-

бываетъ на нашихъ глазахъ. Русское простонародье понимаетъ свои выгоды несравненно яснѣе книжныхъ своихъ сторонниковъ: оно мало довѣряетъ выборному начальству изъ своей среды, полагается гораздо болѣе на мѣстнаго помѣщика, чѣмъ на либеральнаго чиновника, не знаетъ никакой зависти къ высшимъ классамъ, выросшимъ и повседневно выростающимъ изъ его же среды. Надобно полагать, что русскому сельскому люду показалось бы довольно забавнымъ предложеніе: потерпѣть неурядицу неопредѣленное время, для того чтобъ когда нибудь, какое нибудь изъ русскихъ поколѣній не было стѣснено существующими формами въ свободномъ выборѣ своего общественнаго устройства. Надобно думать, что этому вожделѣнному поколѣнію пришлось бы даже не подъ силу строить чтобы то ни было,—оно слишкомъ отупѣло бы отъ вѣковой разладицы. Между тѣмъ—вотъ все, на что сводятся доводы любителей безсословности ради самой безсословности. Умнѣйшіе изъ нихъ понимаютъ невозможность оставаться долго въ чисто-хаотическомъ состояніи и ищутъ выхода—не въ общей и явной связности по закону и обычаю, а въ частномъ, какъ бы потайномъ сростаніи въ средѣ каждой общественной группы особо—что, во первыхъ, не подаетъ никакой надежды на успѣхъ и вовсе не достигаетъ существенной цѣли, а во вторыхъ—доказываетъ внутреннее признаніе самаго принципа, съ желаніемъ обойти его во чтобы ни стало—изъ за личнаго вкуса. Каковы бы ни были взгляды нашихъ сторонниковъ безформенности во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, они очевидно принадлежатъ къ еретической для науки сектѣ, вѣрующей въ самозарожденіе; они ждутъ всходовъ тамъ гдѣ ничего не посѣяно и не хотятъ понять, что безформенность, являющаяся не въ колыбели общества, а въ порѣ его сознательности, можетъ развиваться только въ свойственномъ ей духѣ; что безформенность текущаго дня обращается въ двойную безформенность завтрашняго и тройную послѣдующаго, по-

ка наконецъ нравственныя силы народа, не высказавшись, придутъ въ разложеніе и нація начнетъ скатываться по обратному склону.

Мы не станемъ распространяться о немногихъ людяхъ, видящихъ въ нынѣшней безсословности лишь средство — для осуществленія желаній, въ которыхъ они не могутъ признаться. Такой разговоръ въ печати невозможенъ. Но для насъ не составляетъ сомнѣнія тотъ выводъ, что даже эти люди, и даже съ ихъ исключительной точки зрѣнія, глубоко ошибаются; массу можно поворотить въ какую бы то ни было сторону, только умственными силами, которыя должны образовать прежде нѣчто цѣльное, способное слагаться въ опредѣленныя группы; иначе происходитъ лишь одно послѣдствіе — толпа впадаетъ въ китайскій застой и всякое желаніе дѣйствовать на нее уподобляется тогда затѣѣ — вызвать бурю на морѣ, дуя на него съ берега. Возстановленіе общественной цѣльности разсѣетъ, очевидно, утопіи этихъ искателей приключеній, они увидятъ въ очію свою ничтожность, какъ только можно будетъ сосчитать направленія; но тогда, по крайней мѣрѣ, они явно поймутъ причины своей несостоятельности, чего теперь не могутъ понять. Увѣковѣченіе современнаго разлада не обѣщаетъ выгоды никакому *мнѣнію*, ни съ какой точки зрѣнія; но оно представляетъ положительный вредъ всякому *дѣлу* общему и частному, дѣлу всякихъ людей, каковы бы ни были ихъ личныя стремленія. Потому, оставляя въ сторонѣ мнѣніе о самозарожденіи русскаго общества, какъ противное законамъ природы, отвергающимъ всякое самозарожденіе, сосредоточимъ исключительное вниманіе на сбыточномъ.

Второе мнѣніе — о возможности создать живое русское общество исключительно посредствомъ ценса — нельзя не назвать серьезнымъ: оно приводитъ въ свою пользу вѣскіе доводы; тѣмъ не менѣе мы считаемъ и этотъ способъ недостигающимъ цѣли,

имѣемъ явныя причины, какъ читатели увидятъ, считать его такимъ. Главный доводъ сторонниковъ этого мнѣнія состоитъ въ трудности,—по ихъ словамъ, почти невозможности—воскресить русское дворянство въ его прежнемъ сословномъ видѣ, вновь вдохнуть въ него жизнь. Они говорятъ: «Наше дворянство, во-первыхъ, разсыпалось. Въ переходное время преобразованій, тѣ изъ русскихъ помѣщиковъ, которые имѣли побольше средствъ, уѣхали за границу, тѣ, которые имѣли ихъ меньше, вторично поступили на службу, или перебрались въ города; ни тѣхъ ни другихъ теперь уже не соберешь. Наши уѣзды опустѣли до такой степени, что даже для нынѣшней земской службы, съ ея тѣснымъ кругомъ дѣйствія, нѣтъ достаточнаго числа благонадежныхъ людей. Уцѣлѣла одна только петербургская аристократія, поголовно служащая или считающаяся на службѣ, давно уже ставшая совершенно чуждою областямъ. Кромѣ того, слабая связь, соединявшая дворянство въ сословіе, теперь почти совсѣмъ распалась; само общество не дѣлаетъ никакого различія между мѣстнымъ дворяниномъ и всякимъ другимъ цензовымъ владѣльцемъ. Въ третьихъ, дворянство потеряло вѣру въ себя и въ свое значеніе; разстроенное однажды, оно будетъ смотрѣть на себя, если его сомкнуть вновь, какъ на наружное учрежденіе, подверженное въ будущемъ опять можетъ быть новой ломкѣ, а не какъ на твердое самостоятельное сословіе. Въ четвертыхъ, человѣкъ силенъ только сборнымъ духомъ своего общества, а съ тѣхъ поръ какъ дворянское общество перестало быть дѣйствительностію и обратилось въ нарицательный сборъ землевладѣльцевъ, въ немъ замѣтно ослабѣлъ прежній духъ: гдѣ тѣ люди изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, какихъ мы знали—стойкіе, полные уваженія къ своему званію и доброжелательные къ низшимъ, къ которымъ ходилъ судиться весь околодокъ? Возможно ли, прибавляютъ сторонники ценса, воскресить прошлое и не признать дѣйствительности какъ она есть. Конеч-

но, у насъ теперь нѣтъ общества и оставаться въ такомъ состояніи нельзя. Но за неимѣніемъ дворянства, можно попытаться связать въ нѣчто цѣльное—имущественные, цензовые классы».

Мы не ослабляли доводовъ этого мнѣнія, напротивъ, рады были бы усилить ихъ новыми, чтобы освѣтить дѣло со всѣхъ сторонъ; мы ищемъ не литературнаго успѣха, а выхода изъ нашего современнаго хаоса, а потому не отвращаемъ умышленно глазъ отъ дѣйствительности. Въ вышеприведенныхъ доводахъ несомнѣнно есть много правды, но только эта правда нисколько не измѣняетъ постановки дѣла: она не доказываетъ ни возможности сложить прочное, охранительное общество безъ исторической сердцевины, изъ такихъ несвязныхъ лоскутьевъ, какъ случайный имущественный цензъ, ни возможности найти въ Россіи какую бы то ни было склейку, какую нибудь, хотя бы растатанную, привычку къ единству и связности внѣ дворянства. Во внутреннемъ обозрѣніи «Вѣстника Европы» за январь 1874 года, была съ рѣдкою силою выяснена немыслимость надежды—создать стройное и охранительное политическое общество изъ всѣхъ выигравшихъ нумеровъ текущей спекуляціи. Въ томъ же журналѣ была помѣщена замѣчательная статья г. Маркова о вопросѣ—кто можетъ вести мѣстное самоуправленіе и кому вѣритъ русскій народъ. Всѣ читали письма изъ провинціи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Мы указали только на выдающіеся труды въ этомъ родѣ, — но ихъ много, наше общество начинаетъ высказываться, и изъ показаній его достаточно видно, на сколько оно вѣритъ и въ успѣхъ безсословности, и въ спасительную силу одного ценза. Но дѣло не въ статьяхъ. Въ глазахъ свѣта стоитъ довольно примѣровъ, какъ удачно цензъ, самъ по себѣ, спасалъ европейское общество. До сихъ поръ цензовое сословіе удалось только въ Англіи, потому что оно явилось тамъ не бюрократическимъ спискомъ крупныхъ плательщиковъ податей, а постепеннымъ разростаніемъ высшаго

15

историческаго сословія страны, органически сращавшаго и сращающаго съ собою все подымающееся вверхъ. Но этотъ же самый цензъ, введенный искусственно, какъ учрежденіе,—какъ нѣкоторые предлагаютъ ввести его у насъ,—во французское общество, не сплотилъ и не спасъ ничего; вооруженная цензовая буржуазія была взята въ плѣнъ нѣсколькими сотнями уличныхъ оборванцевъ. Во Франціи же дѣло шло только объ охраненіи общества, у насъ оно идетъ—о созданіи его. Какая связность, а главное—какая умственная цѣльность, необходимая для установки русскаго общественнаго мнѣнія, можетъ быть достигнута бумажнымъ объединеніемъ самыхъ разнородныхъ, чуждыхъ между собою даже въ коренныхъ понятіяхъ, плохо-понимающихъ другъ друга единицъ, не соприкасающихся между собою внѣ оффиціально навязанныхъ имъ занятій? Между тѣмъ, эти же самые люди, примыкающіе постепенно—одни потомственно, другіе лично—къ средѣ уже установленной и представляющей хотя нѣкоторую связность, непремѣнно станутъ проникаться ея духомъ и свяжутся между собой органически. Политическое общество, построенное на такихъ началахъ, будетъ имѣть подъ собой основаніе, способное къ дальнѣйшему развитію; во всякомъ же случаѣ мы пойдемъ впередъ англійскимъ ходомъ, который привелъ къ чему нибудь положительному, а не французскимъ, который привелъ только къ септеннату. Если бы намъ пришлось необходимо выбирать между политическимъ обществомъ исключительно цензовымъ и нынѣшнимъ безсословнымъ разладомъ, мы не колеблясь предпочли бы второй. Русскій народъ самъ по себѣ, какъ охранительный устой, вѣрный своимъ кореннымъ преданіямъ, вполнѣ благонадеженъ. Неудобство нынѣшняго склада заключается въ томъ, что этому народу приходится рѣшать вопросы на три четверти для него недоступные—причемъ, естественно, онъ становится жертвою всякихъ интригъ, въ пользу личныхъ интересовъ. Съ развитіемъ нашей об-

щественной жизни число недоступныхъ народу вопросовъ возраститъ до $^{9}/_{10}$, что затормозитъ все дѣло; съ тѣмъ вмѣстѣ растворенное въ массѣ культурное общество останется на вѣки не сложившимся. По нынѣшнемъ устройствѣ, наша сборная жизнь основана все-таки на почвѣ, хотя и непроизводительной, а не на флюгерѣ, какъ было бы съ передачею ея въ руки такой мѣшанины, какую представляетъ нынѣшній русскій цензъ, особенно не высокій, — потому что цензъ высокій, господство исключительно богатыхъ людей, у насъ немыслимо; оно слишкомъ противорѣчитъ русскимъ нравамъ.

Недостатки русскаго дворянства въ его нынѣшнемъ видѣ очевидны; но они не такого свойства, чтобы можно было не только отчаяваться за него, но даже сомнѣваться въ томъ, что наше дворянство можетъ служить надежною сердцевиною русскому культурному слою, какъ будущему политическому сословію, и русской умственной жизни. А какъ внѣ дворянства у насъ положительно ничего нѣтъ, то и выбирать не изъ чего. Общіе же недостатки нашего дворянства, какъ всякій знаетъ, состоятъ въ разрозненности, значительно увеличившейся еще въ послѣдніе годы, и въ отсутствіи гражданскаго воспитанія — откуда и обезличеніе, и шаткость. Какъ исключительно служилое, оно связывалось только вокругъ престола, въ государственной дѣятельности; но по крайней мѣрѣ эта связь, вмѣстѣ съ извѣстною однородностію воспитанія и преданій, осталась въ немъ и только въ немъ одномъ; она легко перейдетъ въ связность гражданскую, земскую, какъ только наше историческое сословіе будетъ поставлено передъ настоящимъ дѣломъ — поставлено какъ сословіе, а не какъ сборъ несвязныхъ личностей. Частные же вышеуказанные недостатки дворянства, на которые упираются сторонники исключительнаго ценза, составляютъ принадлежность — не сословія, а только нынѣшней переходной полосы времени. Отказываться отъ единственнаго орудія

общественной силы, оставленнаго намъ въ наслѣдство многовѣковою исторіей, изъ-за временныхъ его несовершенствъ, значило бы дать ему ржавѣть еще болѣе и добровольно увѣковѣчивать наше неутѣшительное настоящее. Всѣ недостатки русскаго культурнаго слоя привиты ему школьнымъ періодомъ и теоретическимъ переустройствомъ, а потому всѣ они излечиваются дѣятельною общественною жизнью. Начнемъ съ перваго недостатка. Покуда, правда, наша аристократія (служебная — другой у насъ никогда не существовало) дѣйствительно оторвана отъ своего сословія, что сильно подрываетъ его значеніе. Со временъ Петра Великаго верхушки привилегированнаго класса постоянно замыкались въ столицахъ и не составляли одного тѣла съ областнымъ дворянствомъ, въ силу тѣхъ же условій, которыя разъединяли все дворянство между собою — въ силу потребностей государственной службы. Для этихъ цѣлей исключительно создавались у насъ и новая аристократія, и все культурное сословіе. Очевидно, что съ измѣненіемъ способа правительственнаго дѣйствія сообразно спросу времени, съ перенесеніемъ центра управленій изъ канцелярій въ земство, большинство дворянства, служившаго до сихъ поръ верховной власти въ качествѣ слугъ-чиновниковъ, обратится въ ея слугъ земскихъ; въ земствѣ будетъ составляться репутація людей; земство, а не столичныя гостиныя и министерскія канцеляріи станутъ разсадникомъ нашихъ государственныхъ дѣятелей. Такое же разсредоточеніе, (вмѣсто нынѣшняго военно-окружнаго) крайне необходимо для арміи; высшее и низшее дворянство должны быть одинаково разлиты въ ней. Когда двойное это перемѣщеніе совершится, — а безъ него мы не обойдемся — тогда большинству богатыхъ русскихъ родовъ не зачѣмъ будетъ скопляться въ столицѣ — праздная жизнь внѣ всякой службы не въ нашихъ правахъ; для своей прямой пользы они станутъ начинать карьеру на родинѣ, сольются съ мѣстнымъ земствомъ и станутъ его головою. Одна

изъ важнѣйшихъ причинъ нашей сословной некрѣпости разсѣется сама собою.

Тоже самое, и еще точнѣе, должно сказать о нынѣшней разсыпанности дворянства, объ опустѣніи нашихъ уѣздовъ. Это явленіе дѣйствительно существуетъ, но оно не имѣетъ никакого отношенія къ новымъ будто бы правамъ сословія; въ немъ выразилась только особенность переходнаго времени. Конечно, теперь уже трудно собрать всѣхъ помѣщиковъ, разбѣжавшихся тринадцать лѣтъ тому за границу и въ города, но большинство ихъ вернется, когда увидитъ приличное для себя положеніе въ родной мѣстности; а затѣмъ, у этихъ доморощенныхъ эмигрантовъ есть дѣти, уже взрослые, дѣло же идетъ не собственно о текущемъ часѣ, а о нашемъ будущемъ. Главное же, наше культурное общество, ставшее опять государственнымъ сословіемъ, будетъ властнымъ надъ своими членами, поголовно обязанными къ срочной земской службѣ, и не допуститъ новаго разброда между ними; да никто и не подумаетъ о разрывѣ связи съ своимъ пепелищемъ, когда земскія права будутъ упрочивать личное положеніе, а земская дѣятельность—складывать репутацію человѣка. Въ будущемъ, конечно, надобно ждать постепеннаго сокращенія въ деревняхъ дворянства мелкомѣстнаго, недостаточно обезпеченнаго своей землицей при новыхъ условіяхъ хозяйства; оно будетъ вытѣсняться крестьянскимъ и крупнымъ землевладѣніемъ, оставаясь долго еще необходимымъ для государственной службы, особенно же въ арміи; но тѣмъ болѣе широкое поле предстоитъ дворянству ценсовому. Оно также будетъ отчасти и постепенно замѣняться новыми выросшими изъ почвы землевладѣльцами—(недвижимыя имѣнія стали переходить у насъ изъ рукъ въ руки гораздо чаще прежняго), но эти новые люди, выдвигаясь одинъ за другимъ и постепенно, станутъ прирастать органически къ государственному сословію въ свойственномъ ему духѣ. Духъ же этотъ сохра-

штся и разовьется широко, опасаться тутъ нечего. Кажущееся оскудѣніе нынѣшняго сельскаго дворянства, отсутствіе людей, къ которымъ прежде ходилъ судиться весь околодокъ — произошли явно отъ его разсѣянія и отъ утраты прежняго положенія; люди эти живы, но одни изъ нихъ въ отсутствіи, другіе не хотятъ и не могутъ выходить изъ предѣловъ частной жизни. Не всякій станетъ добровольно баллотироваться въ мировые судьи, при нынѣшнемъ духѣ и направленіи общественнаго дѣла. Наше культурное сословіе конечно утратило вѣру въ себя послѣ того какъ порвалась его сомкнутость и отъ него остались однѣ безсвязныя единицы; можно испарить всю невскую воду, разливъ ее по стаканамъ выставленнымъ на солнце, хотя нельзя испарить текущую Неву. Также и съ сословіемъ. Самые развитые люди, кромѣ геніевъ, сильны только общественными, а не своими личными силами. Русское культурное сословіе, сложенное въ государственное, необходимо проявитъ всю суть умственныхъ и нравственныхъ силъ, присущихъ русскому народу—такъ какъ эти силы въ немъ только, и ни въ комъ кромѣ его, становятся вполнѣ сознательными. Потому, мы остаемся въ убѣжденіи что выбора нѣтъ: само собой дѣло не поправится; исключительный цензъ приведетъ насъ еще къ большей распатанности, чѣмъ нынѣшняя безсословность; остается только дворянство, какъ средоточіе необходимой намъ организаціи. Конечно къ дворянству, какъ къ сословію государственныхъ избирателей, представляющихъ собою не какую-либо сословную касту на западный образецъ, а итогъ умственныхъ силъ Россіи, необходимо присоединить крупные капиталы и людей умственнаго труда, заявившихъ свою способность—иначе оно осталось бы одностороннимъ и искусственнымъ учрежденіемъ, не выражающимъ дѣйствительности силъ, руководящихъ народною жизнію.

Когда политическое сословіе государства смыкается вокругъ наслѣдственнаго класса—иначе оно у насъ немыслимо—то оно

должно владѣть своими членами и открывать свою мѣстную среду не иначе, какъ по общему согласію—какъ лицамъ удовлетворяющимъ требованіямъ сословнымъ и цензовымъ, такъ и людямъ всякаго званія, удостоеннымъ общественнаго довѣрія. Намъ замѣчали что группа полноправнаго мѣстнаго сословія будетъ облечена такимъ образомъ правами остзейскаго дворянства; мы не видимъ тутъ ничего схожаго. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ привилегированное сословіе пользуется правомъ допускать въ свою среду благородные роды наслѣдственно, мы же говоримъ о личной оцѣнкѣ людей; но, кромѣ того, остзейское дворянство есть кровная каста, руководимая своимъ тѣснымъ сословнымъ духомъ, а у насъ же дѣло идетъ о томъ только, чтобы сомкнуть въ одно цѣлое политическій и гражданскій, естественно выросшій и постоянно выростающій изъ почвы культурный слой, сплотить сословіе русскихъ европейцевъ, способныхъ относиться сознательно къ вопросамъ времени. Если такая спайка не можетъ обойтись у насъ безъ признаннаго дворянства, то никакъ не вслѣдствіе какого либо аристократизма въ началахъ, а по тремъ давно уже извѣстнымъ нашимъ читателямъ причинамъ: потому что у насъ нѣтъ другого образованнаго слоя, кромѣ дворянскаго; потому что въ одномъ дворянствѣ у насъ оказывается нѣкоторая привычка къ связности; потому что нашъ культурный пластъ существуетъ покуда въ видѣ сырого матеріала—не болѣе; ему предстоитъ еще связаться, а прочно связаться безъ сердцевины, безъ устойчиваго общественнаго центра—невозможно, какъ доказываетъ исторія. Мы достаточно развили эти доводы въ предшествующихъ главахъ. Въ нашихъ мѣстныхъ культурныхъ группахъ, положимъ хоть уѣздныхъ, прочно устроенныхъ, не можетъ зародиться никакого кастоваго духа, а потому и въ выборахъ ихъ выразится только мѣстное общественное мнѣніе, а не сословная ревность, какъ въ остзейскомъ дворянствѣ. Между обществомъ такого устройства, хотя бы сто разъ привилегирован-

нымъ, т. е. полноправнымъ въ смыслѣ общественной дѣятельности, и аристократій какого бы ни было вида, нѣтъ ничего общаго. Смѣшивать эти два разряда учрежденій, значитъ не понимать основаній — не только общественной науки, но даже практической жизни. Аристократическое общество не сочиняется; да у насъ нѣтъ для него и матеріаловъ. Исторія опредѣлила намъ быть монархіей народною и земскою, изъ чего однакожъ вовсе не слѣдуетъ, чтобъ мы должны были оставаться обществомъ неорганизованнымъ.

Всякій понимаетъ, что образованный и имущественный классъ, окончательно сомкнутый, руководящій общественною жизнью и земствомъ по указанію верховной власти, есть только орудіе, а не цѣль, а потому не можетъ имѣть поползновенія стать *всѣмъ* — не только въ государствѣ, но и въ народѣ. Назначеніе его — объединить наши сознательныя силы, но не подавлять ничего дѣйствительно живого, стоящаго внѣ его. Мы уже высказали наше мнѣніе: высшее сословіе должно быть у насъ открытымъ для всѣхъ образованныхъ родовъ и видныхъ заслугъ потомственно, для всѣхъ людей, заявившихъ свою способность къ общественной дѣятельности — лично; оно должно руководить крестьянскимъ самоуправленіемъ и развивать его, не замѣняя его собою; должно нести обязательно тягости государственной и земской службы; должно взращать на почвѣ своего мѣстнаго самоуправленія добрыхъ слугъ Государя, изучившихъ дѣйствительную жизнь, для дѣятельности всероссійской; должно воспитать русскій народъ современемъ, конечно еще не скоро, до той мѣры всесословности, какая будетъ отпущена намъ исторіей естественно, безъ натяжекъ и искусственныхъ учрежденій. Но затѣмъ, если мы хотимъ развиться до полной нравственной самостоятельности, то сомкнутое культурное сословіе должно также стать *единственнымъ* орудіемъ правительственнаго дѣйствія. Ему слѣдуетъ ввѣрить полноправное мѣстное самоуправленіе, во всемъ его объемѣ, до той черты

съ которой начинается дѣйствіе государственной власти; изъ его нѣдръ, изъ его выдающихся людей придется складывать высшую служебную іерархію, сначала областную, а потомъ и государственную. Даже въ чиновничьей Франціи, лишенной школы мѣстнаго самоуправленія, лучшіе префекты — не говоря о министрахъ — выходятъ преимущественно изъ общественныхъ дѣятелей, даже изъ людей такъ-называемаго празднаго общества, замѣняющихъ наукою жизни знаніе форменнаго дѣлопроизводства; у насъ же все дворянство начинаетъ и еще долго будетъ начинать жизнь государственною службою; наше земство долго еще будетъ состоять изъ людей исключительно служилыхъ — тѣмъ естественнѣе полное довѣріе къ нему. Канцелярскимъ учрежденіямъ останется у насъ еще достаточно мѣста, лишь бы *направленіе дѣлъ* было изъято изъ ихъ рукъ. Перенесеніе центра тяжести изъ чиновничества въ общество совершится легко, какъ только само общество будетъ установлено на прочныхъ основаніяхъ. Уравновѣсить же эти двѣ силы—земскую и бюрократическую, происходящія изъ источниковъ совершенно различныхъ, выражающія совсѣмъ иныя отношенія правительства къ народу, даже другой возрастъ государства, вносящія въ общее дѣло духъ прямо противоположный — совершенно невозможно. Такое сочетаніе двухъ равныхъ, но разнородныхъ силъ въ общественномъ тѣлѣ привело бы прямо къ неподвижности—ни къ чему иному. Одна изъ нихъ должна пользоваться господствующимъ, другая лишь подчиненнымъ, вспомогательнымъ значеніемъ. Или общественные дѣятели будутъ руководиться канцеляріей, или канцелярія будетъ руководиться общественными дѣятелями — другого выхода нѣтъ. Мы достаточно вкусили плодовъ перваго преобладанія — хотя неизбѣжнаго, а потому и естественнаго въ продолженіе нашего воспитательнаго періода. Но этотъ періодъ уже упраздненъ нынѣшнимъ царствованіемъ. Открылся новый, а вмѣстѣ съ нимъ и новыя потребнос-

ти, для удовлетворенія которымъ бюрократія безсильна. Очевидно какая сила стучится теперь въ дверь и готовится на смѣну прежней, въ качествѣ главнаго орудія верховной власти. Правильность нашего развитія въ настоящемъ и будущемъ зависитъ отъ ея признанія, явнаго и опредѣленнаго, со всѣми его послѣдствіями. Надобно замѣтить однакожъ, что выдающаяся черта нынѣшняго общественнаго склада, устраняющая даже мечту, чтобы изъ него могло выработаться что нибудь само собою, безъ давленія сверху, заключается въ томъ, что наше общество раздвоено и тормозитъ само себя, потому именно что большинство культурнаго слоя — люди оторванные отъ почвы, присосавшіеся къ государственной службѣ подъ всевозможными названіями. При отрѣшонности отъ дѣйствительной народной жизни, эта половина образованнаго слоя находится почти внѣ вліянія сборнаго опыта и вновь возникающихъ оцественныхъ потребностей. Оттого съ одной стороны, часть русскаго дворянтва, облечонная въ вицъ-мундирный фракъ, увѣковѣчивается, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ, въ заколдованномъ кругѣ полу-нигилистскихъ понятій, навѣянныхъ на него началомъ шестидесятыхъ годовъ — хотя не болѣе какъ на словахъ; съ другой стороны — она крѣпко держится за свое нагрѣтое мѣсто и предпочитаетъ извѣстное — сословную службу казенную, неизвѣстному — сословной службѣ земской. Несомнѣнно, что главными противниками связной общественной самодѣятельности, хотя бы передаваемой исключительно въ руки культурнаго сословія, являются у насъ люди того же сословія, ставшіе въ ряды бюрократіи, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ. Переходъ, наиболѣе необходимый современному русскому обществу, тормозится половиною самаго же общества, предпочитающею безформенность жизни — не отъ непониманія, даже не отъ увлеченія ложными идеями, а изъ за личнаго удобства. Наше вицъ-мундирное дворянство не желаетъ самостоятельнаго земства, чтобы не подорвать сво-

его личнаго положенія. Но мы, русскіе, можемъ смѣло положиться въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ коренныхъ вопросахъ, на нашу историческую власть: она всегда скорѣе упреждала чѣмъ откладывала осуществленіе всякой сознанной потребности. Не остановившись передъ мѣстничествомъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, передъ святынею народныхъ обычаевъ при Петрѣ Великомъ, передъ крѣпостнымъ правомъ при нынѣ царствующемъ Государѣ, она не остановится передъ преданіемъ бюрократіи, хотя преданіе это проросло сквозь всѣ наши кости. Но для того чтобы бюрократія могла уступить свое мѣсто иной, свѣжей силѣ, надобно чтобы эта сила была готова ей на смѣну—въ видѣ сплоченнаго русскаго общества, сплоченнаго на первыхъ порахъ хотя бы только положительнымъ закономъ. Это цѣльное тѣло не замедлитъ проявить и цѣльный духъ.

Русская исторія до сихъ поръ шла впередъ неуклонно, не сбиваясь съ пути, несмотря на чрезмѣрныя осаждавшія ее препятствія, вслѣдствіе того преимущества, что въ ней сочетались въ равной степени сила устойчивости и сила движенія. Наша верховная власть оставалась и останется непоколебимою въ своей сущности. Но она никогда не смѣшивала формъ съ сущностью, какъ происходило въ другихъ странахъ, рѣшительно мѣняла эти формы, когда онѣ отживали свое время, и создавала изъ нѣдръ общества новое, соотвѣтствующее эпохѣ орудіе, становившееся на долгое время главнымъ рычагомъ правительственнаго дѣйствія. Такими послѣдовательными орудіями были: родовое боярство (созданное, а не унаслѣдованное) въ московскомъ періодѣ и безличная бюрократія въ воспитательномъ; очевидно, что въ начинающемся періодѣ полнаго развитія русской жизни, основнымъ орудіемъ правительства можетъ стать только культурное общество. Предшествующій періодъ выработалъ въ этомъ отношеніи не болѣе какъ матеріалы, воспиталъ русскихъ европейцевъ, и пользовался ихъ личною

службою; срощеніе нашихъ сознательныхъ людей въ сословіе дѣйствительно государственное, есть дѣло наступившаго времени.

Непрерывность развитія въ эпоху близящейся возмужалости, если только мы сами не замедлимъ ея наступленія, обезпечена намъ историческими условіями прочнѣе, чѣмъ какому либо народу въ Европѣ. Русская верховная власть, создавшая наше государство и взросшая сама на всесословной почвѣ,—на почвѣ общихъ русскихъ пользъ безъ различія лицъ и состояній, не видавшая противниковъ и никогда не нуждавшаяся въ союзникахъ внутри государства, одна на нашемъ материкѣ не можетъ быть пристрастною ни къ какой опредѣленной формѣ общественнаго склада, кромѣ той, которая наилучше соотвѣтствуетъ росту общества. При такихъ отношеніяхъ къ народу, русское самодержавіе не имѣетъ ничего общаго въ основаніи съ неограниченными административными монархіями запада, недавно еще повсемѣстными, духъ и содержаніе которыхъ были заранѣе опредѣлены тѣми силами, съ помощью которыхъ онѣ установились. Наше самодержавіе, стоящее выше всякаго духа партій и общественныхъ группъ, представляетъ такое же общее, коренное и нераздѣльное начало, какъ народовластіе въ серьозной республикѣ,—начало, передъ лицомъ котораго не существуетъ въ государствѣ никакой самостоятельной силы, кромѣ той, которая поддерживается потребностью времени и общимъ убѣжденіемъ въ ея пользѣ. Полнота и единство государственнаго начала въ самодержавномъ и республиканскомъ видѣ правленія не даютъ ему повода смотрѣть ревниво на какую либо развивающуюся общественную силу, всегда встрѣчаемую ожесточеннымъ противодѣйствіемъ въ странахъ, гдѣ власть основана на уравновѣшеніи и примиреніи нѣсколькихъ разнородныхъ началъ. Въ послѣднихъ государствахъ форма, ограждающая права одной изъ сторонъ, составляетъ половину дѣла и не уступаетъ своего мѣста безъ битвы. Въ Россіи и въ Америкѣ она не можетъ противорѣ-

чить полновластному началу, на которомъ построено государство, не можетъ возбуждать его ревности, почему развитіе общественныхъ силъ въ соотвѣтствующихъ времени формахъ, естественный ростъ народнаго духа — и у насъ, и за океаномъ, обезпечены самою сущностью господствующей власти, ея полнымъ политическимъ безпристрастіемъ. При культурномъ обществѣ, дѣйствительно сознательномъ и связномъ — но не иначе — и въ самодержавной монархіи, какова наша, и въ благоустроенной республикѣ, какова американская, завѣдываніе дѣлами всегда будетъ находиться въ рукахъ людей, выносимыхъ впередъ мнѣніемъ, выражающихъ настроеніе большинства,—потому именно, что основная власть, отъ рѣшенія которой все зависитъ — осуществляется ли она въ лицѣ самодержавнаго монарха или самодержавнаго народа — не имѣетъ личныхъ интересовъ и не связана ни съ какими второстепенными общественными подраздѣленіями. Въ западныхъ же монархіяхъ, сложившихся на феодальной почвѣ, какъ и въ республикахъ искусственныхъ, правительство опирается исключительно на нѣкорыя общественныя группы и связано ихъ интересами: въ Пруссіи оно опирается на родовое юнкерство, въ Австріи — на онѣмеченную крупную аристократію и на небольшой клочокъ чисто-нѣмецкихъ областей, во Франціи — при бурбонахъ опиралось на эмигрантовъ и іезуитовъ, при бонапартахъ — на штыки и на биржу, при Луи-Филиппѣ и Тьерѣ — на буржуазію; вездѣ же, по необходимости, еще на чиновничество и на войско. Въ такихъ государствахъ правительство, озабоченное собственнымъ самохраненіемъ, очевидно, не можетъ во всемъ и всегда смотрѣть благопріятно на свободный ростъ общества; оно охотно допускаетъ въ немъ только то, что соотвѣтствуетъ его собственнымъ началамъ. Одна Англія составляетъ исключеніе, потому что, при всей разнородности государственнаго строя, ея политическій слой складывался не механически, а органически, срастаясь въ одно цѣлое.

Мы говоримъ не о томъ, что у насъ уже осуществилось, но о томъ что естественно вытекаетъ изъ данныхъ намъ исторіей основъ, что должно окончательно изъ нихъ вытечь при правильномъ народномъ ростѣ. Мы отмѣтили еще въ прежнихъ главахъ условія. тяготѣвшія надъ нашимъ прошлымъ: русское государство до вчерашняго дня ни разу еще не пользовалось полною свободою дѣйствій; оно должно было тратить всѣ силы безъ остатка — сначала на свою установку, потомъ на просвѣщеніе общества. До окончанія воспитательнаго періода намъ было некогда выводить практическія послѣдствія изъ своихъ теоретическихъ государственныхъ началъ. Часъ этотъ насталъ или, правильнѣе, настаетъ только теперь, но онъ настаетъ условно. Подъ непоколебимою верховною властью, совершенно безпристрастною по своей сущности къ проявленію и формамъ національныхъ силъ, —къ тому что мы назвали естественнымъ народнымъ ростомъ, наше сознательное общество можетъ свободно развиться до полноты своего внутренняго содержанія, проявить въ соотвѣтствующихъ и законныхъ формахъ все къ чему оно способно, ведя за собой народъ — но при условіи чтобы у насъ было цѣльное общество, котораго покуда нѣтъ и слѣда, меньше слѣда, чѣмъ было когда нибудь. Правительство можетъ только допустить, поощрить и узаконить всякій шагъ впередъ, созрѣвшій въ общественномъ сознаніи; придумывать же его само для націи оно не можетъ. Самыя лучшія государственныя начала приносятъ плоды только въ сочетаніи съ созрѣвшимъ народнымъ разумомъ, а разумъ зрѣетъ въ народномъ, какъ и въ единичномъ существѣ, только въ головѣ, а не въ членахъ. Когда общественное тѣло не вѣнчается хорошо устроенною головою — сознательнымъ и связнымъ политическимъ сословіемъ, оно можетъ наслаждаться только крѣпкимъ здоровьемъ и внѣшнею силою, но внутреннее развитіе для него недоступно. Присочинить же искусственно такую голову къ народу немыслимо. Оно можетъ думать только тою

головою, какая у него есть въ дѣйствительности, какую выростила ему исторія.

Мы высказали свое мнѣніе о вѣроятныхъ формахъ нашего будущаго развитія. Въ этомъ отношеніи намъ приходилось говорить то, что было уже сказано нѣсколькими проницательными умами, наилучше оцѣнившими основанія, на которыхъ стоитъ Россія. Дѣло это, впрочемъ, само по себѣ достаточно ясное. Для людей, не вѣрящихъ въ самозарожденіе, всякій плодъ есть произведеніе дерева, на которомъ онъ ростетъ. На нашу почву исторія не бросила сѣмянъ парламентаризма въ его европейскомъ и американскомъ видѣ—въ смыслѣ партій, дѣйствующихъ отъ своего лица и побѣждающихъ одна другую временнымъ привлеченіемъ большинства культурнаго слоя на свою сторону. Для такого рода дѣятельности у насъ нѣтъ никакой закваски, не только въ русскомъ обществѣ, но даже въ русской личности. Она требуетъ существованія въ странѣ какихъ либо самостоятельныхъ сборныхъ силъ, способныхъ выступить отъ своего имени — весь западный парламентаризмъ есть дѣло сословное, а не общенародное; въ Россіи нѣтъ даже признака какой либо самостоятельной силы, внѣ верховной власти, создавшей наше государство. Но исторія дала намъ другое: полное довѣріе между властью и народомъ, выразившееся въ совѣщательныхъ собраніяхъ, созываемыхъ по каждому важному случаю, обратившихся почти въ обычай въ концѣ московскаго періода,—собраніяхъ, которыя непремѣнно развились бы въ постоянное учрежденіе, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, на постоянно осадное положеніе государства, если бы не были внезапно прерваны петербургскимъ періодомъ, устремившимся по необходимости къ задачѣ совсѣмъ другого рода. По завершеніи этой задачи, возвращаясь отъ личнаго воспитанія и исключительно государственныхъ дѣлъ къ общественнымъ, у насъ нѣтъ другой точки отправленія, кромѣ той, на которой мы остановились въ

1688 году; съ нея только мы можемъ начать новое движеніе впередъ, не срываясь съ дороги, по которой шли наши предки, но довершая сознательно ихъ дѣло. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что русская власть XIX вѣка, закончившая задачу воспитательнаго періода и по личному почину воззвавшая общество къ самодѣятельности, окажетъ ему то же довѣріе, какое оказывала два вѣка назадъ—если общество будетъ знать само что ему нужно, т. е. если у насъ состоится связное политическое общество. Нравственное единеніе правительства со страной въ совѣщательныхъ собраніяхъ, общихъ и областныхъ, смотря по обширности предметовъ обсужденія, совокупно съ подборомъ государственныхъ людей изъ земской же самодѣятельности, съ нашей практической почвы, принесетъ современемъ плоды несравненно болѣе прочные и важные, чѣмъ приноситъ ихъ неискренній парламентаризмъ европейскаго материка. Но для такого единенія нужно предварительное условіе — чтобы правительству было съ кѣмъ единиться. Соглашеніе съ восьмидесяти-милліонною безсознательною массою осуществимо только въ сказкахъ и народныхъ операхъ. Наше политическое общество не можетъ появиться вдругъ, во всеоружіи; оно должно предварительно связаться въ областяхъ, изъ матеріала уже готоваго, но еще не связнаго; всему свой чередъ. Надо сказать еще больше—это политическое общество никогда не разовьется само собой, при нынѣшней разрозненности, сколько бы ни наростало для него запасовъ; его можетъ сложить въ одно цѣлое только та сила, которая создала Россію и все что въ ней есть—русская историческая власть.

Основанія на которыхъ стоитъ современная Россія — единеніе непоколебимой и безпристрастной по своей сущности верховной власти съ народомъ, чуждымъ сословнаго соперничества — обѣщаетъ намъ очень богатое гражданское развитіе въ будущемъ,— если мы съумѣемъ впору понять свою личность и свои особенно-

сти, если мы искренно оставимъ несостоятельную мысль о подражаніи чуждымъ учрежденіямъ, которыя могутъ быть только декораціей на нашей почвѣ, и станемъ думать о развитіи общественныхъ формъ, дѣйствительно намъ свойственныхъ. Мы считаемъ себя въ правѣ говорить объ этомъ краеугольномъ вопросѣ, потому что говоримъ чистосердечно, въ полномъ убѣжденіи что у насъ есть въ зародышѣ все что намъ нужно и что мы можемъ развиться широко и прочно, не сходя съ нашихъ историческихъ основъ,— съ которыхъ, вдобавокъ, и сойти не возможно, такъ какъ онѣ несравненно прочнѣе всякихъ преходящихъ стремленій. Мы сказали уже и думаемъ, что нашему отечеству до сихъ поръ некогда было выводить практическихъ послѣдствій изъ началъ, заложенныхъ въ нашъ государственный строй. Формы, насильно навязанныя намъ необходимостями каждаго изъ прожитыхъ періодовъ, постоянно закрывали ихъ сущность. Часъ для ихъ обнаруженія настаетъ только теперь, хотя мы живемъ еще покуда подъ формами воспитательнаго періода, не успѣвшими уступить мѣсто новымъ. Бюрократія, произволъ частныхъ властей и разъединенность культурнаго слоя, лишающая его всякой самостоятельности — основныя и неизбѣжныя черты воспитательнаго времени — до сихъ поръ еще составляютъ видимую наружность нашей общественной жизни; но смыслъ ихъ уже въ прошломъ, а не въ будущемъ, и даже не въ настоящемъ, хотя не только иностранцы, но огромное большинство русскихъ людей видятъ въ нихъ какъ бы неотъемлемую принадлежность нашего кореннаго начала — самодержавія. Они судятъ о принципѣ по формамъ, въ которыя облекала его преходящая историческая необходимость,—по военной диктатурѣ московскаго періода и воспитательной миссіи періода петербургскаго, не допускавшихъ полной откровенности между властію и народомъ. До сихъ поръ многіе говорятъ о нашемъ государственномъ началѣ въ какомъ-то общемъ смыслѣ, между тѣмъ какъ русское

самодержавіе есть очевидно начало совершенно новое въ исторіи, существенно способное примѣняться къ потребностямъ каждой эпохи. Въ немъ выразился, думаемъ, единственно возможный видъ верховной власти монархическаго народа, не раздробившагося на самобытныя, рѣзко отграниченныя сословія, отстаивающія свои права каждое само за себя, какъ было и есть на западѣ. Всякій народъ отражается въ своей верховной власти; русскій народъ, никогда не разрывавшій общественной цѣльности, не могъ, да и не имѣлъ повода думать объ осложненіи своихъ правительственныхъ формъ; никакой сознательный бытовой интересъ внизу не чувствовалъ въ томъ надобности. Наше всенародное самодержавіе, какъ народовластіе въ республикѣ, стало принципомъ не допускающимъ искусственнаго владычества меньшинства, но по сущности своей благопріятнымъ всему, что желательно для сознательнаго большинства націи. Мнѣніе, часто выражаемое и иностранцами, и нѣкоторыми русскими людьми, что подъ самодержавіемъ всякая, даже низшая власть — самодержавна, вслѣдствіе чего общественная жизнь не можетъ развиваться свободно, относится очевидно не къ сущности дѣла, а только къ пережитымъ нами формамъ московскаго и воспитательнаго періодовъ, когда у насъ не существовало самоуправленія, а культурное, т. е. политическое сословіе государства, дѣйствовало не сообща и не отъ своего имени, а лишь въ качествѣ казенныхъ чиновниковъ. Это сословіе и впредь будетъ не болѣе какъ орудіемъ правительства, потому что русскій народъ не признаетъ никакого самостоятельнаго источника власти внѣ власти царской, но отдѣльные органы его, отвѣтственные снизу и сверху, отвѣтственные передъ мнѣніемъ русской земли — облеченнымъ въ соотвѣтственныя формы для своего выраженія, — утратятъ всякое поползновеніе къ произволу; съ другой стороны нельзя даже придумать повода, по которому правительство, не нуждающееся ни въ какихъ союзникахъ внутри государства, а потому

не связанное никакими сословными и частными интересами, стало бы систематически противиться заявленію сознательнаго, организованнаго и вполнѣ вѣрнаго ему русскаго большинства. Даже дѣятели государственные, избираемые властію лично, поставленные передъ гласною разцѣнкою этого большинства, станутъ людьми вполнѣ отвѣтственными — гораздо болѣе чѣмъ въ странахъ конституціонныхъ, гдѣ эта отвѣтственность есть только слово прилагаемое къ дѣлу развѣ лишь восторжествовавшею революціею. Чисто нравственныя основы, тамъ гдѣ онѣ могутъ быть чистосердечными, гдѣ онѣ не затруднены несогласимыми интересами, оказываются дѣйствительнѣе всякихъ другихъ, — на такихъ основахъ, стоитъ семейство и все что есть самаго священнаго у людей. Вошедши въ привычку, онѣ проникаютъ народный организмъ и становятся неискоренимыми. Всякій знаетъ что въ Англіи, столь рѣзко отличающейся отъ материка своимъ крѣпкимъ устоемъ, самые основные законы суть законы неписанные, но за то вросшіе въ сознаніе каждаго англичанина.

Примѣръ англо-саксонскаго племени въ этомъ отношеніи особенно важенъ для насъ, русскихъ, сохранившихъ простоту, можно сказать естественность своего общественнаго устройства; въ такомъ состояніи, именно, залогъ преуспѣянія заключается главнѣйше въ нравственныхъ началахъ, въ сборныхъ, глубоко укорененныхъ убѣжденіяхъ, играющихъ второстепенную роль на западномъ материкѣ, гдѣ весь государственный устой построенъ на письменномъ договорѣ между недружелюбными сословіями, изъ которыхъ одно только высшее чистосердечно поддерживаетъ верховную власть. Извѣстна поговорка англичанъ объ ихъ (не одноличномъ) самодержавіи, что король въ парламентѣ (King in parliament) не можетъ только одного: обратить мужчину въ женщину и женщину въ мужчину. Однакожъ спросите англичанина, можетъ ли король въ парламентѣ, т. е. великобританское самодержавіе, отмѣнить

вовсе установленіе присяжныхъ, свободу слова и сборищъ, личную неприкосновенность гражданина и тому подобное. Всякій англичанинъ отвѣтитъ, что эти льготы не входятъ въ кругъ дѣйствій верховной власти. Для него эти права уже не права политическія, не обезпеченія народной свободы, подчиненныя постановленіямъ закона; они срослись въ его глазахъ съ правомъ естественнымъ — какъ понятіе о собственности, о семействѣ и такъ далѣе. Со всѣхъ сторонъ жизни обезпеченныхъ такими убѣжденіями (а ихъ не мало), свобода англичанина изъята изъ подъ воли общества, даже взятаго въ совокупности, она не зависитъ болѣе ни отъ формы правительства, ни отъ теченія времени. Въ такомъ разростаніи личной независимости, обращающемъ по немногу въ право естественное то, что было прежде только правомъ политическимъ или гражданскимъ, во всякомъ случаѣ условнымъ—заключается, очевидно, единственное существенное развитіе народной жизни, обезпечивающее, въ одинаковой степени, и личность, и порядокъ. На европейскомъ материкѣ такихъ укорененныхъ понятій очень мало, разростанія же ихъ вовсе не видно, отчего и общественный строй имѣетъ тамъ видъ условный и шаткій. Какое твердое развитіе возможно, напримѣръ, во Франціи, гдѣ общественная власть присвоиваетъ себѣ право (почти уже цѣлое столѣтіе) запрещать неразрѣшенное полиціей сборище свыше 21-го лица, даже для пріятельскаго обѣда, или право разомъ закрывать всѣ церкви и не позволять людямъ молиться? Въ Россіи мы никогда не знали стѣсненій такого рода, вслѣдствіе непрерывности своего историческаго движенія и довѣрчиваго отношенія власти къ народу; тѣмъ не менѣе, выгороженныхъ изъ подъ общественной опеки сторонъ жизни у насъ также нѣтъ, кромѣ одной—относящейся къ народному вѣроисповѣданію. На вопросъ, конечно фантастическій: могла-ли бы наша государственная власть измѣнить господствующую вѣру, каждый русскій отвѣтитъ, какъ англичанинъ отвѣчаетъ

въ другихъ отношеніяхъ — нѣтъ, это право не входитъ въ кругъ ея дѣйствій. Между тѣмъ одинъ изъ англійскихъ королей могъ измѣнить народную религію своимъ личнымъ указомъ, хотя другой поплатился престоломъ за такую попытку. Это значитъ только то, что при Генрихѣ VIII католичество расшаталось въ душѣ его подданныхъ, а при Яковѣ II протестантство успѣло уже сростись вновь съ ихъ душой; то, также, что свобода оставаться православными составляетъ для громаднаго большинства русскаго населенія право отвлеченное, естественное, а не условное, подлежащее дѣйствію закона. То же должно сказать и о другихъ русскихъ религіозныхъ толкахъ: ихъ можно было преслѣдовать какъ меньшинство, но нельзя было сломить; они удержали свое естественное право вѣрить въ то, во что имъ вѣрилось. Между тѣмъ протестантство, распространившееся одно время такъ сильно во Франціи и въ Польшѣ, было искоренено властію. Можно заключить, что духовная самостоятельность въ русской природѣ сильнѣе и что мы способны превращать постепенно преходящія льготы въ естественныя права, сростающіяся съ понятіемъ людей, т. е. ограничивать все болѣе и болѣе кругъ дѣйствій общественной власти, каковы бы ни были ея формы—въ чемъ и состоитъ истинное упроченіе свободы. До сихъ поръ эта способность проявлялась только въ одномъ направленіи, вслѣдствіе неодолимыхъ внѣшнихъ условій, тяготѣвшихъ надъ нашею жизнію во все продолженіе прожитой нами исторіи; но если, какъ можно думать, она существуетъ въ насъ, то она проявится и въ другихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, при тѣсномъ единеніи власти съ народомъ, какъ у насъ, предстоящія намъ формы развитія (очевидно совѣщательныя, а не конституціонныя на западный ладъ, основанныя на полюбовномъ соглашеніи, а не на силѣ, существенно измѣнчивой) несравненно благопріятнѣе для выработки коренныхъ и повсемѣстныхъ убѣжденій, переливающихся по немногу въ понятіе о естественномъ пра-

вѣ, чѣмъ захваты партій, всегда оспариваемые противоположною партіею, всегда условные, въ которыхъ заключается суть европейскаго матерпковаго развитія, если только оно можетъ быть названо развитіемъ. Лишь въ Англіи и Америкѣ данное разъ никогда не отымается, потому что тамошнія партіи давно согласились въ общихъ основаніяхъ, потому что онѣ въ прямомъ смыслѣ— не партіи на подобіе французскихъ и нѣмецкихъ, а группы практическихъ мнѣній, взаимно уважающихъ другъ друга, вслѣдствіе чего въ этихъ странахъ общество все болѣе и болѣе выгораживается изъ подъ опеки писанныхъ условій. Благодаря цѣльности нашего кореннаго начала, нашей исторической верховной власти, устраняющей всякій споръ объ *основаніяхъ*, намъ придется не только кончить, но и начать свое общественное развитіе въ англо-саксонскомъ духѣ—группами единомышленниковъ, стоящими на одной и той же почвѣ, разнящимися только въ практическихъ выводахъ. Тѣмъ прочнѣе будутъ укореняться въ русскомъ народѣ основныя мнѣнія, вырабатываемыя общественною жизнію и не раздираемыя антиподною противоположностію партій; тѣмъ быстрѣе будутъ развиваться понятія о *естественномъ правѣ* общества и личностей. Всякое же такое понятіе, разъ укоренившееся, по неизбѣжному закону исторіи находитъ формы и пути для заявленія о себѣ, постепенно порождаетъ соотвѣтствующія ему учрежденія, сила которыхъ заключается въ установленности и общемъ довѣріи, а не въ томъ—совѣщательныя онѣ или парламентарныя, развиты ли онѣ обычаемъ или скрѣплены пергаментомъ. При продолжающихся еще покуда формахъ воспитательнаго періода, подчиняющихъ все и всѣхъ ежечасному бюрократическому надзору, обычай не имѣетъ у насъ никакого значенія въ публичной жизни, ему неоткуда даже возникнуть; но при обществѣ самодѣятельномъ онъ необходимо получитъ значеніе первостепенное, станетъ неписаннымъ закономъ, предшествующимъ закону писанному и по-

лежащимъ его. Можно надѣяться, что такимъ образомъ мы пойдемъ къ развитію соразмѣрному даннымъ намъ силамъ, безъ перерыва, путемъ гораздо вѣрнѣйшимъ, болѣе сознательнымъ и искреннимъ, чѣмъ идутъ народы европейскаго материка. Но для того нужно прежде всего подчинить стихійныя влеченія народному разуму, поставить въ головѣ толпы объединенное культурное сословіе, признанное политическою силою русской земли и исключительнымъ орудіемъ верховной власти.

Положеніе наше безпримѣрно. Намъ приходится складывать свое сознательное общество, вездѣ выработывавшееся исподоволь, въ состояніи зрѣлаго государственнаго возраста. Въ этомъ отношеніи между нами и другими народами оказывается такое же различіе, какъ между филологомъ, изучающимъ новый языкъ съ помощію сравнительнаго языкознанія, и ребенкомъ, перенимающимъ его отъ няньки. Послѣдствія явны: наша національная политическая и общественная жизнь долго не станетъ такою же развязною, какъ у нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ; но она можетъ стать болѣе сознательною и прочною.

Заключительная мысль этой книги очевидна: наша родная Россія, въ настоящемъ ея видѣ, предоставленная естественному теченію дѣлъ, не разовьется ни во что, несмотря на безпримѣрное богатство духовнаго содержанія — по неимѣнію въ себѣ дрожжей — какихъ либо самодѣйствующихъ общественныхъ силъ, способныхъ поднять насъ и дать намъ опредѣленный обликъ. Насъ можетъ поставить на ноги только рука верховной власти, новый правительственный почипъ, дополняющій великія послѣдствія преобразованій, совершенныхъ преимущественно съ отрицательной стороны, — положительною ихъ стороною, точно согласованною съ нашимъ историческимъ складомъ и всѣми дѣйствительностями нашей бытовой жизни. До сихъ поръ эта положительная сторона выразилась учрежденіями, смѣемъ сказать — искуственными, проникну-

тыми духомъ исключительной полосы времени когда онѣ созидались, и по большей части непринявшимися на нашей почвѣ. Есть надежда, что разъ ставши на ноги мы устоимъ, олицетворяя народную притчу о нашемъ сиднѣ Ильѣ Муромцѣ. Остается стало быть желать, чтобы большинство русскаго образованнато слоя сознало отчетливо и высказало вслухъ нашу главную современную потребность—потребность общественнаго объединенія. Когда она будетъ признана значительнымъ числомъ мыслящихъ людей, то правительство, можно надѣяться, не затруднится осуществить ее; водвореніе нравственнаго порядка въ Россіи столь же необходимо власти, какъ и народу. Тогда выкажется сама собой и форма, въ которую мы должны сложиться,—намъ не изъ чего выбирать. Надобно замѣтить еще слѣдующее: одни фантастическіе умы, вовсе непонимающіе дѣйствительности, могутъ воображать, что Россія— не только 19-го, но даже 20-го столѣтія—будетъ въ состояніи управляться сама собой, по образцу Англіи. Россіей надо, и еще неопредѣленно долго будетъ надо—управлять; все дѣло только въ томъ, чтобъ ею хорошо управляли. Но правительство, какъ мы однажды выразились, состоитъ не изъ волшебниковъ, знающихъ народныя нужды лучше чѣмъ ихъ знаетъ самъ народъ и его культурное сословіе; пора одностороннихъ вопросовъ воспитательнаго періода, видныхъ лучше сверху чѣмъ снизу, уже миновала; задачи развитой общественной жизни стали несравненно сложнѣе, а потому вѣрное направленіе ихъ невозможно въ будущемъ безъ содѣйствія самаго общества, способнаго къ мѣстному самоуправленію и къ совѣщательному обсужденію передъ лицомъ власти обще-русскихъ вопросовъ. Заключеніе явно: связное и сознательное общество составляетъ такую же жизненную потребность наступившей эпохи, какую личное развитіе культурныхъ людей составляло въ эпоху, недавно законченную. Безъ общества мы можемъ прозябать, но жить не можемъ.

Въ природѣ духовной—въ исторіи, также какъ въ природѣ вещественной, великія и прочныя послѣдствія истекаютъ по большей части не изъ шумныхъ переворотовъ, а изъ постоянно дѣйствующихъ, мелкихъ съ виду причинъ, направляющихъ общее развитіе будущаго въ ту, а не въ другую сторону. Переходъ изъ нынѣшней русской безформенности къ благонадежной общественной организаціи, соотвѣтствующей нашему коренному складу, не требуетъ ни какой громкой передѣлки установленнаго порядка, ни какого перелома въ коренныхъ законахъ, ничего похожаго на великое обновленіе шестидесятыхъ годовъ; онъ можетъ быть осуществленъ нѣсколькими, мало замѣтными для нашего народа и Европы, дополненіями къ дѣйствующимъ постановленіямъ. По нашему разумѣнію эти дополненія заключаются въ слѣдующемъ:

1) Опредѣлить новыя права вступленія въ потомственное и личное дворянство, права соотвѣтственныя современному развитію нашего общества,—чтобы сомкнуть прямо или косвенно около высшаго сословія, остающагося главнымъ орудіемъ правительственнаго дѣйствія, весь русскій культурный слой; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить этому сословію извѣстныя права надъ своими членами.

2) Перенести избраніе властныхъ лицъ уѣзднаго управленія въ дворянское собраніе, устроенное вышесказаннымъ образомъ, не трогая ни городскаго, ни крестьянскаго самоуправленія.

3) Поставить надъ волостями попечителей, по избранію дворянства.

4) Ограничить кругъ дѣйствія всесословныхъ земскихъ собраній утвержденіемъ земскихъ налоговъ и выборомъ лицъ, завѣдующихъ общественными суммами, съ представленіемъ мѣста въ собраніи всякому владѣльцу ценсоваго имущества или капитала, личному и сборному.

5) Отдать уѣздъ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ полное завѣдыва-

ніе мѣстному самоуправленію, обращенному въ отвѣтственную инстанцію управленія государственнаго.

6) Предоставить губернскому предводителю право созывать *сословное* собраніе губернское, а собраніямъ этимъ — свободу споситься между собою и дѣйствовать по отношенію къ правительству на основаніи существующихъ, ни когда не отмѣненныхъ законовъ императрицы Екатерины II.

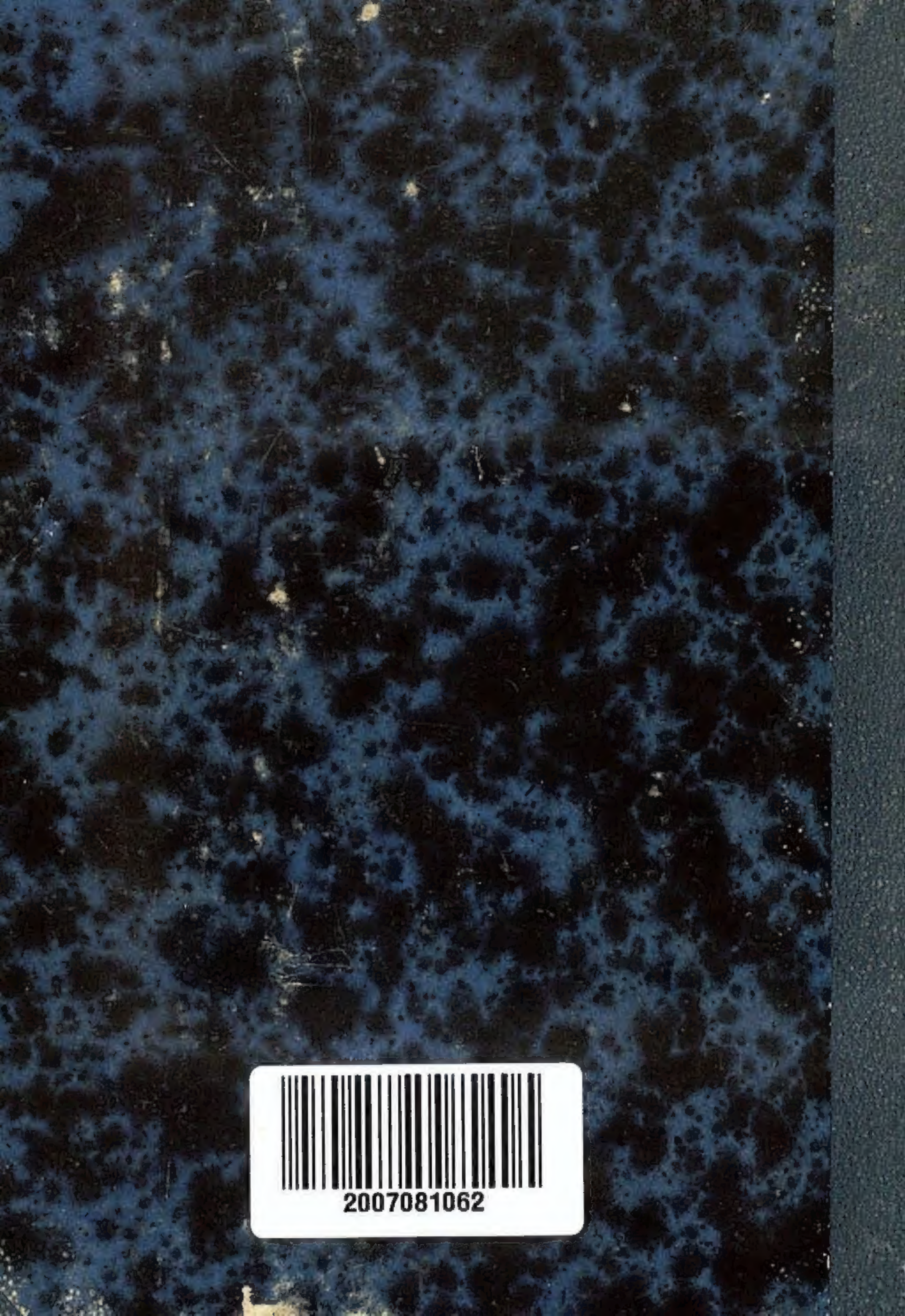
7) Сокращать постепенно бюрократію до необходимыхъ предѣловъ, по мѣрѣ передачи земству заботъ, лежащихъ теперь на ней *дѣйствительно*, обращая остатки отъ сокращеній на земскія потребности.

8) Явно отграничить гражданскія должности властныя отъ приказныхъ и замѣщать первыя преимущественно земскими дѣятелями.

9) Опредѣлить особыя обязательныя отношенія дворянства къ всесословной воинской повинности и къ службѣ въ арміи.

Исчисленныя мѣры, конечно, поведутъ со временемъ еще ко многимъ другимъ; но уже сами по себѣ онѣ дадутъ русской жизни прочное основаніе.

Ни одно изъ этихъ дополненій, истекающихъ прямо — или изъ нашихъ коренннхъ законовъ, или изъ нашихъ естественныхъ и обычныхъ отношеній, не будетъ носить на себѣ, ни въ какой степени, характера общественнаго переворота въ глазахъ современнаго поколѣнія; но итогъ ихъ дастъ совсѣмъ иное направленіе нашему будущему; онъ замѣнитъ нынѣшнюю безформенность (слово равнозначущее хаосу) разумно устроеннымъ обществомт. Въ срокъ одного поколѣнія на мѣсто нынѣшней безсознательной нравственно безсильной Россіи станетъ Россія сознательная, способная выработать присущія ей духовныя силы въ опредѣленные образы.

2007081062